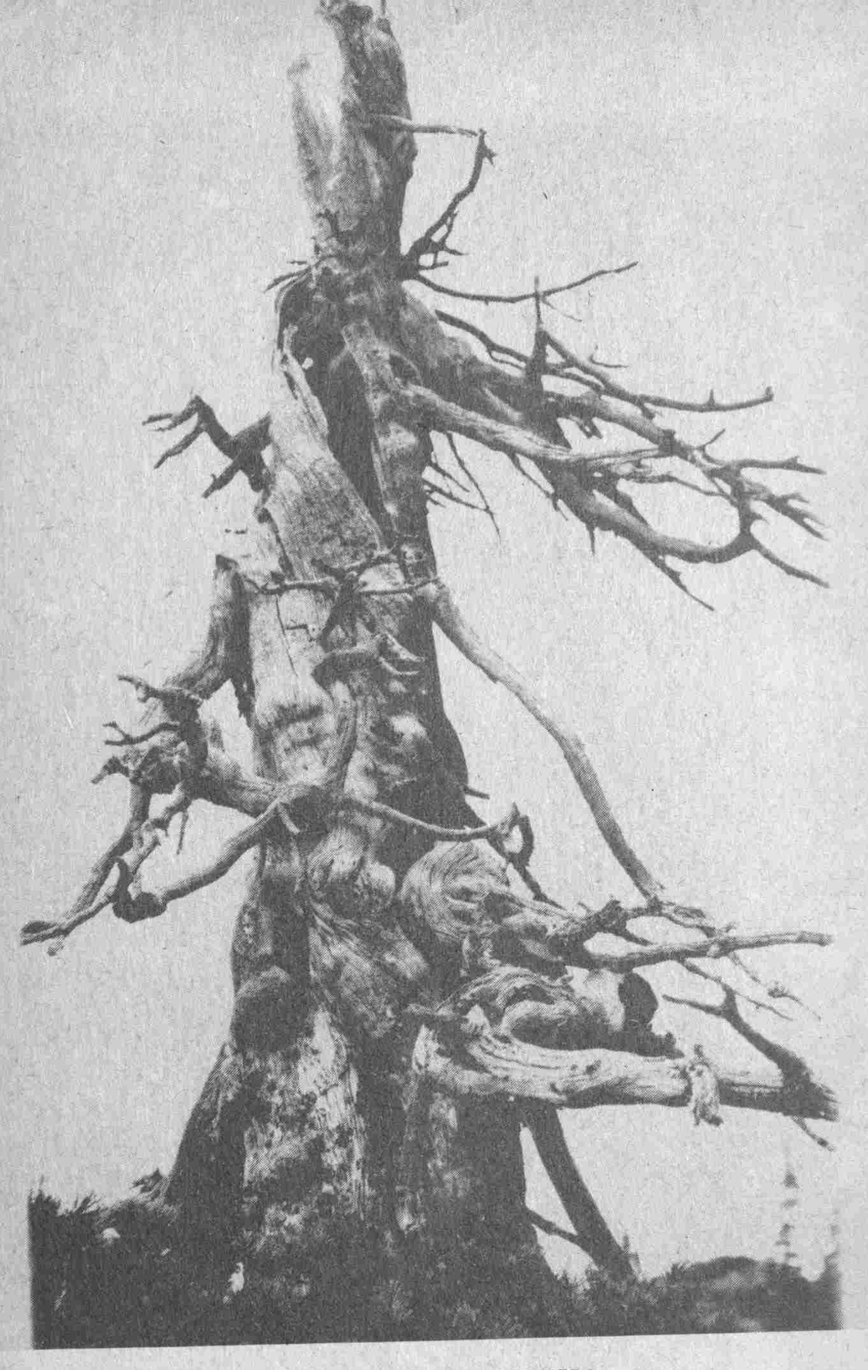
СИБИРЬ

5 91

Беседа с писателем
Михаилом АНТОНОВЫМ

Зарубежный детектив.
Г. К. ЧЕСТЕРТОН.
Худшее преступление в мире

Хамар-Дабан. На перевале. Фото Б. ДМИТРИЕВА.

СИБИРЬ

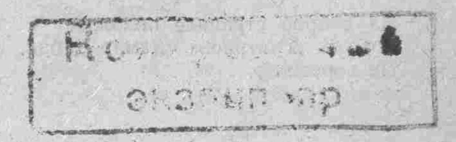
5 91

Журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель: Союз писателей РСФСР

Выходит 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство

На второй странице обложки фото Б. Дмитриева «Хамар-Дабан. На перевале».

ISBN 0132—6740

ИНТЕРВЬЮ «СИБИРИ»

Имя писателя Михаила Антонова, председателя Центрального совета Союза духовного возрождения отечества, известно не только у нас в стране, но и за рубежом. Его статьи, книги имеют шумный отклик у критики, добрую признательность у читателя.

В самом начале перестройки, когда еще только началась предвыборная кампания, Михаил Антонов в одной из своих статей в «Нашем современнике» предсказал приход к власти «демократов» и как следствие этого — гражданскую войну. Мало кто, наверное, обратил на это внимание тогда, но события в Закавказье, в Прибалтике и других местах подтвердили точность предвидения.

Но данная беседа посвящена не политике, не экономике, а духовно-нравственной жизни человека. «Безнравственный человек не в состоянии создать процветающую экономику, — пишет Михаил Антонов в предисловии к своей книге «Проблема русского нравственного идеала в трудах И. В. Киреевского», — он может лишь разнести ее вдребезги и навязать всему обществу мораль уголовного мира, создать, может быть, первое в истории государство бандитов. Безнравственность может поразить не только отдельного индивида, но при особых, неблагоприятных условиях — и целые народы».

И уже на нашей памяти не только у нас в стране, но и в мире, в частности, в Персидском заливе под шумок разговоров о демократии и суверенитете свершалось торжество многонационального сатанизма, лилась кровь ни в чем не повинных людей.

Но выход у человечества еще есть — в стремлении к высшему нравственному идеалу.

«Без высшей же идеи не может существовать ни человек, ни нация», — эти слова Ф. М Достоевского мы ставим эпиграфом к нашей беседе.

Антонов: Когда я говорю, что марксизм-ленинизм себя исчерпал, многие почему-то начинают считать, что вот, мол, еще один диссидент появился, который отрицает социалистический выбор, сделанный нашим народом после Октябрьской революции. Но это неправильное толкование моих взглядов. Я считаю, что социализм — это вековечное русское понимание. Но социализм не тот — казарменный, не Марксов, а социализм — как жизнь, основанная на общинных и артельных началах. Ведь это было присуще русскому народу в большей степени, чем какому-либо другому. Так что у нас — русский социализм, а не тот, который зародился в умах западного пролетария, лишенного всего и вся, Октябрьская революция, конечно,

имела глубокий смысл. Дело в том, что после Февраля многие хотели направить развитие нашей страны по чисто капиталистическому пути. И историческая заслуга большевиков в том и заключалась, что они предотвратили это сползание России на путь капиталистического развития. Правда, сделано это было без теории, без понимания, атеистически, безбожно и, значит, — безблагодатно — радикальные перемены сопровождались страшными катаклизмами, кровопролитиями, ужасами. И, с точки зрения православного человека, все, что произошло тогда, я называю искуплением грехов, которые русский и другие народы наши совершили против Бога. Для многих же, кто остался верен Господу и в те периоды самых страшных гонений на христианство, по своей дикости и масштабам превосходивших ужасы времен Нерона и Диоклетиана; для тех, кто это прошел, нынешнее положение совсем не так трагично, как это представляется уму безбожного, атеистически живущего человека.

Одним словом, конечно, у Октябрьской революции была своя цель, она ее достигла, но что касается духовного взлета, то его не произошло, потому что прожитые 73 года были годами, когда в нашем народе насаждалось чувство самого примитивного материализма, вещизма и т. д.

Был, правда, и известный период революционного идеализма, но время это однако же очень быстро кончилось. Что касается духовного взлета, то он, конечно, еще впереди. Почему — впереди? Потому что больше человечеству, кроме как от России, ждать этого неоткуда? А нуждается оно в этом гораздо больше, чем в хлебе насущном. Неоткуда ждать, потому что Запад — это индивидуализм, потребительство, покорительство. Восток — это пассивность. И наша Россия, как носительница самого высокого идеала чистой православной веры, только православная Россия и может дать всем людям мира ответ на все вопросы, которые жизнь ставит сейчас перед нами. И характер народа, и русские традиции, и огромный фундамент византийской культуры, на котором наша православная вера основывается,— вот три составляющие, которые сделают Россию объективно будущим духовным лидером мира.

Корр.: Я рад вашему оптимизму, тем более на фоне откровенного самооплевывания, набивших оскомину суждений о рабстве русских, а также агрессивности...

Антонов: Знаете, я на людей, которые это утверждают с пеной у рта, обычно не обижаюсь, в отличие от большинства моих единомышленников. Считаю, что это проявление не совсем здоровой психики, вот и все! Что поделаешь, раз уж так сложился человек. И его бы пожалеть надо, помолиться, может быть, за него, чтоб Господь просветил его. Но, с другой стороны, конечно, в русском народе, как и в любом другом, были свои умные и не очень, были предприимчивые и забитые люди. Но в целом-то русский народ — это как раз самый

великий народ, который сложил свою страну от Балтики до Тихого океана. Чтоб тупой, забитый раб смог это сделать — где это видано было? Шли небольшие отряды казаков, например, в Сибирь. Если б они шли как завоеватели, они были бы просто-напросто стерты в порошок массами живших там народов. Но — нет! Эти люди, конечно же, не были завоевателями. Они, наоборот, несли просвещение, проявляя и сметку, и твердость характера, и умение понять другого человека, весь народ. Значит, они были совсем не глупые люди.

И, наконец, последнее. Все говорят: конечно, русские, они же православные были. А православный — кто такой? Это — раб Божий. Ну, и понятно, рассуждают наши «мудрецы», вот вам и аргумент в пользу рабства русских. Но ведь это же чушь! Самый свободный человек на всем белом свете — это раб Божий. Потому что он — раб только Бога и никого другого не боится: «Господь и просвещение мое и заступник мой. Кого убоюся!» А посмотрите на наших «критиков», рассуждающих о якобы неизлечимом рабстве русских — при любом грозном окрике своего непосредственного начальника, куда только девается смелость, готовы преклонить голову что называется на уровне начальнических сапог.

Корр.: В настоящее время затихла дискуссия о том, какая идеология нужна перестройке. Быть может, это от того, что все теперь понимают, что марксизм-ленинизм себя изжил, а как двигаться к православию — об этом не говорят. Возможно, от непонимания? Я все вспоминаю «Весы», одну телевизионную передачу, в которой вашим оппонентом был публицист Лисичкин, так и не сумевший определить, какая же нужна сейчас идеология.

Антонов: Да, вы помните, я свою позицию ясно обозначил: марксизм-ленинизм себя полностью исчерпал, продолжать движение в этом направлении — это значит строить Вавилонскую башню. А единственная идеология, которая нам может сейчас помочь,— это православие. Лисичкин же отвечает: нет, нам нужен «синтез идей». (Юрий Афанасьев добавляет вроде бы — у Будды, у Конфуция). Но это все равно, что губам Ивана Кузьмича да прибавить подбородок Никанора Ивановича, — то есть образ гоголевской невесты из его «Женитьбы», которая конструирует идеал жениха. Идеология все-таки должна быть целостной. А если это — вот такой кисель, даже синтетический от слова «синтез», то он будет только принимать форму сосудов, в которые наливаешь. Он же не представляет собой ничего твердого...

Газета «Советская культура» на наш диалог откликнулась так: как же это Антонов говорит, что православие будет идеологией! Позвольте, но я же не говорю об атеистах. А как же быть магометанам, буддистам и т. д. Что сказать по этому поводу? Русь с самого начала сложилась как многонациональное и конфессиональное государство. Ведь еще при

призвании варягов, наряду со славянскими племенами и чудь, и другие принимали участие. И ничто этому не мешало. Вот император всероссийский был, царь русский, король польский, великий князь финляндский и прочая. У русского царя на службе были и грузин князь Багратион, и католики, и лютеране, вроде графа Бенкендорфа или Нессельроде. И если были мусульмане, то они были беки, эмиры, и они оставались таковыми. Господство православия, как государственной идеологии, не мешало существованию других конфессий и многонациональному государству. Я бы еще сказал, что вот этот тысячелетний опыт России, как многонационального государства — это единственный в мировой истории опыт, имеющий уникальное значение. И только мы сумели развалить колоссальную страну с таким пестрым многонациональным населением.

Корр.: Михаил Федорович, признаюсь, я давно ждал этой встречи, давно слежу за вашими выступлениями в центральной печати, скажу сразу, что ваши очерки, корреспонденции, на мой взгляд, это — голос настоящего патриота, сострадающего горю Родины, стремящегося изменить нынешнее наше тревожное положение. Наша встрча наконец состоялась. И к вам главный мой вопрос: «Что же делать сегодня всем нам, любящим свое Отечество, в это нелегкое время?»

Антонов: Вопрос «что делать?» он не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Люди сразу хотят что-то делать, не разобравшись по существу в обстановке, в которой живут и что сами собой представляют. Владимир Соловьев в свое время так отвечал на вопрос «что делать?». Представьте себе, говорил он, что к вам приходит толпа калек — увечных, кривых, хромых, горбатых и больных всякими болезнями внутренними и все спрашивают: «Что нам делать?». Как, восклицал Соловьев, вам надо исцелиться! Но до тех пор, пока вы не поймете, что больны, вам нет исцеления, а пока не исцелитесь, вам нечего делать.

То, что происходит у нас сейчас — это следствие долгого господства марксистско-ленинских воззрений. Многие люди считают, что нам нужно непременно в первую очередь менять внешние по отношению к человеку обстоятельства: надо заменить общественное устройство, надо дать свободу каким-то новым партиям, надо попытаться научиться применять разумные законы взамен неразумных, которые у нас действуют. Но мы забываем при этом, что сами эти общественные учреждения, сами эти законы, сама эта партийность — это есть выражение нашего внутреннего мира. Наши законы несовершенны, наше общественное устройство никуда не годится, потому что мы утратили основы духовного здоровья человека.

Вот почему, я считаю, что, отвечая на вопрос «что делать?», нужно разбирать и психологические, и социальные проблемы сразу. И, прежде всего, нам необ-

ходимо четкое уяснение мира, в котором мы живем. Мы сейчас просто не знаем, даже не понимаем этого мира... Мы не понимаем вообще ситуации на планете. В одной из статей известного публициста Ю. Буртина прозвучала такая мысль: всюду, где социализм — там развал, а где капитализм — там процветание. И, пожалуйста, это вам подтверждают прилавки магазинов, коттеджи, в которых американцы живут — четыре человека в семье и три автомобиля у них и т. д. Конечно, когда человек наш, измученный дефицитами, очередями, видит такое благосостояние, он испытывает чувства, которые легко себе представить. Но американцы находятся в состоянии глубочайшего кризиса. По сути, западный образ жизни — это самоуничтожающий механизм цивилизации. По идее, Западу сейчас нужен бы лидер, очень твердый, убежденный и могущий убеждать других, чтоб раскрыть глаза западному миру на то, куда он идет. Но Западу после де Голля, помоему, вообще на политиков не везет. В духовном отношении там вообще давно уже все находится на очень зыбких основаниях, и сейчас на Западе, по-видимому, созревает решение: надо продлить период относительного благосостояния, а по существу, продлить период агонии за счет того, чтобы подключить к своей системе жизни Советский Союз с его необъятной территорией и богатейшими природными ресурсами. Покачают ресурсы, сплавят на нашу территорию экологически грязные производства. Но мы далеки до осознания, не осознаем даже того, что произошел Чернобыль. В «Известиях» была не так давно опубликована статья под названием «Катастрофа». Первый раз было признано, что это не авария, это даже не катастрофа, это что-то такое, чему нет названия в нашем языке, потому что последствия поражения радиацией не будут устранены НИКОГДА. И вот посмотрите — Чернобыль, в 8 миллиардов он нам обошелся сразу по официальным данным. Только Белоруссия на устранение последствий потребовала еще 18 миллионов. А ведь затронута радиацией и Украина, и часть России, это значит — десятки, сотни миллиардов еще потребуются. Причем, денежные средства на устранение чернобыльских последствий будут нарастать из пятилетки в пятилетку. И, несмотря на это, мы, как маньяки, продолжаем строить все новые и новые атомные электростанции.

И теперь, несмотря на то, что до Чернобыля и после Чернобыля это две страшные разные эпохи не только в нашей жизни, но и в истории всего человечества, мы продолжаем жить так, как будто никакого Чернобыля не было. Так вот нам и нужно разобраться в том, что происходит. Правды в нашей стране, о положении в ней, не знает народ, потому что от него это скрывается, и не знает, по-видимому, даже и правительство. Это первое...

А второе — все-таки надо более трезво смотреть на будущее. Дол-

гие годы нас убеждали в том, что нас ждет светлое будущее. Откуда появилось такое представление о будущем? Оно появилось в Западной Европе после эпохи Возрождения, после тысячи лет господства христианских ценностей. Но христианство никогда светлого будущего не обещало людям. Наоборот, говорилось о том, что в мире будет оскудевать любовь, будет накапливаться ненависть, зависть. И в итоге — апокалипсис, второе пришествие Христа, Страшный Суд! Страшный! Хотя и будем надеяться, что милостивый, но тем не менее... Страшный Суд. Так давайте посмотрим по реальной ситуации, что же все-таки имеет больше шансов на осуществление — светлое будущее, когда восторжествует гуманизм, доброта, всеобщая любовь или, наоборот, апокалипсис, Конец Света и Страшный Суд за все, что мы сделали на этом свете?

Так вот, если мы там немножко потрезвее представим себе обстановку, то, наверное, наш психологический настрой изменится, мы не будем такими уж безоглядными оптимистами, какими были до сих пор.

И самое главное, конечно, это решить для себя вечные вопросы человеческого бытия. Что представляет собой человек? Я как православный человек, конечно, убежден в том, что жизнь души человеческой вечна и надо, следовательно, человеку в этой жизни задуматься над тем, какая судьба ожидает его после этой короткой земной жизни. А если мы с вами в этом вопросе определимся, то я глубоко уверен в том, что и вопрос «что делать?» для многих станет реальней. Делать надо так, чтобы мир пришел (как остроумно сказал один мой студент) к «светлому концу».

Русская культура, между прочим (это ее отличительная особенность) на протяжении тысячи лет, если угодно, выходит к Господу Богу со встречным планом. Это еще начиная со «Слова о законе и благодати митрополита Иллариона», с «Поучений Владимира Мономаха». Смысл этого плана такой: да, Господи, мы знаем, что мы грешны, мы знаем, что живем неправедно, мы заслуживаем того, что предсказано в апокалипсисе. Но мы... исправимся, мы покаемся, будем жить лучше, а Ты — помилуй нас! Вот эта идея (русская идея), она может быть наиболее яркое, хотя в значительной мере и фантастическое, воплощение получила в «Философии общего дела» Николая Федорова, который поставил задачей ныне живущего поколения с помощью науки воскрешение своих предков. Это как бы пойти навстречу Господу Иисусу Христу, который всех воскресит на Страшный Суд, а вот мы, покаявшись, сделаем это раньше.

Это, конечно, фантастическая постановка вопроса, но характерна именно для нас.

Так вот, если мы осознаем правильно цель нашей жизни, если мы сумеем соответственно изменить образ нашей жизни, то

хоть это и очень маленькая надежда, очень маленький шанс, но тем не менее, может быть, мы действительно сможем прийти все вместе к светлому концу, а не только те, кто уединился в аскезе и заботится о состоянии своей души.

Корр.: Михаил Федорович, теперь вопрос о хлебе насущном. Каков реальный выход, на ваш взгляд, из нынешнего сложного экономического положения?

Антонов: Я считаю, что единственный выход для нас — это разделение экономики на два сектора: сектор цивилизованный и дикий (нынешний социалистический). Вот принят закон о местном самоуправлении, который подводит под это правовую основу. В разных концах страны уже появляются такие коллективы, которые говорят: да, вы гонитесь за прибылью, вам нужны «шмотки», еще что-то. А мы хотим жить по-человечески, чтобы у нас был свежий воздух, мы хотим, чтобы наши дети получали настоящее воспитание, а не «идиотское», которое нацелено исключительно на то, чтобы подготовить из наших детишек вспомогательных рабочих на экологически вредных совместных предприятиях с участием иностранного капитала. Мы хотим, чтобы наши дети получали такое же воспитание, как в Пушкинском лицее, но на современном уровне. Вот мы создаем такие общины. Мы хотим создать условия, при которых бы человек жил долго. Советский человек умирает тогда, когда его японский сверстник, только выйдя на пенсию, собирается совершить кругосветное путешествие, написать книгу, фильм снять и потом еще лет десять с внуками своими позаниматься и т. д... Так вот новый строй возникает тогда, когда эти цивилизованные ячейки, установив между собою контакт с помощью государства (если оно цивилизованное), будут определять тонус общественной жизни, — силой примера воздействуя на оставшийся дикий сектор.

Значит, «что делать?». Надо вступать в ряды вот этих цивилизованных людей. Очевидно, Ленин, что-то в этом духе предвидел, сказав, что нам нужно пересмотреть свои взгляды на социализм, выдвинул идею о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

Мы должны сейчас создавать поселения, предприятия, где будет более высокий строй жизни. Если это перевести на духовную и национальную основу, то это будет единственное спасение не только для нашей страны, но и для всего человечества. И кому как не молодым людям необходимо приложить к этому благородному делу и силы, и способности свои. Пожертвовать даже, может быть, многим для того, чтобы спасти свою Родину, попавшую в такое положение.

Корр.: В свое время многие, ставя целью совершить мировую революцию, раздуть мировой пожар и т. д., зачастую высмеивали так называемую теорию «малых дел». Во время Чехова она была в ходу. Возьмите доктора Астрова, который себя улучшает

— улучшает мир, кусочек мира, на который может повлиять. Сегодня ситуация иная. И, я думаю, что эта теория — одна из важнейших сейчас — собственно, об этом и вы говорили... Настало, на мой взгляд, время, когда общее великое дело должно складываться из совокупности маленьких дел, которые под силу отдельному человеку или какому-то небольшому коллективу единомышленников. И чем конкретнее дело, тем лучше.

Антонов: Да, вот посмотрите, Челябинск, речка Миасс там. Что это за река? По сути, сточная канава. Вот создали здесь небольшую артель, люди очищают сейчас эту реку. Великое и благородное дело! Дальше... Получили они несколько сот гектаров земли, будут сооружать там поселок, будут выращивать там экологически чистую продукцию. У них уже созданы мастерские по деревянной резьбе, по пошиву русских национальных костюмов. Церковь будут строить. Вот вам маленький зародыш такой общины единомышленников, которые будут жить по другим законам — не юридическим, а законам человеческого общества.

Вообще у нашего Союза духовного возрождения Отечества появилось уже много единомышленников. Вот в Красноярске не так давно создано краевое отделение Союза. В Белоруссии создано объединение, которое будет входить в наш Союз. В Таллинне создана городская организация. И они все ставят перед собой конкретные задачи. Чем дело конкретнее, тем лучше, правильно вы говорите.

У нас сейчас повсеместное накопление ненависти, злобы — это же не проходит даром и может иметь самые страшные последствия. А в общине, наоборот, накопление доброты, взаимного уважения, взаимопомощи. Маленькое, казалось бы, дело, за которое взялись эти люди, но оно в действительности, видите, оказывается великим, можно сказать, даже делом вселенского значения.

Корр.: Я думаю, Михаил Федорович, что у вас будет немало последователей. Ваш подход к решению проблем, которых в обществе так много накопилось, в самом деле заслуживает пристального внимания. Я тоже считаю, что сегодня одной из главных задач каждой личности должно быть самовоспитание, все остальное приложимо. В этой связи вопрос, ответ на который, я думаю, ждут многие, - с чего начинать работу по самовоспитанию.

Антонов: Конечно же, надо больше читать. А начинать надо, разумеется, с Евангелия.

Евангелие — это основа русской культуры. Кстати, вот что Пушкин писал о Евангелии: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено к всевозможным обстоятельствам жизни и происшествий мира, из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народа. И книга сея называется Евангелием и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или уд-

рученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие». Человек, который не знает Священного писания, а в особенности Евангелие, он совершенно бескультурен. Он приходит, например, на художественную выставку, он же ничего там не понимает! Вот — «Воскрешение дочери Иаира», а вот «Голгофа», вот «Христос перед Пилатом». Ему это ничего не говорит!

От Евангелия нужно переходить к Катехизису. Вот у меня есть книжечка «Ученые о православном богослужении» — то, что для гимназиста в свое время издавалось (1911 г.). Прекрасная книжечка — 100 страниц, но там полный круг всего и вся, вплоть до грамматики славянского языка, которая изложена на одной странице. Ну, а потом нужно брать русскую классику (молодежь, я замечаю, очень мало читает классики, это очень печально). Пушкина еще более-менее знают как поэта, кто-то читает прозу, однако мало кто знает, что вершина пушкинского творчества — это «Капитанская дочка». Не так давно один наш философ Владимир Катасонов прочитал лекцию из цикла «Христианские основы мировоззрения Пушкина». Она называлась так: «Религиозный смысл «Капитанской дочки». Это был доклад на мировом уровне. Возьмите и прочтите его на любом международном конгрессе, он будет вне конкуренции. Оказывается, в «Капитанской дочке» такие глубины космического мировоззрения нравственного характера, о которых даже я не подозревал, хотя Пушкиным занимаюсь. А вот Пушкин-публицист, его же никто не читает. И совершенно напрасно. Ведь это такая красота. А письма Пушкина?! Это — изящество, особенно к дамам когда он пишет. Просто облагораживающее воздействие оказывают на душу пушкинские письма.

Дальше... Гоголь! Все знают и почитают его как творца «Ревизора», «Мертвых душ». Его считают (так и в Большой советской энциклопедии объясняется) сатириком, юмористом, основоположником натуральной школы критического реализма и обличителем николаевской крепостнической действительности и т. д. Это все смешно! Потому что Гоголь в действительности был певцом прекрасного человека! Он писал в своей знаменитой книге «Выбранные места из переписки с друзьями», что «в мыслях моих, чем дальше, тем ясней представлялся идеал прекрасного человека, тот ангельский образ, каким должен быть на самом деле человек». Но он считал, что нельзя устремить общество к прекрасному, не показав ему сначала всей глубины его настоящей мерзости. И поэтому он применил такую шоковую терапию — показать сначала «Ревизора» — комедия! Даже император Николай, который первым зааплодировал на представлении, сказал: «Всем, дескать, врезал, а мне больше всего досталось».

А ведь мысль-то Гоголя была совсем иная: как ни ловчи, как

ни крути, а придет тот неумолимый ревизор — Смерть, после которого ничего уже нельзя изменить. Вот почему в конце — немая сцена! Не поняли этого! «Мертвые души»... Ведь Гоголь задумал эту книгу не как гротеск, сатиру или памфлет. Он же написал — «поэма». Гоголь задумал «Мертвые души» состоящими из трех томов. В первом показать, что Россия — это царство «мертвых душ», заживо умерших, разлагающихся людей. Во втором под влиянием встреч с положительным героем к новой жизни должен был пробудиться Чичиков. А в третьем, он объезжает всех героев первых двух томов, найдет каждого из них возродившимся к новой жизни, но в соответствии, конечно, с его характером, прошлым и т. д Гоголь хотел дать в художественной форме программу духовного возрождения человечества Это, конечно, никем не было понято... Кстати, положительного героя для второго тома он отыскал в Оптиной пустыни в лице старца Макария, который целиком отдавал себя служению людям.

Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», поймите, сейчас нужнее всего, ибо в этой книге он дает, например, совет молодой женщине, как ей вести себя в обществе, губернатору — как управлять губернией, жене губернатора — как помогать мужу в этом деле, дает совет литератору — какую позицюи занять в споре «западников» и «славянофилов», не прекращающемся до сих пор. Он поучает самого царя, как надо управлять государством — для того, чтобы быть действительно наместником Бога на земле. И, кроме того, эта книга содержит бесконечное количество удивительнейших подробностей из жизни великих людей, литераторов. Скажем, есть у Пушкина стихотворение «К...» и начинается оно так: «С Гомером долго ты беседовал один»... Кому оно посвящено?

Корр.: Наверное, Гнедичу, он ведь переводил Гомера.

Антонов: Нет, Гоголь показывает, что это стихотворение посвящено Николаю I. При чем тут Гомер, прочитайте книгу Гоголя, увидите сами. Дальше... Распространено мнение, что Пушкин был безбожником. А Гоголь, который знал Пушкина хорошо, все-таки короткое время они были очень близки, показывает, что наш великий поэт проделал путь от вольтерьянца к истинному воплощению идеалов веры своего народа. И умер полнейшим христианином.

Корр.: Нас с вами сейчас, по меркам наших «прогрессистов», легко объявить шовинистами — так много в разговоре слов «русские», «Россия», «Отечество». Увы, у нас долгие годы вытравливалось естественное желание ощущать себя русскими людьми, нас отучали от всего русского. Причем, заметьте, со времен революции принято было какие-то общечеловеческие понятия, ценности, связывать, противопоставлять с национальными. И это все называлось интернационализмом или интернационализацией. Однако еще Бердяев резонно замечал, что

столкновение этих понятий может привести к трагедии... «Денационализация», — писал он, — проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации человечества, есть чистейшей воды пустота, небытие». Однако у нас последние десятилетия под интернационализацией подразумевалась все же денационализация.

Антонов: Такой интернационализм (в смысле денационализации) и национализм как выпячивание своего народа и попытка поставить его выше других народов — это две стороны одной и той же медали. И в общем-то национализм являлся в известной степени реакцией на эту нивелирующую тенденцию. А подлинное решение вопроса, оно не может быть достигнуто на атеистической почве — это мое глубокое убеждение. Это — вопрос религиозный, а не философский, не социальный, не политический. Нам нужно вернуться к общечеловеческой христианской морали. Общечеловеческое и христианское — эти понятия должны быть тождественны.

Православие явилось как раз синтезом общечеловеческих ценностей с особенностями русского национального характера. Русский мужик жил, пахал, сеял, вдруг он узнает, что в Болгарии, о существовании которой он и не подозревал до сих пор, турки режут православных... Этот человек бросает свою соху, лошадь, хозяйство, жену, детей и идет добровольцем, отдает жизнь за освобождение болгар. Назовите еще какой-нибудь другой народ на земле, который был бы способен на такой акт самоотвержения! Надо сказать, что это часто сочеталось даже с недостаточным вниманием человека к себе и к своим ближним, а вот за дальних он шел и отдавал жизнь. И эта черта русского характера и сделала православие такой вселенской религией, чище которой, мне кажется, и не существует.

Корр.: Ваше отношение к космополитам, вообще к этому термину? Не считаете ли вы, что, может быть, сегодня это определение нужно было бы вводить в более широкий обиход? Мы в последнее время как-то с опаской его произносим, словно боимся кого-то обидеть.

Антонов: Я лично никогда не боялся его употреблять и до сих пор употребляю, но дело в том, что в это понятие вкладывается разный смысл. Одни говорят: «Космополит — это гражданин мира». И говорят это с гордостью. Другие говорят: «Космополит — это презренное существо, которое оторвалось от своего народа». И таким образом возникает совсем иной, как видите, смысл. Ну, до гражданского мира нам еще, поверьте, очень и очень далеко. Между индивидом и человечеством есть такая промежуточная ступень, как народ. И никуда от этого не денешься. И еще Герцен писал, что как есть разные породы зверей, так есть и разные народы. Это — объективная реальность. Это, повторяю, ни плохо, ни хорошо, это просто констатация того, что есть на самом деле. И когда человек от индиви-

да хочет сразу перейти в общечеловеки, минуя народ (он считает себя космополитом), то этот человек становится непременно ущербной личностью. Космополитизм — это тоже своего рода болезнь. Жалко этих людей, но опять-таки ругать их, ополчаться на них, ожесточаться против них тоже не стоит. «Они не стоят слов, взгляни и — мимо!» —как сказал поэт. Конечно, космополитизм — явление очень заразительное, но в обществе падших не может быть общечеловеков.

Наиболее эгоистичные по своей природе народы (ведь они различаются не только цветом кожи, разрезом глаз и т. д.— есть определяющие черты характера), они, конечно, используют все для того, чтобы, растолкав руками других, себе создать определенные привилегии. Поэтому сейчас на данном этапе космополитизм — это очень нездоровое явление, и что касается его влияния на молодежь, то оно, конечно, может быть только отрицательным.

Корр.: Михаил Федорович, считается, что хотя русские мыслители в смысле глубины идей и превосходили западных философов, но, к сожалению, никто из них не разработал единой системы. Это ставится им в упрек.

Антонов: Нет, нет, в этом, наоборот, я считаю, великое достоинство русской мысли, потому что как только вы создали законченную систему, это — все, смерть. На примере системы Гегеля это было очень хорошо показано. Сердцевина русской философии всегда была нравственна. У Владимира Соловьева гигантский труд называется «Оправдание добра», это есть как раз очерк нравственной философии. Русские мыслители гораздо глубже оценивали положение в мире, чем, например, классики марксизма-ленинизма. Например, тот же Соловьев справедливо считал и капитализм, и социализм разновидностями одного строя — плутократии. Плутократия — не в смысле власть богачей, а в смысле — власть представления о том, что смысл жизни в приобретении вещного богатства.

И еще один пример. Экология в то время еще не взывала к нам так, как сегодня, все же эту проблему Владимир Соловьев оценил и разработал гораздо глубже, чем, в частности, Маркс. Отношение человека к природе... Соловьев отрицал и пассивность буддизма, и безудержную экспансию человека в наши дни, но он выделил три ступени в этом процессе взаимоотношений. Человек может пассивно подчиняться природе, он может действовать как покоритель. А — по-настоящему — человек должен взять на себя ответственность за дальнейшее развитие мира, который вручен ему Богом, и быть двигателем преображения и одухотворения этого мира. Поднимать природу на более высокий уровень ее духовности, человечности и т. д. Здесь он близко подходил к тому, что говорили отцы Церкви: природа — это ризы Господни, человек должен одухотворить этот мир, чтобы поднести его к Богу как драгоценный дар.

Вопрос о труде... Читаешь у Маркса, что такое труд. Там, конечно, очень много суждений на этот счет, но вот в «Капитале» это какая-то затрата энергии, мускулов, сил. Вот что такое труд. А Соловьев в труде видел не только эти затраты, но и выполнение Божьей заповеди — шесть дней в неделю трудись в поте лица, и седьмой посвящай Богу. Мы эту заповедь, кстати, с двух сторон не выполняем. Во-первых, многие из нас шесть дней в неделю ходят на работу, но не трудятся, во-вторых, седьмой день, который нам выделен для определенной цели — для осмысления жизни — мы считаем вполне правильным провести хождением в гости, к друзьям, в театр, на природу, в библиотеку, на худой конец. А это как раз нужно для того, чтобы подумать, как я прожил эту неделю, правильно ли, не зарыл ли я талант, данный мне Богом, в землю в течение этой недели, правильно ли я себя вел в течение этой недели, правильно ли я себя вел по отношению к окружающим и ко всему миру. В общем, труд — это выполнение долга так же и перед прошлым, настоящим и будущим... Ну, и какой вопрос мы не возьмем — национальный, другой вопрос, — во всех этих вопросах Соловьев сказал новое слово... И вообще наши соотечественники в подавляющем большинстве даже и не подозревают, что абсолютная вершина мировой философской мысли была достигнута именно в России на рубеже XIV—XV веков, причем ни на Западе, ни на Востоке, ни до ни после философская мысль выше этого никогда не поднималась. И самые глубокие экономические труды тоже были созданы в России. Вот книга С. Н. Булгакова «Философия хозяйства» — это ведь труд эпохальный, труд, который не знает просто мировая экономическая наука. Вот только сейчас мы подходим к пониманию того, что Булгаков написал в 1912 году.

Корр.: Именно сейчас необходимо читать наших выдающихся русских философов. Однако я обратил внимание, вы советуете осторожнее подходить к трудам мыслителей. Например, к наследию родоначальника русского философского ренессанса Владимира Соловьева...

Антонов: Это так. И я бы хотел подробнее осветить этот вопрос. Остановимся на истории возникновения русской философской мысли. Академик Никита Николаевич Моисеев высказал однажды очень глубокую мысль о том, что в развитии мировоззрения, по крайней мере в Европе, можно выделить три основных этапа. У древних греков было мировоззрение, которое объединяло небо и землю, людей и богов. Затем на смену этому пришло мировоззрение в послевозрожденческую эпоху, когда человек стал как бы над Вселенной, над природой, вне ее, и он мог творить с ней все, что хочет. Вот откуда выросла та самая идеология покорительства, которая и привела человечество на грань экологической катастрофы. Но, говорит Никита Николаевич, в России уже в XIX веке

возникло такое течение, которое получило название «русский космизм». Он связывает это с именами Сеченова, Менделеева, Вернадского и других известных деятелей, которые вновь объединили небо и землю, космос и наш с вами повседневный мир и быт, но уже на новой как бы основе. Я согласен с тем, что можно выделять такие этапы, только сказал бы, что русский космизм возник, конечно, не в XIX, а на рубеже XIV—XV веков. И тут очень важен еще такой момент. Это вам известно из статьи И. Р. Шафаревича в «Новом мире» «Две дороги к одному обрыву», в которой он показывает, что у нас утвердилось такое понимание, что скажем, сталинский марксизм — это одно, а либералы Запада (Рассел, Ромен Роллан, Анри Барбюс и т. д.; — это совсем другое. А. Шафаревич доказывает, что это два крыла одной и той же западной техноцентристской цивилизации, которая в России раздавила русскую православную космоцентрическую крестьянскую цивилизацию. И вот религиозный ренессанс, который пережила Россия на рубеже веков, он как раз явился почвой для возрождения этой космоцентрической цивилизации. Родоначальник этого ренессанса Соловьев, конечно, был необычайно одаренный человек. Что привлекало в его системе? Конечно, то, что он подверг критике западноевропейский национализм, который, следует признать, тогда уже всем надоел. Но все-таки никто не рисковал посягнуть на Гегеля. А чтобы сказать, что его система — это пустота, это пантогизм, за которым ничего не содержится, конечно, нужно было быть смелым человеком.

И вот Соловьев, может быть, более определенно, чем кто-либо в новое время, высказал идею, которая была присуща русской культуре с незапамятных времен — идею спасения не одной только души, а всего народа. Нам мало того, чтобы закрыться в келье, молиться о спасении своей души, своих близких, чтобы Господь услышал и дал мне вечную жизнь. Нет, как Моисей сказал в свое время Богу: «Или спаси весь Израиль, или меня вычеркни из Книги Жизни». Русские мыслители как бы поднимали тему спасения всего человечества. Ну, а кто мог бы устоять против такого нового очарования.

Конечно, за всем этим стоял один момент, о котором мы часто забываем. Чем еще привлекала философия Владимира Соловьева? Я знаю среди наших московских интеллектуалов, которые хорошо пообедав, выпив коньячку, закусив осетринкой, закурив сигарету и развалившись в кресле, ведут беседы о смысле жизни, какая религия лучше, в чем преимущество буддизма, а что правильно в христианстве, забывая о том, что христианство — не философская система, а способ жизни, основанный на любви, милосердии, самоотверженности, забвении самого себя и т. д. Ну, а поскольку в России много было таких помещиков-интеллигентов, которым было очень приятно побеседовать

на высокие темы, не расставаясь со своей комфортной жизнью, привилегированным социальным положением, то, конечно, эта философия нашла отклик именно в кругах такой обеспеченной интеллигенции. Ну, а что вызвало возражение в этой системе? Ну, как же! — вот Соловьев считает себя верующим человеком, православным, а захочет пойти в Храм, может пойти, не захочет — не пойдет, а то вдруг пойдет в католический костел, и не просто пойдет, а будет там участвовать в таинствах. Как же так?

Но все-таки он говорил о Боге. Он говорил о богочеловечестве. Не просто богочеловек, а все человечество, оно тоже должно войти в эту Церковь, что все создано со всем, все едино, тут вроде бы ничего нет особого, нового. Христианство считает, что есть Бог — творец и есть Тварь (не ругательство, а все — сотворенное), т. е. мир, созданный Богом из ничего. И если мы не проводим здесь четкой грани между Тварью и Творцом, то нет тогда этого сотворения мира из ничего, и нет, по существу, религии. Соловьев, по сути дела, задался такой целью — создать философию, которая бы включила в себя религию и сделала бы ее ненужной. Поэтому можно сказать, что Бог Соловьева, это не Бог Священного Писания. Ведь вот как он себе представлял это обожествление человечества — это значит, он говорил, что в человеке есть высшая и низшая сторона: человеческая и животная. Вот если мы будем высшую сторону развивать, а низшую, животную, обуздывать, то вот таким образом мы и будем совершенствоваться. Но это совершенно то, что есть в йоге и во всех остальных системах,— это самосовершенствование, которое опирается на свои собственные силы. Это абсолютно противоположно тому, чему учит православие. По православному пониманию, человек вследствие своего грехопадения не в состоянии своими мыслями одолеть свои греховные начала и возвышать высшие стороны своей природы. Он должен просить у Господа помощи в том деле, сознавая свою немощь. И недаром в заповедях Блаженства, которые поются на каждой Божественной литургии, начинаются с чего? — Блаженны нищие духом! Нищета духа — это есть то самое первое качество, которое необходимо христианину для того, чтобы обрести все остальные свои достоинства. Вот почему учение Соловьева было в этом отношении ближе к йоге или каббале или другим течениям, которые в общем-то воспитывали человеческую гордыню. Сергей Павлович Залыгин в одной из «Философских бесед», которые передавались по телевидению, сказал: «Мы все в Бога-то не верим, а вот в Сатану верим». И, надо сказать, что с точки зрения христианской, вся история — это борьба Бога и Сатаны, Света и Тьмы, это — вселенская борьба, и то, что происходит в душе отдельного человека имеет вселенское значение. Недаром в Евангелии сказано, что душа одного человека дороже целой Вселенной.

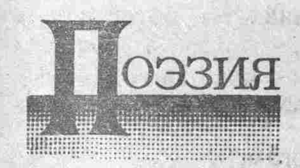
—С0120—

В философии Соловьева этот Сатана отсутствует, там кругом — тишь и гладь и Божья благодать, поэтому, когда он так ратовал за свободу личности, это все очень привлекало. Но ведь падший человек, ему чем больше дать свободы, тем больше он будет умножать грех на этой земле. Что такое научно-технический прогресс в руках падшего человека? Это просто угроза самому нашему существованию. Что такое свобода для православного человека? Это — свобода от греха. Вот единственная свобода, которая нам с вами доступна, а все остальные свободы — это уже производные, и поэтому получалось так, что чем больше человек надеялся на собственные силы, тем более антихристианским становилось его поведение. Я думаю, из того, что я вам сказал, все-таки ясно, насколько осторожно и осмотрительно нужно подходить к этому наследию. Но — как? Очень хорошо сказал преподобный Амвросий: «Не всякую книгу о духовных вопросах следует читать, и даже не всякую книгу, написанную духовным лицом. А вот желательно в первую очередь книги читать, написанные теми, кто жил праведной и святой жизнью».

Корр.: Михаил Федорович, а кто из русских мыслителей близок по духу, по мироощущению именно вам?

Антонов: Мой идеал — это, естественно, преподобный Сергий Радонежский, мыслитель, роль которого мы еще только начинаем осознавать. Это был действительно человек, который жил так, как учил и учил так, как жил. Человек, который больше воздействовал на других делом, чем писаным словом, ибо книг-то написано очень много, но мало людей, которых вы могли бы себе поставить в образец и сказать: вот тот недостижимый идеал, но все-таки это не Бог, а земной человек, и, следовательно, это приемлемо для каждого. Для меня он — идеал. Ну, а из философов я, например, очень люблю Ермолая Еразма, философа XVI века, который создал грандиозную мировоззренческую систему, основанную не на категориях противоречий, как западная философия, а на категории гармонии. Это был философ любви. Не эротики, а любовного отношения ко всему окружающему миру, к природе, к человеку.

Беседу вел журналист
Александр Шахматов.

Владислав Пляскин

ДЕТСТВО

Знакомый бор, звенит лесная падь,
Течет река по вековым законам...
Тропинку в детство стал я вспоминать,
Что заросла быльем за отчим домом.

Там, как и прежде, яблоня в цвету,
Вспорхнет надежда — птица голубая.
Ищу тропинку, не туда иду...
В каком краю теперь она? Не знаю.

...Несет нас вспять — кто веру потерял,
Кто распластал любовь свою в лоскутья...
Сынов заблудших тянет к матерям!..
В мой старый дом — следы на перепутье.

Строителям БАМа в предвоенные годы

ДОРОГА

Она — километры печали,
Она — километры тоски...
Седой человек на вокзале
До боли сжимает виски.

Приехал совсем не случайно,
На этот счастливый вокзал,

Где юноше-зэку начальник
Невинную душу ломал...

Людей хоронила дорога,
В снега осыпая гранит.
А память по диким отрогам,
По солнечным рельсам звенит.

МАТЬ

Запоет — за селом отзовется.
Мастерица не хуже других.
Обошли деревенские хлопцы,
Упорхнул однодневка-жених...

Хромоножка простила насмешку,
Жениху благодарна вовек.
Одинокой жила сыроежкой,
Да вошел в ее жизнь человек.

Петушки-подголоски в ограде.
Окна щурит от солнца изба.
Спит сынишка — сокровище Нади,—
Он и счастье, и свет, и судьба!

ИЗБА

Глаз твоих младенческую просинь,
Звон овсов, тележный скрип колес
Я под сенью заповедных сосен
Вспоминаю: здесь мальчонкой рос...

Я забыл тебя, изба родная,
Еду мимо, опускаю взгляд.
Хватку деревенскую теряя,
Перед отчим полем виноват.

Арсений Титов

ВЕСНА 1942

Горит икона Божьей Матери,
И душу рвет сирены вой.
Ушли на быстроходном катере
Матросы в свой последний бой.

На берегу пожара зарево,
К закату адский день склонен.
Сгорели раненые заживо.
И не узнать нам их имен.

Весь ужас только начинается.
Три года быть еще войне.
А Матерь Божья улыбается...
И догорает на стене.

ЖИТИЯ НАРОДНЫЕ

Книга, главы из которой предлагаются читателю, не совсем обычная.* Прежде всего — по жанру, его непросто обозначить. И дело не только в том, что автор — писатель непрофессиональный и потому не слишком заботится о форме изложения. Важнее понять задачу, которую он поставил перед собой, взявшись за перо. А она — в единственном, в стремлении рассказать «все, как было».

Как было в деревне Карнаухово, что около двухсот лет назад в одиночку срубленным зимовьем начала свое житье-бытье на таежной Киренге. Чем жили поселенцы, чем были счастливы и несчастливы, откуда черпали силы для преодоления невзгод как житейских, каждодневных, так и тех, что носили глобальный характер. Автором двигал интерес к истории родной деревни, к судьбам своих предков, и он описал их, следуя семейному преданию и собственной интуиции.

Читая это простое повествование, начинаешь глубже проникать в пласты народной жизни, которые остаются все еще не раскрытыми в полном объеме — при многих и плодотворных усилиях наших талантливых писателей. Очевиднее становится например то, как много может вынести народ, если ему по силам раскорчевать среди тайги поле, чтобы затем выращивать на нем хлеб; построить такое жилище, в каком не страшен будет 40-градусный мороз в долгие зимы; кормить себя охотой и рыбалкой, никак не завися ни от каких внешних «дотаций». Вот они, первопричины осуждаемой ныне терпеливости. Начинаешь догадываться, почему крестьянин так далек от политики. Вовсе не по неразумению — некогда ему! Вся сила рук, крепость ума и забота сердца отданы земле, а она не прощает и малейшего невнимания к себе. Сибирская земля особенно сурова. Она и щедра, но щедра только к тем, кто предан ей полностью.

Чтобы возделывать сибирское поле, нужен — и прежде всего —

---

* Впервые отрывок из книги Т. Швецова «Карнауховский смутьян» был представлен в «Литературном Иркутске» в марте 1989 г. («Быль. О русских первопроходцах и основателях деревни Карнаухово»).

крепкий дух. Он воспитывался религиозно, через соблюдение основных христианских заповедей. Трудолюбие и уважение к заведенному порядку тесно связывалось с почитанием предков, послушанием старшим, обычай ладить с соседями подразумевал способность к прощению и самоограничению, короткой молитвой и родительским благословением предварялось начатие всякого дела.

Главной же мерой всему была земля. И это один из основных мотивов книги.

Труд на земле не однообразен — в том еще раз убеждаешься, прочитывая бесхитростное перечисление работ, которые приходится из года в год выполнять крестьянину. Каждый новый сезон несет новый оттенок в привычных делах. Живая природа не однообразна, и чувствовать ее дыхание не только необходимость для человека, но и радость. И человек меняется, живя и трудясь: сначала растет и созревает сам, накапливает уменье, затем вразумляет своих детей и вот уже вместе с ними участвует в природном вечном круговороте. Тот, кто умеет красиво работать, умеет и красиво любить, и сам красив — такое выносится убеждение из прочитанного.

В центре повествования — фигура Василия Тимофеевича Швецова, время действия — конец XIX—начало XX столетия.

Думается, не случайно выбран автором этот неспокойный, противоречивый характер. Не лишенный обаяния и смекалки, Василий в то же время несет в душе некую ущербность, дающую по временам знать о себе проявлениями себялюбия и жестокости. Эта ущербность, подобно трещине на здоровом теле дерева или плода, не столь опасная в обычной здоровой жизни, в смутное время пропустила в душу страшную болезнь века — разрушительность.

Судьба Василия полна неожиданных поворотов. В этом смысле сюжет книги сродни жанру приключенческой литературы. Отличие в том, что события не придуманы автором, а взяты из жизни.

В главах, выбранных для публикации, рассказывается о жене Василия Дарье, женщине красивой, сильной, умеющей любить и побеждать своей любовью и женской мудростью обстоятельства, казалось бы, безнадежно тупиковые. Василий больше отсутствует в этой части повествования, его действия впереди...

Книгой Тараса Швецова в Восточно-Сибирском издательстве в 1992 году планируется открытие библиотеки «Жития народные» — так обозначили в редакции литературу, в которой голос автора, ищущего не писательской славы, но правды, смог бы прозвучать во всей своей исповедальной первозданности, без особой стилистической обработки. Таких рукописей уже несколько: И. Павлов «Разлад в большой семье», Р. Евдокимова «Земля, серп и молот», А. Литвинцев «Мертворожденная» и др. (Последняя под названием «Хроника одной коммуны» в сокращенном варианте была опубликована в альманахе «Сибирь» в 1988 году).

Несколько слов об авторе представляемой рукописи.

Тарас Ильич Швецов — коренной сибиряк, в прошлом военнослужащий. После ухода на пенсию несколько лет проработал на железной дороге в Иркутске. Два года назад Тарас Ильич вернулся в родную деревню, чтобы вместе с земляками попробовать изменить жизнь в Карнаухове к лучшему. В страдную пору работает в хозяйстве, построил себе дом.

Хочется верить, что оба нелегких дела — литературное творчество и восстановление сибирской деревни одинаково удадутся нашему автору.

В. Семенова, редактор Восточно-Сибирского книжного издательства

Тарас Швецов

КАРНАУХОВСКИЙ СМУТЬЯН

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА-БЫЛИ)

Легенда о русских первопроходцах и основателях деревни Карнаухово

Семеро детей в семье для старой сибирской деревни — явление рядовое. Если не лениться, то прокормить и одеть можно было и больше. Река Лена и ленская тайга заселены были так, что станки от деревни до деревни измерялись не одним десятком верст. Поэтому в реке в изобилии было всякой рыбы, а в тайге всякого зверя, птицы, орехов и ягод.

Не рядовым явлением было то, что в семье Гермогена и Анны Арбатских все семеро детей были сыновья. Притом сыновья погодки. Как повернет Гермоген дело, когда они поднимутся? Сыновья это не дочери. Это дочери хозяйству в убыток, а сыновья в прибыль. Наберет силу Гермоген сыновьями, да и начнет подминать под себя соседей-то. Земли потребуется много. Так рассуждали про себя односельчане.

После седьмого сына Анна решительно заявила мужу:

— По всему видно, обидела я чем-то бога. Не даст он мне дочки-помощницы. Буду ждать невестушку.

Сыновья росли крепкими, неглупыми и послушными. В десять лет они все становились помощниками по хозяйству.

Вроде бы одинаковыми были сыновья для родителей, но никто не знал почему, да и сам Гермоген тоже, но только младшего сына он как будто не замечал. Его как будто в семье и не было. Петр заметно отличался от своих братьев, и не только тем, что были темнее его волосы и кожа, но и характером тоже. В отличие от братьев младший, Петро, любил компанию соседских детей больше, чем своих, и при первой возможности с радостью покидал свой двор. Всегда приходилось искать его по соседям, когда

семья собиралась к столу. Не раз замечал Гермоген и то, как Анна с тоской, а иногда и со слезами, смотрела на своего младшего, оставшись с ним наедине. А какой испуг в ее глазах Гермоген видел, когда случайно заставал Анну за такой немой беседой с младшим сыном.

Объяснения его самому себе были разные.

Он вспоминал, как Анна была уверена сама и уверяла его, Гермогена, в том, что седьмая у них будет обязательно дочка. Она уже говорила ему, какая она будет у них красавица: черноволосая да черноглазая.

И чем больше Гермоген перебирал в памяти события прошлых лет, тем одна другой нелепее картины возникали в его воображении. Он вспоминал, как возвращался из лесу, куда уходил, бывало, и на две и на три недели, и видел, что Анна сделала работы больше, чем могла сделать. Он и сам часто нанимал работников, которые проходили по тайге неизвестно зачем и куда, за харчи могли поработать неделю-другую, а подкормившись шли дальше. Такой наем был выгодным особенно в страдную пору.

Кто знает, а может быть, и вправду решилась Анна на последний риск, чтобы забеременеть от такого молодца, но только ничего не изменилось в ее отношениях к мужу.

С рождением последнего сына Гермоген стал молчаливым, в работе еще более въедливым сам и не терпел нерадивости других. Он был не скуп на похвалу за хорошую работу всем своим сыновьям, но никто и никогда не слышал от него похвалы в адрес младшего сына. Все знали и видели, что отец младшего сына не любит. Больше всех это чувствовала мать, но она боялась об этом заговаривать. Так и рос Петр чужим в родной семье: без ласки и родительской любви.

В доме Гермогена и Анны, как и у всех православных, в переднем углу, на божничке, стояли две иконы. Это говорило о том, что о существовании Бога в семье знали и вспоминали о нем всегда, когда садились за трапезу или когда брались за какое-то серьезное дело. Например, только с божьим благословением начинали весной пахоту, летом сенокос, осенью жатву и выход в лес на охоту. Если были вместе родители и дети, то, запустив лемех сохи в землю для первой борозды, или перед первым взмахом косы на покосе отец произносил:

— Благослови, Господи,— и все, перекрестившись, приступали к работе.

А если дети были одни, без родителей, то Богу отводилась не первая, а вторая ступенька в этой духовной иерар-

хии. В этом случае дети Арбатских говорили так:

— Отцово-материно благословение. Аминь! — а уж потом: — Благослови и ты, Господи.

Больше добавлять, кажется, нечего, чтобы понять, с каким уважением и почтительностью относились сыновья к своим родителям.

Гермоген знал, что всякое может случиться в жизни. Не успеешь оглянуться, как подоспеет нужда в его сыновьях и у державы. Случись что — солдат потребуется много, и пойдут его сыны один за другим на цареву службу. Но он знал и то, что сыновья не только уходят, но и приходят обратно. О худшем он думать не хотел.

Свой дом он поставил на отшибе от деревни. А когда стали рождаться сыновья, он все четче рисовал себе картину, как будет расти вокруг его дома хутор. И чтобы это сбылось, Гермоген решил, что, пока сыновья все дома, надо заготовить лес, ошкурить его, вывезти, сложить в штабеля и закрыть корьем. Лес должен быть хорошо выдержан. Штабеля он сложит в том порядке, в каком должны быть построены дома. А уж рубить дома можно по мере их надобности.

Два последних года Гермоген стал высказывать свои задумки на семейном сборе. Он позволял после себя говорить о деле детям и любил их слушать. К этому методу привыкли, и разговоры могли продолжаться по нескольку дней, так как работы были не новы и для отца, и для детей.

Разговор о строительстве домов почему-то закончился сразу, без вопросов и обсуждений. Никто из сыновей и мать не могли себе ответить на вопрос: почему лес надо заготавливать на пять, а не на шесть домов? Спросить об этом никто не решался не только отца, но и друг друга. Так без ответа и приступили к работе, когда пришло время.

Работали дружно. За зиму три штабеля леса были уложены, как и хотел Гермоген. На следующую осень старшего сына забрали в солдаты, как и было рассчитано. Дальше тоже шло все своим чередом, с той лишь разницей, что один сын уходил, другой — приходил. Каждый год за зиму рубился сруб дома под крышу. Отслуживший по возвращении отстраивался, женился и с благословения родителей отделялся в свой дом. Разрабатывал себе поле, расчищал покос и становился самостоятельным хозяином.

По существующему обычаю, который впоследствии превратился в закон, в родительском доме оставался пос-

ледний из сыновей. С младшим сыном доживали свой век и родители.

...По мере того как росла радость отца за осуществление своей мечты о хуторе, росла тревога матери за судьбу младшего сына. Когда сосватали невесту шестому сыну, отец сказал ему:

— Ты будешь жить в родительском доме.

И опять ни один из семи сыновей ничего не сказал и не спросил. Только мать, обеими руками схватившись за сердце, плавно сползла со скамьи на пол.

Никто не слышал всего разговора младшего сына с отцом. Только такой разговор состоялся, а конец его был даже со свидетелем. Входя во двор, старуха-соседка слышала, как Петр сказал:

— Душегуб ты!

Потом увидела, как навзничь упал старик, но тут же приподнялся на локоть и, проткнув пустоту указательным пальцем, глухо прошипел:

— Проклинаю!..

Анна слышала, как все вышли из избы, как потом пришла бабка, дала ей выпить настою, осеняя себя крестом. Ей стало легче. Потом подошел к ней Петр, опустился на колени. Она вспомнила, что произошло. Сердцем почуяла, почему Петр стоит перед ней на коленях, с трудом вынула из-под кофты висевший на ниточке крестик, протянула его для поцелуя сыну и, осенив его крестом, сказала:

— Да хранит тебя Бог, сынок.

Петр встал, еще раз поклонился матери в ноги и вышел из избы.

В сенях всегда висела поняга, в которой уложено было все, что необходимо в тайге охотнику на неделю. Он не торопясь закинул понягу за спину, перекинул через плечо перевес с провиантом и дробовик, не оглядываясь пошел прочь со двора. Увидев его в охотничьем снаряжении, за ним с радостным визгом побежали и обе собаки.

Первый день пути не дал ему ответа, куда он идет. По рассказам бывалых людей Петр знал, что если идти на восход солнца, то на пятый-шестой день выйдешь на реку Киренгу. В устье этой реки на высоком острове, омываемом с одной стороны Киренгой, а с другой — Леной, стоит городок Киренск. Но это по направлению на север, а он идет на восток. Это не беда. Главное, что на Киренге есть русские деревни. Люди врать не будут. А чем даль-

ше от дому, тем даже лучше. Он не калека, работать умеет, а поэтому с голоду не умрет. Мир не без добрых людей, помогут, если что.

Спокойная ночь и крепкий сон дали хороший отдых не только потому, что он устал от ходьбы, а и потому, что, поужинав вечером, он хотел поскорее дождаться утра, чтобы идти на восток, на Киренгу. Его решение окончательно созрело.

За неделю зимовье было готово. На первых два венца Петру пришлось плавить лиственницу сверху по реке. Густой ельник не позволил по соседству поселиться деревьям другой породы. Остальной сруб был срублен из ели. Петр еще и сам не знал, зачем ему это зимовье будет нужно. Будет ли оно ему жильем или местом для охоты, но рубил он его добротно. Бревна подгонял плотно в паз, углы в лапу, мху не жалел. Двери из толстых сухих тесин, пока без навесов, на закладке. Окон он прорубил два. Одно на север, для обзора вдоль реки, другое на запад, поперек реки. Он даже срубил несколько деревьев и вычистил кустарник, мешающий обзору реки и протоки. Теперь никто не мог пройти по реке незамеченным Петром и не заметить его зимовья. И чем ближе подходил конец строительства зимовья, тем все теснее Петр связывал с ним и Киренгой свою дальнейшую жизнь. Он даже почувствовал себя хозяином на этой земле. Именно это чувство росло в нем с каждым днем. Оно для него было новым и загадочным. В своей семье он всегда чувствовал себя чужим и лишним, никогда не мечтал стать самостоятельным и вольным в своих поступках и решениях.

Покончив с зимовьем, Петр с большим нетерпением пошел опять осматривать свою территорию с целью определить, где будет расчищен участок для первой полосы поля, где для покоса. Но как ему ни приятно было этим заниматься, на душе росла тяжесть тревоги. Он хоть сегодня бы начал расчищать поле, даже с одним топором в руках. Но начинать такое серьезное дело без родительского благословения нельзя. Прикинув время, он решил до осени сходить на Лену и попросить отца с матерью благословить его на новое поселение. Это было главное, а попутно поговорить с товарищами и пригласить их в сотоварищи. Если все будет получаться, то перезимовать дома, а весной на лодках спуститься до Киренска, закупить все необходимое для строительства домов, обработки земли, охоты и рыбалки.

В первых числах августа Петр двинулся в обратный путь. Он зашел в Добрынскую, обо всем переговорил с Афанасием и добрынскими мужиками. Все одобрили его намерение.

Путь обратно оказался не легче, так как тайга густо заросла, идти было трудно и заедал гнус.

В пути времени для раздумий было много. Петр перебрал в своей памяти все, что было связано с домом и отцом. За мать он не беспокоился. Она хоть и скрытно, но любила его, скорее даже больше, чем других сыновей. Петр это чувствовал. Братья хотя и относились к нему как-то безразлично, но вовсе чужим его не считали, и Петр был уверен, что при нужде в помощи никто из них не откажет. Все упиралось в отца. Петр и просить-то у него ничего не собирался. Ничего не даст отец — дадут братья. От отца ему нужно одно, главное. Сможет ли отец после проклятия простить сыну обиду и благословить его?

Вечером на шестой день Петр вышел на берег Лены. Ждать переправы пришлось не долго. Залаяли собаки, и Петр увидел деревенского мужика Михайлу с двумя сыновьями-подростками. Лодка была большая, поэтому посадили в лодку и собак. Переехали, попрощались, и Петр направился в дом, но не к отцу, а к старшему брату.

После ужина брат сообщил, что на следующий день после его ухода умерла мать и что отец запретил даже вспоминать младшего брата. От таких новостей Петр не мог заснуть всю ночь.

Утром он поехал с братом в поле. За день работы они переговорили обо всем. Брат согласился сходить к отцу и попробовать уладить все добром.

Но отец и слушать не захотел. Он передал, чтоб Петр не смел и близко подходить к дому.

Но Петр все равно пошел.

Подходя к дому, он увидел у ворот отца. Тот стоял, опершись на палку, и по всему было видно, что ждет младшего сына. Увидев Петра, он замахал палкой и закричал:

— Не подходи, сатана! Застрелю!

Петр остановился в десяти саженях и ответил:

— Я не пойду, отец. Прости и благослови меня, и я уйду обратно.

Отец в гневе закрутился на месте, что-то ища под ногами. Потом нагнулся, поднял попавшийся на глаза камень. По тому, как он стоял, опираясь на палку, сгорбив-

шийся и худой, и по тому, как тяжело он наклонялся, Петр увидел, как сильно сдал отец. Он стал стариком за одно лето. И поднятый камень он не бросил, а как-то оттолкнул от себя в слабом размахе трясущейся руки. Петр видел, каким гневом было искажено лицо отца, и слышал его стрышные слова:

— Вот тебе мое благословение!

Брошенный камень не долетел, а докатился до ног Петра. Петр встал на колени, двумя руками поднял его, подержал, прижав к груди, и осторожно, как будто это был стеклянный шар, положил за пазуху. Не вставая, громко, чтобы слышал уже входивший в калитку отец, сказал:

— Спасибо, родитель мой. Век помнить и хранить буду.

С этим камнем и вернулся Петр в свое зимовье на Киренге уже в середине сентября 1840 года.

В переднем углу, где должны быть иконы, он прибил полочку-божничку, положил на нее камень — благословение отца и завернутую в тряпочку горсть земли с могилы матери.

Швецово

В 1842 году летом в Какаурово пришел еще один человек с реки Лены. Звали его Тимофей по фамилии Швецов. Жители новой деревни не то чтобы охотно приняли его в свою артель, которая к тому времени практически уже распалась, но и не отказали категорически. Просто все были заняты своими делами и пришельца как будто не заметили. Осмотрев местность, он облюбовал место чуть ниже по протоке и поставил там зимовье. Впоследствии это место стало называться Швецово.

Жена Устинья нарожала Тимофею пятерых сыновей, не обидев их ни умом, ни здоровьем. Тимофей же обратил их в свою веру — любовь к земле и работе, а земли у него на внуков и правнуков хватит. Четвертый Василий уступал братьям в силе, но во всем остальном нет. Задиристый и горластый, он рос ловким и дерзким, как соболь. Ввязываться с ним в перебранку было делом бесполезным и всегда проигрышным. Цепкий ум, острый язык и готовность к немедленным действиям нередко выходили ему боком.

Уловив главную цель отца, сыновья ревностно и храбро отстаивали границы своей территории от пришельцев и деревенских соседей. При этом все чаще пользовались далеко не дипломатическими методами, что прочно закре-

пило за ними прозвище «Варначье». Не всегда мирно разрешали спорные вопросы и между собой. Будучи всегда едины и готовы к отпору против чужаков, отбив вторжение извне, они постоянно находили повод для междоусобной борьбы, которая в большинстве своем сопровождалась кулачными потасовками.

Первая стычка

Милетий не вошел, а вбежал в избу, торопливо взглянув на икону, крутнул трепястьем, изображая крест на груди, и сразу к отцу.

— Ты тятя и ты мама,— он повернул голову в куть и не увидев на своем обычном месте у шестка мать, продолжал, обращаясь только к отцу.— Ты чо жа ето думаешь с Васькой-то? Он жа, варначина, совсем перестал слушаться, зубатится, учить наладился старших братьев. У нас жа своя голова на плечах. Нет, тятя, ты его больше ко мне не посылай, командуй им сам. Ево жа и ударить уже нельзя, не дается, да ишшо и сам норовит в ответ в морду съездить. Злится, стервец, как будто его и бить нельзя старшему-то брату. Ты жа сам велишь ему слушаться, а мне не потакать его проделкам. Нет, ты уж, тятя, сам его, рука у тебя ишшо тяжелая, у меня-то вот до сего дни ребро-то поднывает, а шшитай ден десять прошло. Дак я жа не злюсь, помню, что отец ты нам, а меня не убудет. Не посылай ты ко мне Ваську больше.

Хоть и в отделе были Егор да Милетий, а на раскорчевке на Бору гуртом было сподручнее. Большие-то пни подваживать одному не то что вчетвером. Для ваги-то вчетвером большую слегу завести можно да навалиться дружно, так и копать не надо: пень с корнями выходит. Опять же не обкапывать их, да и на корню вчетвером раскачивать научились. Нет, не зря Милетий пожалился. Значит, и вправду Васька там шеперится, мешает работать. Надо будет самому сходить, посмотреть на него, подлеца.

Весь следующий день Тимофей проработал с сыновьями. К вечеру первым начал посмеиваться Сергей.

— Ты чо, Васька, седни язык откусил, чо ли? Весь день только и знашь, што работать, так и учить разучисся.

Подначку подхватили братья, но Васька отмалчивался, и все ждали взрыва и чтобы на это посмотрел отец. И вдруг Васька захохотал сам.

— Я чо дурак, ли чо ли, учить вас при тяте-то. При нем и вы все делаете по-ладному.

Милетий, посматривая на отца, качал головой и сокрушался:

— Вот варначина, вот расомаха! И как ведь выкрутился? Но прямо налим да и только. Не взял за жабры, выскользнет — не поймашь. Ох уж я тебя, варнака, вдругорядь отметелю, однако, што и сам тятя тебя не узнат! А лучше, тятя, обозначь ты ему свою полосу, и пусть он один пуп рвет. Все одно не ету зиму так через зиму женить его будем. Да нарошно дуру ему высватать надо, чтобы было кого ему учить заместо старших-то.

Все дружно посмеялись над пожеланиями Милетия.

Послушал Тимофей сыновей да так и сделал — затесал Василию отдельную деляну. Тот покорячился три дня и убедился, что одному только мелкий кустарник под силу, а большое дерево можно лишь сообща целиком-то взять, да чтобы и командовал один, а не все. Милетий тоже сходил, посмотрел, как надрывается брат, и сказал:

— Бросай, Васька, в одиночку уродоваться, пошли обратно. У нас тожа одного не хватать стало.

Больше Васька с Милетием не зубатился, и работа пошла споро, как и при отце.

На двадцатом году высватали Ваське невесту и на рождество сыграли свадьбу. Невесту присмотрели в дальней деревне, ровню по достатку, славненькую и на личико и по характеру, ну и не глупую, как подсмеивались над Васькой братья. Но с постройкой новой избы для Василия вышел перебой. Не срубили ему до женитьбы избы, и пришлось ему вести молодую хозяйку в зимовье на подворье Милетия. Все вроде ладно пошло и в третьей молодой семье Тимофея. Хотя и с большим опозданием, через пять лет, народилась у них с Серафимой дочка, Катериной назвали. А когда дочке исполнилось три годика, Серафима скоропостижно умерла неизвестно от чего.

Годы шли, отмеряя время жизни всему живому. Каждую весну Швецово наряжалось в свой неповторимый наряд, радуясь и радуя людей и окружающий мир. Тайга, отшумев грозными и ласковыми голосами ручьев, тут же наполнялась оркестром любовных песен оседлых и перелетных птиц, который заводился с первыми отблесками рассвета и не умолкал до глубоких сумерек короткой ночи.

Василий и Дарья каждую весну начинали с обговора своих предстоящих дел. Любили они этот весенний разговор о будущем. С годами он стал для них неписаным празд-

ничным днем. Мечты о счастливой жизни... На годы, оставшиеся позади, они были не в обиде. Прибавились покосы, расширились полоски под хлеб, прибавилось и скотинки, но и семья тоже прибавилась заметно. На второй же год их совместной жизни, родилась дочь Настенька, всего на год младше ее была и Улита. Обе здоровенькие и крепкие девочки, теперь уже сбились на ноги, и старшая Катя нянчила их, иногда оставаясь с ними по целому дню одна. Бабка Устинья, особенно летом, почти ежедневно появлялась на Бору и, проверив все зыбки в домах сыновей, занимала свое основное место в зимовье Василия. Увидев, как Катя поднимает сестер то за стол, то чтобы стащить их с крыльца, бабка выхватывала ребенка у нее из рук и начинала с беспокойством выговаривать:

— Ты пошто жа ето подымашь-то их? Надорвесся, они жа вон каки сбитьни, пушшай сами шлындают, куды имя торопится, а еду не на стол, а на лавку имя ставь, еслиф голодны, то наедятся.

День такого весеннего праздника не выбирали. Василий замечал его по поведению Дарьи. Она с утра начинала хлопотать у печки, то и дело бегая то в погреб, то в свою половину амбара, смеялась и подшучивала больше обычного над ним. Заметив такие перемены, Василий торопился во двор, чтобы все успеть сделать на улице: накормить скотину, заготовить к вечеру дровишек, наносить воды, пока его позовет Катя пить чай. До этого он нарочно старался не заходить в зимовье, чтобы не мешать Дарье накрыть стол, прибрать дочерей и нарядиться самой. Василий знал, что сегодня Дарья будет особенно красивой и ласковой. Она и сама называла этот день днем своей любви, поэтому в гости никого не приглашала, чтобы побыть вдвоем с мужем и наговориться о наступившей весне. Если приходила бабка Устинья, то после чаепития уходила с детьми на улицу, поняв настроение невестки.

Первой всегда начинала Дарья:

— Вот и опять пришла весна! Все ожило и запело. Птички вьют гнезда, целуются и ждут деточек, потом все летечко будут хлопотать на них, чтобы вырастить.

Дальше Василий знал сам, что скажет жена, но не обижался и соображал, как ответить ей. А Дарья продолжала:

— У нас с тобой тоже птенчики растут, а гнездышко все то же маленькое да и не свое, чужое. Надо бы ишшо яичко снести да боюсь, подрастут и эти выпадать из гнезда станут.

Василий и сам понимал, что не все у него в хозяйстве ладно. Вроде бы и старается, себя не жалеет, и жена работящая, во всем помогает, а вот скупо растет хозяйство. Как была одна кобыленка, так и осталась. Не может он сколотить деньжонок и купить доброго коня, даже жеребенка нету, не растет. Залежался в лесу и заготовленный лес на избу, не пошел Василий к Милетию, сам поехал на жеребой кобыле, вот и ушиблась, видимо, она в лесу или тяжело ей показалось, только скинула она долгожданный приплод. Ругали тогда братья Василия, пошто, мол, один сочинився лес вывозить? Подождать не мог, управились бы со своими делами, за неделю бы все выдернули, гордыню все свою показываешь. Вот и избу рубить тоже один начал, не покликал братьев. Считай, ползимы просидел на ней один, а что сделал? Оклад, два венца да стропила. Вот и все. С таким лесом одному корячиться — надорвешься да и надолго ли тебя хватит? «А на каком месте ставить ты ее надумал?» — спросил Милетий. Василий и на этот вопрос отмолчался, и на этом все кончилось. Все знали, что по задумке отца все избы должны строиться на Бору, но Дарья хотела, чтобы внизу, рядом с Сергеем. Василию тоже внизу место нравилось, но при большой воде там топило, правда не всегда, но случалось, и он так и не решил этого вопроса. А в прошлом лете еще и дойная корова объелась, прирезать пришлось. Мясо продать было некому, поэтому роздали его почти даром, кто брал. Опять же убыток. Теперь одна Дарьина корова осталась. Телка только на следующую весну отелится. Конечно, голодными не сидели, ели досыта и разутыми, раздетыми не ходили, однако такой прирост в хозяйстве никого не устраивал, и Дарья очень даже справедливо выговаривала ему. Она не называла его дурачиной и простофилей, но и хвалить его, хозяина, было не за что. Доведись до другой хозяйки, она давно бы тарарам устроила, но Дарья знала, что Василий очень любит ее и дочерей и многое ему прощала. Кроме того, она знала, что сердить мужа тоже опасно, поэтому лучше уж лаской.

Василий и в самом деле очень любил Дарью. Первую свою жену Серифиму вспоминал только когда к нему начинала ласкаться Катя. Дождавшись, когда отец отпустит с коленей Настю и Улиту, Катя тоже подходила к отцу и терлась сбоку, поглядывая на мать. Дарья, заметив такое, говорила:

— Но чо ты, отец, не возьмешь дите-то?

В таких случаях она садилась рядом и, забрав на ко-

лени младших, начинала хвалить старшую. Катю она называла нянечкой и помощницей. Василий прижимал дочь обеими руками, и Настя с Улитой, ревнуя, пытались перелезть от матери к отцу, но Дарья шлепала их:

— Вы жа посидели у тяти, теперь пусть нянечка посидит. Она у нас славная да послушная.

Василия такие слова трогали до слез, и он был очень благодарен Дарье за ее доброту к неродной ей дочери.

Дарья не без умысла завела в доме этот праздник. Она слышала про какую-то сумасшедшую любовь и хотела узнать про нее сама. Не узнала она о ней с первым мужем и вот теперь, когда уже имела двух дочерей, сумасшедшей любви так и не дождалась. С Василием ей было хорошо, но она замечала, что когда его нет, она о нем не скучала, а только беспокоилась, чтобы с ним чего-нибудь не случилось, чтобы он не покалечился и не погиб и ей второй раз не остаться вдовой. В обычные будничные дни о любви вообще как-то не вспоминалось. Любовь она чувствовала только тогда, когда видела, как бездумно рассматривает ее Василий, как вспыхивают его глаза и он загорается смущением нетерпеливости, бросает работу, подходит к ней и долго молча обнимает ее, рассматривает ее лицо, гладит волосы и просит, чтобы она отдохнула, а сам снова хватается за работу и, не чувствуя усталости, ломит до конца, делая короткие передышки, чтобы мельком взглянуть на свою жену. Он только и умел сказать Дарье: «Теперь вся твоя сила перешла ко мне, и я способен свернуть горы». Но других любовных слов он, похоже, не знал. Дарья даже завидовала ему за такую любовь, но как ни старалась сама, у нее такого не случалось. Ее даже нисколько не трогали озорные, завистливые взгляды других мужиков, когда она бывала в деревне. Рупасовские богатые мужики всегда, когда она приходила к ним в лавку, наперебой угощали ее сладостями и предлагали дорогие подарки, но Дарью это лишь злило и пугало. Когда не устоявший от соблазна Михайло, уловив момент, хотел обнять ее, она оттолкнула его и на всем серьезе сказала:

— Если ишшо хто из вас будет ко мно лезти, я скажу Василию.

С тех пор Рупасовы не только приставать, но и смотреть на нее перестали, а когда она приходила в лавку, посылали кого-нибудь из подростков или баб отпустить Дарье товар. Дарья иногда задумывалась над тем, почему это никто из мужиков ей никогда не нравился, так как другим девкам и бабам по их рассказам, и она уверовала,

что ей на роду этого не написано, а может, и про любовь-то все выдумывают да врут.

Германская

Не входила в расчеты Василия и Дарьи война. Слухи о ней, конечно, доходили, но она была где-то далеко, даже не в России, поэтому могла пройти стороной от Карнаухово, как было уже не раз. Со времени основания деревни война зацепила ее всего одной пулей, перебившей правую ногу Тетерину Митрофану, к хромоте которого быстро привыкли, как и сам Митрофан, и казалось, что это не дело рук войны, а Митрофан рожден подстреленным.

Однако объявленная мобилизация на сборы давала всего три дня и приглашала в гости сразу десять возрастов. Из Швецовских под мобилизацию попадали Василий и Сергей Тимофеевичи, Борис и Николай Егоровичи, молодой Иван Милетьивич, а из деревни набиралось двенадцать человек. Гулянка была хоть и хмельной, но не веселой. Отъезжающие, подвыпив, хвалились, что германец перед ними не устоит и они скоро вернутся домой живыми и здоровыми, а может, обойдется и без них. Но такие разговоры велись только для самоуспокоения и успокоения баб, чтобы меньше выли и не расстраивали и без того расстроенную душу. Даже из тех скудных сведений, что дошли до Карнаухово, было понятно, что война разгорелась не на шутку и в широкую ее глотку мяса потребуется много.

В день отправки, утром, Милетий, усадил братьев и сына отдельно в новой избе Сергея и сделал вместо отца положенный в таких случаях наказ, главная суть которого заключалась: «За спины товарищей не прятаться, но и по дурости лоб под пули не подставлять. Воевать с умом и чтобы позору на Швецовский род не накладывать. У тебя, Василий, такое водится: лезть в драку, не все обдумавши».

Василий и Гордей сразу отказались от душной каюты, показали взводному свое место под брезентом и предались размышлениям о начавшейся службе. Пароход, перегруженный, казалось, стоял на месте, и только по небольшой волне перед его носом да остающимся позади приметным местам было заметно, что он все-таки движется вперед. Сначала Василий и Гордей долго смотрели на первую баржу, стараясь узнать кого-нибудь из своих, но там была какая-то бесконечная толкучка, и они опять уселись под брезент.

— Выходит, что мы с тобой вдвоем с Киренги-то в этой команде? — начал Гордей.— Теперь, паря, надо держаться, чтобы не разбили нас.

Василий согласно кивнул головой. Они долго разговаривали о доме, но от этого стало только тоскливее, и Василий предложил закусить. У каждого из них сохранилось еще и понемногу самогонки. Они по полкружечки выпили, стало полегче и опять вернулись к размышлениям о том, что их может ожидать впереди. Но как ни крутили, а хорошего ничего не просматривалось и сходились на одном, как бы сделать так, чтобы остаться вместе и помогать друг другу во всем. В конце концов они решили дать друг другу клятву солдатской верности, даже суворовские слова вспомнили «сам погибай, а товарища выручай» и другие хорошие слова и примеры из своей деревенской жизни. Захмелевший Гордей, вынимая из своего сидора шкалик, посмотрел через него на солнце, сказал:

— Последний... Теперь неизвестно, когда еще доведется ишшо-то выпить,— и будто что-то вспомнив, предложил:

— А чо, паря Василий, давай этим последним обратаемся.

— Как это?

— А вот так. Это мне еще отец рассказывал про своего кровного брата, когда вот так же в Порт-Артуре он оказался, на русско-японской. Сам знаешь, сколько там русских солдатушек полегло зазря. Солдаты — они заранее чуяли, что так будет. И был у него товарищ, долго они были вместе, сдружились, конешно. Когда в бой собирались, обязательно договаривались присматривать друг за другом, и не раз спасали один другого. А уж когда совсем стало туго, поклялись, что если кто из них жив останется, то обязательно похоронит по-православному и о семье погибшего позаботится, сколько сможет. Так вот они придумали кровными братьями стать. Пустили, говорит, каждый себе кровь, смешали ее в кружке, развели водкой, разделили пополам да и выпили. С тех пор, говорит, перед боем дажу страху не стало, потому как самый надежный брат рядом был. Японец-то, говорит, не только с моря нас донимал, но и по ночам на берег выскакивал, хитрый, бестия. Подкрадется это молчком на брюхе и начнет с ножом по окопам лазить. Нам, говорит, и в голову не приходило, что это японец. За день-то намаешься ну и вздремнешь, а они додумались десанту выпущать. Сидишь дремлешь, думаешь, сосед за табачком приполз, а это, оказывается, смерть твоя. Потом и спать нельзя стало. Вот тог-

да, говорит, мы с братом в одном окопе ночевать стали и дремать по очереди, значит. Так вот, говорит, когда японец-то совсем верх брать стал, а у нас и стрелять нечем стало, а все одно сидим, приказу на отход ждем, а он, проклятущий, и пошел приступом. Подпустили мы его это вплотную да в штыки, значит. Мы, говорит, стоим с братом спиной, держимся, чтобы друг друга чуять и назад не оглядываться, хотя японцы уже обошли нас. Поняли мы, что отходить надо, чтобы, значит, в плен не взяли или уж стояли до смертушки. Где уж тут без патронов-то, даже для себя не осталось. Переглянулись мы и бросились до своих. Плечо к плечу бежим. А там наши хоть и пятются, но грызутся насмерть. Да оно и проскочить-то сажен двадцать-тридцать надо было, и тут подстрелили меня в ногу. Упал отец. Брат-то его в охапку, да и тащить. Я ему, говорит, кричу: «Бросай, обоих заколют!» А он нет, не бросает. Тогда я, говорит, вырвался у него и сам пополз, а он это опять за меня, а тут с нашей-то стороны и подмога вышла, теснить японца начали. Он и бросился на подмогу, двух-то успел заколоть, а третий отскочил от него да и мимо назад, вроде как ко мне это. Я уж и сам приготовился его стренуть, а брат за ним. Но тот, видимо, понял, что догонят его, обернулся, да и в упор стрелил. Будь у отца чем стрельнуть, оба живы бы были, но а тут, чо жа, сразу насмерть, значит. Но перевязал ногу как смог и, пока, говорит, силы были да сознания не лишился, давай скорее могилу долбить. А место-то там под уклон да камень сплошь, но все-таки выдолбил. Японца столкнули, товарищи подошли, схватили было, говорит, меня. «Ты чо ето делаешь-то? У тебя нога на штанах болтается, а ты камни долбишь». А я, говорит, отвечаю: помоги, мол, брата кровного похоронить, тогда уж со своей-то ногой. Не в уме он, говорят, сгоряча, мол. «Да нет, в уме я, клятва у нас была».

Но уложили брата в могилу, бросил я, говорит, первую горсть, да ничего больше не помню.

Отрезали ему ногу в госпитале, да плохо, видать, чо-то у них вышло. Так и домой пришел с больной ногой. Чо только не делали, а все равно чернота пошла. От нее и помер. И к семье брата не съездил, только в письме все прописать успел, ишшо из госпиталя...

Лена в этом месте раскинулась широким плесом, хребты по обе стороны плавно отступили от реки, образуя красивую долину, на которой виднелись просторные поля, покрытые зеленым одеялом хлебов. На берегу под высоким

обрывом приткнулись носами в гальку многочисленные лодки, а перед ними, как белые ширмы на высоких вешалинах, сушились невода. На обрыве вдоль реки на целую версту и выше по уклону раскинулась деревня дворов около сотни. По самой кромке обрыва растянулась цветастая узловатая цепочка жителей деревни. Они стояли и махали платками, а вокруг этих платков плотными стайками сновали дети, подпрыгивая и приплясывая на виду парохода.

Василий бросился под брезент, тут же вернулся со шкаликом и кружкой.

— Давай, Гордей, побратаемся на земле моих предков — забайкальских казаков.

С этими словами он схватил зубами свое запястье и, сплюнув, попавшую в рот кровь, сказал Гордею:

— Надави в кружку.

Гордей выжал из посиневшей ранки несколько капель, прокусил кожу на своей руке, подставил руку Василию, а кружку под капли своей крови. Взводный стоял и смотрел, не понимая, что происходит, но не вмешивался. Василий крутнул шкалик, вылил содержимое в кружку. Гордей сделал первый глоток и молча вернул ее Василию. Глотнув свою порцию, Василий передал кружку взводному.

— Не пей, а только подержи,— предупредил он. И они крепко обнялись.

— Да ты не тарощи глаза-то на нас, не пьяные мы,— забирая кружку обратно, сказал Василий взводному.— Клятва такая есть. Единокровными братьями мы теперь стали, брат за брата ответчиками значит, а ты навроде крестным отцом у нас оказался, а отца, как говорят, не выбирют и не жалуются. Не знаем мы тебя, ну да уж теперь, какой есть, такой и хорош. Как звать-величать-то тебя, крестный? — И Василий покорно склонил перед ним голову.

— Осип Тимохеич, а по фамилии Потаповым буду. Только отец мой в Потапово-то родился, а я уж в другой деревне, а матерь моя из Швецовых будет.

— Вот те и притча! — удивился Василий.— Крестный-то и вправду родней оказался. Тогда давай не побрезгуй, глотни, вроде как благословишь новорожденных братьев.

Осип теперь разобрался, что к чему, не стал чваниться, а приняв кружку, потребовал от новорожденных стать рядышком, наложил кружкой один на двоих крест и сказал:

— Будьте тогда уж и близнятами. Вера-то она многим помогает. Вы навроде как свою веру себе придумали. А ес-

ли будете верить крепко, то она вам обязательно поможет. Ничего смешного и глупого теперь я в этом не вижу и благословляю вас на крепость ей.— Осип выпил свои глоток.

— Прямо как в церкви получилось,— сказал Гордей.

— Дак вон она и церква Потаповская, стоит крестом играет,— сказал Осип, показывая рукой в сторону деревни.

— И вправду,— удивился Гордей.— Она ведь свидетельницей нашего благословения стала. Но прямо как сон все это.

Разговор почти всегда заканчивался одинаково: «Подождем — увидим, чему быть, того не миновать, но держаться друг друга надо плотнее, назад не оглядываться, разум не терять, а главное, не трусить, потому как немцы тоже люди и от смерти не заколдованы, значит, и смять их можно, а танк он пущай ползает, поди, когда-нибудь расстреляет свои патроны, и бензин у него кончится, он и остановится, тогда и яму под ем выкопать можно, чтобы провалился в нее, или глиной замуровать».

Такие размышления немного давали шансов на жизнь, и с ними все-таки было легче, чем без них, и еще оставалась надежда на себя и товарищей.

* * *

За время длительных наблюдений за противником можно было, хоть и не точно, но почувствовать время созревания, вернее, время окончания подготовки, за которой следует развязка. Вот уже месяц на немецкой стороне все ночи напролет слышалось особое оживление, а наступивший рассвет давал возможность и кое-что увидеть.

В ту ночь Василий и Гордей, заняв окопы в первой линии, заметили, что немцы притихли.

— Значит, все у них готово,— начал Гордей.

— Да похоже,— согласился Василий.— Если не сегодня на рассвете, то завтра.

А наши артиллеристы чо-то шумят уж третью ночь.

— Я слышал, на старых-то местах они макеты из бревен понаделали, а пушки в другое место перетащить собираются. Это они молодцы, если так-то сделают, ведь старые-то их окопы немцы сто раз выцелили, сразу накроют.

— Я тоже слышал. Хвалят они своего командира, умный, говорят, человек. А вот пулеметчики — те вроде на своих местах остались.

— Но этим недолго выскочить, если неустойка выйдет, они и из наших окопов стрелять могут.

Василий помолчал и добавил:

— Оно и выходит, что мы тоже готовы.

Ускопоенные таким заключением, неожиданно для самих себя они перешли на домашнюю тему о весне.

— У нас, поди, земля парит вовсю, а может быть, уже и пашут: май кончается. Здесь-то, похоже, еще в начале месяца отсеялись.

— Вот жизня пошла, живем здесь, а не одного пахаря не видели. Дождики вроде вовремя пошли, а эту неделю сушит здорово. Сегодня опять утренней-то зари не заметно. Уже светает, а заря не занимается, значит, день жаркий будет,— рассуждал Василий.

И в этот самый момент, как будто подслушав братьев, занялась заря, только не на востоке, куда в это время смотрели два русских крестьянина-солдата, а с запада, со стороны немецкой позиции, и заря — не красная предвестница хлебного дождика, а заря черного дыма человеческой смерти, заря, рождающая не урожай хлеба, а урожай вдов и сирот, могилы пахарей-кормильцев.

Хоть и был уговор не оглядываться назад, но, что делается впереди, Василий уже знал, теперь хотелось взглянуть туда, где рвались снаряды. Там тоже занялась черная заря, только не мягкая, как ватный дым пушечных выстрелов, а рваная, земляная, с колючими иголками — лучами обломков бревен, досок и камней или кусков изуродованной земли.

— Здорово ударили стервятники,— успел отметить Василий про себя, но испуга у него не родилось, ему даже опять стало весело, когда он взглянул туда, где были окопы пушкарей. Там, кувыркаясь в воздухе, опускались вниз, в плотное облако поднятой пыли, бревна. Значит, и правда их умный командир перевез пушки на другое место, значит, артиллеристы живы и сами теперь выцеливают, откуда стреляют немцы, ждут свой черед ударить. А в землянках тоже никого нет, уже неделю в них никто не ночует, все в окопах. На душе от увиденного стало спокойнее. Он посмотрел на Гордея, который до окончания артподготовки оставался в окопе Василия. Вглянув, они убедились, что пехота еще не пошла, и присели на дно во избежание случайного налета осколков. Несколько снарядов разорвалось и вблизи траншей. Очевидно решив, что с огневыми точками закончено, немецкие артиллеристы приступили к обработке траншей. Когда заговорили свои пушки, Василий взглянул на Гордея и увидел, что тот улыбается. Василий наклонился и в самое ухо крикнул:

— Молодцы пушкари! Живы!

Гордей схватил его за руку и крепко потряс. Уже без слов каждый из братьев в одиночку додумывал, что будет дальше в этой артиллерийской дуэли. Ведь наши теперь должны ударить точно. И опять, братья, переглянувшись, улыбнулись, потому что частота разрывов заметно уменьшилась.

«Хорошо подмогли братишки пехоте»,— подумал Василий об артиллеристах. О танках он забыл.

Очевидно, время дуэли кончилось, пушкари огрызнувшись последними выстрелами, сделали перерыв, давая слово другим. Гордей бросился в свой окоп, хлопнув Василия по плечу.

— Ну, теперь наш черед, оплошать никак нельзя.

Василий высунулся из окопа, надеясь увидеть наступающую пехоту или конницу, но вместо этого услышал грозное рычание двух шевелящихся черных чудовищ. Они, скрежеща железом, медленно скребли черепашьими когтями, фыркали черными клубами дыма вперемешку с искрами, поворачивались из стороны в сторону, словно отворачиваясь от ослепительного солнца, заспанными глазами высматривали и вынюхивали хоботами пушек себе пищу. Василий, взглянув по сторонам, понял, что танки видит он не один. Однако, присмотревшись, он обеспокоился малочисленностью изъявивших желание броситься на эти чудища. Неужели так много погибло наших от артподготовки? Но еще больше испугался он своему подозрению, что так много людей в окопах, которые боятся даже смотреть на танки, заранее согласившись быть раздавленными их гусеницами. Ведь их же всего два, ползут они как черепахи, и у них всего по одной пушке.

Танки действительно ползли один за другим удивительно медленно. Поднявшаяся за ними пехота, быстро догнала их и теперь, не желая их обгонять, подолгу лежала, поджидая, когда те отползут на дальность перебежки. Немцы явно ждали танкового стресса у русских, и те действительно не показывали признаков сопротивления, затаившись от страха. Василий скрежетал зубами от собственного бессилия и от наступившей тишины, в которой особенно отчетливо был слышен лязг железа. Оно как жерновами мололо землю. Он ждал и не знал чего. И когда танки были в каких-то ста саженях от первой линии, тоже очень отчетливо прогремел одиночный пушечный выстрел позади Василия. Он оглянулся и понял, чего ждал. Первый разрыв оказался позади обоих танков, как раз

там, где лежала пехота. Второй лег впереди первого танка, но когда рассеялась пыль, Василий увидел, что танки шли как и до разрыва.

— Вот сволочи, даже не поморщились,— выругался Василий, и мурашки пробежали по его телу. Потом он вспомнил про артиллерийскую вилку и отчетливо представил, как артиллерийский Батя, что-то подсчитав, опять наводит ствол пушки на танки. То, что по танкам целится именно сам Батя, как уважительно называли пушкари своего командира, Василий не сомневался. Третий выстрел последовал раньше, чем его ждал Василий, но он видел, как танк вздрогнул и, хотя не умолк, но почему-то начал медленно, на месте, поворачиваться обратно. Казалось, что он решил посмотреть на свой след и убедиться, идет ли за ним его товарищ и пехота. Повернувшись боком, он грозно рыкнул, облако дыма отлетело в сторону, но не покинуло его совсем, а потом на черном фоне дыма блеснуло что-то красное и плавно начало расплываться по бокам и крыше, облизывая все тело танка. Василий понял, что танк загорелся, и что было силы заорал, боясь, что сейчас опять последует взрыв и его могут не расслышать:

— Гори-и-т! Танк горит! Ура-а-а!

Все, кто наблюдал, как и Василий, подхватили то, что он крикнул, а те кто не видел, но услышал «ура!» очевидно поняли это как сигнал к атаке, инстинктивно выскакивали из окопов и по-бараньи растягивая вместо «ура» одно «а-а-а!», бросились вперед, не поднимая голов. Остальным ничего не оставалось делать, как поддержать стихийно возникшую атаку. Горящий танк и повернувшийся второй удесятерил силы русских и в такой же степени внес панику в стан противника. Немцы поняли, что русских теперь не остановить никакой силой — они даже не пригибались и не ложились, а бежали не стреляя, они хотели только рукопашной, а это они умеют делать лучше других.

Однако немцы не хотели упускать инициативы. Тот, кто разрабатывал бой и руководил им, не почувствовал холодка стали русского штыка в своей спине и потому отдал приказ на повторную и более тщательную артиллерийскую обработку русской позиции, что и было сделано. Василию казалось, что немцы просто не могут остановить эту машину смерти и она будет работать бесконечно. Из-за непрерывных разрывов не слышно было, отвечают ли пушкари.

Провинившиеся немецкие солдаты, постыдно бежавшие

от русского штыка, теперь, видимо, решили искупить свою вину. Они с места взяли высокий темп тактического боя, быстро шли на сближение, надеясь захватить русских еще поджаренными. Василий сразу заметил, что немцы полны решимости взять реванш за неудачную первую атаку. Когда пехота показала всю свою подавляющую многочисленность, немецкое командование пустило лавину конницы, что конечно возымело свое действие на обороняющихся.

— Гордей! Давай переходи ко мне! — крикнул Василий и, когда тот появился, предложил: — Видно, брат, опять рукопашной не миновать, спиной к спине встанем — надежней будет.

Он сделал первый выстрел, после которого отметил: коня под немцем убил, кажись, насмерть — жалко; и они, быстро передергивая затворы, открыли частый прицельный огонь по коннице. Они хорошо видели, как после каждого их выстрела лошади, подогнув колени передних ног, перевертывались через головы и, взмахнув хвостами, выбрасывали, как снаряды, всадников и те летели впереди них, искря саблями. Стрелять же по всадникам было рискованно, потому как те низко пригибались, пряча головы у шеи коней,— зря только патроны потратишь. Оба настолько были поглощены своим солдатским делом, что не слышали команды на отход во вторую линию. То, что происходило впереди, полностью владело их вниманием и ответственностью за то, что было за их спиной,— там была Россия. Они помнили, что они из тех, кто должен ее защищать. Все личное, даже собственная жизнь, перестало иметь цену. Однако тишину в соседних окопах первым заметил Гордей.

— Василий! Рота отошла во вторую линию! Мы с тобой одни! Отходить надо!

— Не успеем! — ответил Василий.

— Надо успеть!

И они, выскочив из окопа, бросились что было силы вслед за ушедшими товарищами. Надо было пробежать сто сажен на одном дыхании, иначе зарубят или пристрелят обязательно. Они бежали во весь рост, наклонившись вперед только для того, чтобы бежать быстрее. Василий видел, как некоторые всадники скакали справа и слева, обгоняя их, значит, враги есть и позади, и они с Гордеем являются для них первой жертвой. Но оглянуться назад было нельзя: можно упасть и потерять время. Вдруг он почувствовал, что брата рядом нет. Обернулся. В десяти

шагах прямо на него во весь опор летел всадник и, склонившись набок, рубанул клинком уже падающего Гордея. Еще он успел заметить и даже удивиться, почему Гордей упал прямо под ноги лошади. Он хорошо помнил и прыжок лошади через него. Василий выстрелил не целясь в тот момент, когда клинок был занесен, для того чтобы опуститься и развалить пополам и его голову. Значит, промахнулся, а клинком промахнуться просто нельзя. Клинок был в крепкой натренированной руке врага и находился в трех метрах от его ничем не защищенной головы. Что руководило обреченным — разум или инстинкт, который срабатывает тогда, когда практически спасения уже нет? Даже лежачего поднявший меч легко достанет, но укрыться негде, и Василий, не сознавая, повторил то, что уже сделал Гордей,— нырнул под шею лошади. Это было единственное укрытие, где его трудно достать клинком, а лошадь может и перескочить через него. Он даже не почувствовал боли, хотя удар в левый бок был сильным, вышибающим весь воздух из легких. В ушах отчетливо прозвучал винтовочный выстрел, который тут же потонул в треске разламывающего черепа. Этот треск продолжался и тогда, когда он, открыв глаза, увидел свет, тоже больно резанувший в голову. Василий впал в забытье, успев осознать, что надо обязательно встать и помочь брату. Наверное это сознание и заставило его услышать то, что происходило вокруг. Звон в голове теперь не был таким оглушительным и прорывался сначала с перерывами, а потом и совсем сменился на шипение, которое уже мешало думать и вспоминать. Он снова увидел громадную лошадь и всадника с поднятой саблей, потом только лошадиную морду с оскаленными желтыми зубами. В голове промелькнула, но почему-то не очень взволновала, мысль, похожая на страшную правду. «А может, я зарублен, я мертвый! Но почему же я слышу шум и боль во всем теле и что кто-то стонет и стучит рядом, я даже чувствую пальцы ног, а теперь слышу и стрельбу. Надо открыть глаза. О! Я вижу свет, значит, мне не кажется, я живой». Но на этом закончился сеанс сознания, перед глазами поплыли расплывчатые радужные круги, а в памяти запрыгали какие-то обрывки — будто он что-то искал в ворохе тряпья, но не знал что. Потом облако летающих тряпок исчезло, и Василий четко увидел Гордея, падающего под ноги рыжего коня, потом конь увиделся белым, зеленым и еще каким-то, но Гордей падал под них одинаково. Память крутнулась еще раз, круги в глазах

исчезли, шум в голове стал удаляться, вместе с ним стала затихать и боль. Василий поднялся сначала на локоть, потом перевернулся на живот и встал на колени, чтобы посмотреть, где Гордей и что с ним.

До Гордея было не больше десяти шагов, он лежал на левом боку спиной к Василию. Присмотревшись внимательнее, Василий отчетливо увидел, что затылок Гордея весь в запекшейся крови. Значит, всадник его все-таки достал и, похоже, стесал ему затылок, промелькнуло в мозгу. А может, все-таки брат жив и ему можно помочь, а сделать это может только он, Василий. Предположение притупило его собственную боль, и он, поднявшись на ноги, пошатываясь, пошел к брату. Опустившись на колени, Василий осмотрел затылок Гордея, который оказался сильно разбит, а вовсе не стесан. Значит, это лошадь разбила копытом, но и от этой догадки легче не стало — лошадь могла убить насмерть. Осторожно придерживая голову, он повернул Гордея на спину и от неожиданности не обрадовался, а растерялся. Гордей застонал и даже попытался приподнять голову. Забыв об окружающем и о своем ранении, Василий быстро снял с себя нательную рубаху, смочил ее мочой и начал очищать рану на затылке. Кровь сгустками легко смывалась, и рана кровоточила, Василий ощупал ее и убедился, что проломов черепа нет. Сделав тугую повязку, он ощупал руки, ноги, ребра, переломов костей не обнаружил, а взглянув в лицо Гордея, увидел, что Гордей открыл глаза. Смотрит на него, но не узнает, а может, и не видит. Как бы пригодился сейчас нашатырь — дать понюхать или хотя бы холодная вода, чтобы брызнуть в лицо. Но этого ничего не было, и Василий принялся тормошить Гордея, стараясь сохранить в покое его голову.

— Гордей? Гордей? Ты слышишь меня, Гордей? — Но вместо ответа Василий услышал вопрос.

— Ты живой, брат? А я думал, промахнулся,— и он, сморщившись, застонал и схватился руками за голову.

Так вот кто убил всадника, который должен был зарубить его, Василия. Это брат спас ему жизнь, это он уже с разбитым затылком сумел найти силы и выстрелить ему в спину, он помнил клятву верности и выполнил ее, а уж потом упал без сознания. Вот почему они оба остались живы, а всадник и даже его лошадь убиты.

Василий, схватив брата на руки, осмотрелся и, поняв, что бой продолжается, уверенный, что дважды не убива-

ют, пошел поперек поля к ближайшему леску. Однако до большого леса Василий добраться не успел. Он, может быть, и успел бы, да сил не хватило, а когда они появились, было поздно. Бой уже остался позади и сравнительно далеко, и, очевидно, уже подбирали раненых и убитых, но и, конечно, брали пленных, пленных в первую очередь. У немцев это поставлено строго. Василий спустился в низину, заросшую мелким и крупным кустарником, и по первым же шагам по сырой поверхности понял, что в этом околке должна быть вода. Уложив Гордея, он начал искать лужу и нашел ее под вывороченным корневищем довольно крупной ольхи. С жадностью напившись, он принес сюда Гордея, стал смачивать ему голову, обмывать лицо и из ладони поить его, а когда Гордей пришел в сознание, решил отсидеться здесь до ночи, набраться сил и через большой лес перейти линию немецкой обороны к своим. Если Гордей встанет на ноги, то это сделать вполне возможно.

Василию казалось, что он прошел достаточно много и они спрятались довольно надежно, чтобы отсидеться, но это только казалось — было истрачено много сил. Голова болела теперь сильнее, тошнило, ноги не хотели держать отяжелевшее тело. Василий снял гимнастерку, смочил ее и туго перевязал свою голову. Стало легче, хотелось спать, но Гордей все чаще приходил в сознание и надо было помочь ему быстрее прийти в себя. Василий постоянно смачивал ему лоб и лицо, давал пить, у него чувствовался жар, он бредил, но наконец открыл глаза и вопросительно посмотрел на брата.

— Чо болит? — спросил Василий.

Но Гордей опять не ответил, а, посмотрев на замотанную голову Василия, спросил:

— Ты ранен, брат? Где мы?

И тут Василий впервые произнес эти страшные слова, запрещенные присягой: «В плену». Не хотел он говорить эти слова, но по себе знал, как они подняли его, притупили собственную боль, заставили идти и даже нести брата. Значит, в них тоже есть какая-то сила. Гордей как от ожога сел и, осмотревшись по сторонам, уже требовательно спросил:

— Почему мы сидим здесь?

— Сейчас, сейчас пойдем, вот отдохнем и пойдем,— ответил Василий. Но Гордей хотел знать, что произошло, и Василий, видя, что тот тоже забыл о своей боли, кратко рассказал о том, чем кончился для них последний бой.

— Да в каком же мы плену? — возразил Гордей.— Надо бежать в лес.

Горячась, он вскочил на ноги, но тут же свалился, на минуту потеряв сознание. Василий стал быстро стягивать сапоги, заподозрив, что у Гордея не в порядке с ногами. Сапог с правой ноги не снимался, а разрезать его было нечем, и Василий попытался зубами разорвать шов голенища, но из этого ничего не получилось, и он, зажав зубы, потянул сапог так, чтобы только снять. Гордей громко вскрикнул, но Василий уже отбросил пустой сапог. Нога Гордея распухла в ступне и повыше была синей, но перелома не было заметно. Тщательно ощупав и осмотрев ее, Василий решил, что это растяжение или вывих. Он сразу же стал делать холодные примочки и, разорвав по длине портянку, сделал тугую неподвижную повязку. Очнувшись и увидев перевязанную ногу, Гордей спросил:

— Чо сломана, чо ли?

— Нет, похоже, вывих, кости целы,— успокоил его Василий.

Гордей, подвигав ногой, заключил:

— Теперь шибко-то не побежишь. Конь, видно, наступил на лодыжку. Одно к одному,— и он осторожно поднялся на ноги.

— Давай-ка мне какую-нибудь палку, нечего на ее смотреть, надо идти, не понесешь же ты меня?

Василий начал шарить по кустам, забыв об опасности. Не найдя ничего подходящего, он выломил две толстые ветки с развилками, чтобы на них можно было опираться, как на костыли. Гордей примерил их и сказал, что сможет идти. Он быстро обул здоровую ногу и попытался передвигаться, но ему мешали сухие сучья и трава. Василий хотел на руках вынести Гордея из кустарника, но тот категорически отказался, и Василий начал расчищать ему дорогу. Выбравшись на поле, они обогнули околок и направились через широкую прогалину к следующему. Гордей попробовал идти на жидких палках, но они гнулись и угрожали сломаться. Тогда Василий сказал, чтобы он взял обе палки под одно плечо, а свободной рукой опирался на него. Дело пошло быстрее. Они были уже на середине прогалины, когда их окликнули сзади. Двое немцев с винтовками шли по их следу. Они не бежали, а просто шли, уверенные, что русские их не обстреляют и никуда не убегут.

По какому принципу выбирали для себя пленных фермеры, не видя самих пленных, но когда Чугуев привел

свой товар, первому подала ему свою накладную пышная, лет под сорок или только за сорок немка, перед которой, услужливо улыбаясь, чопорно расшаркивался Зеттер. Чугуев, прочитав фамилии в накладной, взял братьев за руки, поставил их перед дамой. Та, глазами сравнив полученный товар с тем, что осталось на месте, молча сошла со ступенек крыльца и направилась к выходу из лагеря. Чугуев толкнул братьев следом за ней, крепко пожав им руки в локтях. За воротами у красивого фаэтона, запряженного парой упитанных лошадей, стоял хорошо одетый пожилой немец в шляпе. Он, открыв дверку, помог сесть хозяйке, закрыл дверку на защелку, открыл другую позади и показал на нее пленным, потом закрыл и ее, сел на место кучера и тронул лошадей, увозя братьев в другую жизнь.

Дарья и Федор

Проводив мужа на войну, Дарья не растерялась и твердо решила хозяйничать по-своему. Ей и раньше не шибко нравился заведенный Василием порядок. Не имели они оборота, который можно было иметь. Весной сама вспахала в поле, засеяла и посадила огород. Пришел сенокос, заготовила сено, даже стога метать на поклон не пошла, а сметала сама. И с жатвой справилась не позднее тех, у кого были дома мужики. Первый год показал и научил, что и как надо делать. По первой прикидке, осенью, у нее даже образовались излишки. Она перемеряла и пересчитала еще раз, но опять получилось, что заготовлено с запасом и сена, и мяса, можно даже продать телку. А если осенью подчистить орехов два-три куля да сговорить баб порыбачить, то на весну можно купить доброго коня-коренника к своей кобыленке. Все получилось, как задумала Дарья, но коня она смогла купить только через год.

Письма от Василия приходили редко. Сам он писать не умел, просил людей. Стойко, в работе, пережила она и известие о том, что муж пропал без вести. Надо было жить. Старшая Катя пока не ахти какая помощница. Правда, по дому она делала уже многое, готовила еду, ухаживала за скотиной, вместе с Настей и Улитой почти без матери они справлялись с огородом: поливали, пололи, помогали убирать. Можно сказать, мало-мальски себя обрабатывали, и няньку-домовницу держать не надо.

Войне конца было не видно. Она вроде и кончилась, да какая-то революция началась, а потом войну стали называть гражданской, да только все одно, в Дарьиной жизни от этого ничего не менялось. Правда, некоторые мужики, которые постарше, стали возвращаться. Вот и деверь Сергей пришел, но от Василия вот уже три года и четвертый пошел — никаких известий. Сгинул, видать, на чужой стороне, и надеяться не на кого, опять вдова. А ведь ей еще и тридцати нет. Горько раздумывала Дарья длинными зимними ночами, но как ни крути, а выходило, что сама она теперь и баба и мужик. Ладно, что теперь у нее конь-кормилец есть, а это много значит. Он за два года себя оправдал. Вот и в этом году она продала корову, на весну молодая отелится, все равно две коровы будет. Жеребенок, он хоть и жидковат еще, но в борону весной можно пробовать, рослый удался, без корму не стоит. Деньжонки малость подкопились, вот только сил не хватило с осени оклад под новую избу положить, и мужики-то уж дома были. Но надо поговорить с Милетием, если помогут, тогда можно кого-нибудь нанять да за зиму перевезти сруб и сложить его под мох. Мох тоже заготовлен и на избу и на баню. Заплатить хорошо, так за лето один добрый мужик отстроит избу, и на зиму можно переезжать. Да-да, Дарья. Давай берись за свою избу... Так подбадривая сама себя, она утром же решила поговорить с Милетием насчет закладки оклада и мысленно уже положила его. А кто будет класть сруб? Опять же к деверям обращаться? Нет, так не годится, у них свои семьи большие, работы невпроворот. Не сходить ли к соседу Ивану Павловичу Попову? Он старую избу сам рубил и новую в прошлом году закончил со своими ребятами. Старший, Федька-то, у него шшитай все эти годы топор из рук не выпускает. Иван Павлович как-то сказывал, что и рамы и двери он у него самостоятельно мастерит. Теперь уж живут в новой избе. Семья, правда, у них дай бог: от первой жены-покойницы четверо, да эта молодая вот уж пятым, однако, ходит, копейка небось нужна. Может, отдаст Федьку-то мне избу отстраивать? Не должен отказать, не забыл небось, что пустили его Швецовские мужики на свою землю. Поперек-то пойдет, так и выгнать могут, да и не даром же, платить буду за работу...

Поразмыслив таким образом, Дарья убралась утром пораньше и пошла к Милетию. Самый старший из семьи-то он. Бабка Устинья была бы живая так с той не надо бы беспокоиться, любила она Дарью, помогла бы. Сказала

бы, и все тут, все свои дела сыновья-то отложили бы, да и внуки уж женаты, за три-четыре дня этакой силой избу сложили бы. Да нет ее теперь, летом год будет как убралась, земля ей пухом.

Милетий куда-то уже успел сбегать или съездить и теперь сидел за столом, пил чай со своей Осиповной. Ребята, которые были еще не женаты, попались Дарье во дворе с батогами, направляясь на гумно молотить снопы ярицы. Увидев Дарью, хозяева наперебой заговорили, выказывая свое гостеприимство, хотя и жили на одном дворе и виделись на дню по нескольку раз. Но в дом к Милетию Дарья заходила редко и только по важным делам.

Усадив невестку за стол, они для порядку, как редкую гостью, спросили о житье-бытье, а уж потом о главном:

— Но чо, Дарья, надумала? Зачем зашла? Не нужда ли какая? Попусту-то ты говорить не любительница, знаем. Значитця, сурьезно дело имеется,— начал Милетий.

— Дак чо, Милетий Тимохеич, как же без делов да без нужды в хозяйстве-то? Да и, слава Богу, што оне и есть, дела-то, без них, однако, совсем худо будет. Сами видите, голодом не сидим. Вам спасибочки, што из зимовья да со двора не гоните. Други-то давно ба на ворота показали. Знаю, што самим вам надо зимовье-то, вон Мишку женить, разговор слышала, собираетесь. Тесню я вас, вот и надумала за избу браться. Здоровье будет, с вашей да с Божьей помощью к зиме, можа, и перееду. Изба-то шшитай, готова, только на мох положить да печку сбить, а отстраивать-то грех вас просить, деньги есть, найму.

— Да, Дарья. Василия, однако, ждать нечего, не живой он похоже, а ребята у тебя растут. Давай думать вместя нашшет постройки-то.

— Дак я чо хотела-то, Милетий Тимохеич, оклад ба токо помогли положить, а там ба я наняла кого ни есть.

— Пошто жа ты наймать-то будешь? Поди копейка-то, она и на черный день завсегда сгодится. У меня вон ребяты, да Сергей теперя дома, неделя делов, поможем.

Дарью аж в слезу бросило от таких слов. Смахнув слезы, она заговорила:

— Я уж и не знаю, как благодарствовать тебя, Милетий Тимохеич, за доброту таку ко мне да к девчонкам моим, не забываете вы нас, от родни своей не отталкиваете, нуждой нашей не брезгуете...

— Да не за што, Дарья: наша ты, и дети тоже наша кровь. Он, Василий-то твой, если не вольнодумничал бы да на отшиб-то не шел, так ишшо до войны бы избу-то

поставили. Он жа вашу избу наравне с нами рубил, а как отец-то помер, он и отбился от рук и с Серифимой-покойницей у них ладу не было, а потом тебя привел, так ты тоже не шибко его обуздала. Всё землю хватали, да хребет-то рази весь раскорчуешь? Вот и свалил он теперя все на тебя одну, и детей и избу, да только помним мы должок, поможем, не горюй, наше это дело, мужицкое.

Как и договорились, на другой день приступили к работе артелью. Готовить еду и кормить артель поручили Варваре и ее Нюрке. Сергей сам настоял на этом, сославшись, что у него баба нынче яловой оказалась, да и рядом тут. Дарья же настояла, что будет работать с мужиками и с подростками, которые подвозили, подавали и укладывали мох. Всего в артели набралось девять человек Швецовских, десятым пришел Федор Попов. Пока рыли канаву под оклад, раскатали и сруб избы на Бору. Бревна просохли за четыре года так, что только звенели своей ядреностью, поэтому хороший конь брал по два бревна за ходку. Не доводилось Дарье работать на такой работе со швецовскими мужиками, все горело у них в руках, а главное, чем они больше работали, тем веселее становилось у них в артели, они все чаще начинали пошучивать друг над другом и даже могли запеть. Тогда уж совсем работа становилась праздником и никто на ней не уставал.

Через неделю коробка избы с полами, потолком и под крышу была готова. Дарья смотрела и не верила своим глазам, что ее изба, размохнатившись клочьями мха в пазах, ощерившись неровными концами бревен для холодных сеней, стояла на указанном месте. Когда Милетий объявил «шабаш», Дарья только ойкнула и села на обрубок бревна.

— Да неужели это моя изба стоит? Прямо боюсь, не сон ли это? Забью окошки, налажу дверь, железку поставлю и буду работать,— высказала она вслух.

— Да ты чо, Дарья? Ее рази натопишь? Ни полы, ни потолок ишшо не приплотнены, щели вон какие,— возразил Сергей.

— А ведь ее, правда, теперь не остановишь, все дрова спалит, однако,— сказал Милетий, смеясь, глядя на счастливую Дарью.— Давай, Сергей, пока не остыли от избы, срубим ей баньку, лес у меня есть, на прируб припасал, да уж, коли такой нетерпеж, сегодня передернем его сюда, а завтра к вечеру и дым пустим. С баньки и начинать-то надо было. Где баню, Дарья, желашь?

И опять пошла работа. Пока расчищали от снега и ровняли площадку, ребята подвезли бревна, и к концу дня первый венец бани белел на месте, а к вечеру следующего дня баня уже дымила. Мужики, перекурив в теплых стенах, выходили из бани, обтирали о свежие щепки ичиги от налипшей грязи, оттаявшей у печки земли.

— Вот паря как оно артелью-то ходко дело делается, не то, что в одиночку,— прощаясь сказал Милетий.

— И ребята молодцы, а хто они ишшо? Мураши, а как подмогли,— добавил Сергей, не отпуская руки старшего брата.

Придя домой, Дарья застала детей уже спящими. В зимовье было жарко натоплено и из железной печки через крупные отверстия в дверце и щели на боках сверкали сполохи догорающих головешек. Она зажгла керосинку, подошла к гобчику, чтобы накинуть на детей упавшее овчинное одеяло. Катя лежала с краю, как мать, оберегая младших, чтобы не упали. Настя и Улита, разметав ручонки, лежали валетиком, зарывшись в расплетенные пышные волосы. Дарья накрыла детей, прошла к столу, на котором в чугунной плошке стояли застывшие щи, крынка молока и крупная горбушка ржаной ковриги. Пузатый самовар стоял на полу, прислоненный боком к горячей буржуйке, и был горячий. Фарфоровый заварник, как хозяин, весседал на своем месте, сверху на самоваре, завершая его важную фигуру богатой короной. Дарья, польщенная такой заботой падчерицы, подошла к спящей Кате и осторожно забрав в ладони ее толстые русые косы, сунулась в них лицом, прошептала:

— Какая ты у меня умница да хозяюшка распрекрасная. Совсем уже помощницей стала. Как же бы я без тебя-то?

Разогрев щи, она поужинала и, почувствовав внезапно навалившуюся усталость, полураздетая упала на свою кровать и провалилась в глубоком сне праведницы.

Первый крик петуха как ковшом холодной воды смахнул с нее безгрешный сон. Она поднялась, сунула в холодную печурку сухие поленья, достала с предплечья пучок березевой лучины, разломив ее пополам, зажгла тонкие иглы излома и сунула между поленьев, присев рядом с печуркой на стульчик-чурбачок. Разомлев от тепла, она опять прилегла и, только сомкнув глаза, в чистую явь увидела свою новую избу, сверкающую вымытыми стек-

лами в белых сосновых рамах, раскинувших тяжелые ресницы таких же белых ставен и резные короны наличников. Из свежепобеленной трубы русской печки плотными белыми облачками валил дым, а по чисто вымытым ступенькам крыльца спускалась ее старшая дочь Катя, держа за ручонки смеющихся сестер Настю и Улиту. Из-под крыльца вынырнул со своим белоснежным ошейником и таким же белым нагрудником кобель Лапчик. Он, пристроившись впереди дочерей, бежал к Дарье навстречу, виляя пышным кольцом хвоста с белым флажком на конце, заглядывал хозяйке в глаза, будто тоже радовался, как у них теперь просторно и красиво на новом подворье. Дарья, любуясь на избу, спросила Катю: «Куда это вы направились, мои чадушки?» и Катя ответила: «Вон сейчас проводим Краснуху за молочком да и огород поливать будем, а к вечеру тебя дожидаючи и баньку истопим». Потом Дарья увидела, как бежит с поскотины, высоко задрав голову, взмахивая золотистой гривой и пушистым хвостом, ее любимец Соловко. Вот он подбежал к ней вплотную, начал мягкими и теплыми губами соваться к ее рукам. Дарья, сложив ладони в пригоршню, протянула к бархатным губам Соловка густо подсоленый ярушник, и тот, откусывая, так и жевал куски в ее ладонях, чтобы не терять крошек. Потом рядом с ней оказался Федор. Он стоял и смотрел на нее своими добрыми голубыми глазами и ласково улыбался. От этого взгляда и улыбки по телу Дарьи пробежал какой-то приятно-томный трепет. Она чуть-чуть испугалась этого трепета, но Федор взял ее своими ладонями за пылающие щеки, приблизил свое лицо, чтобы поцеловать. Дарья оцепенела и не могла поднять руки, чтобы заслониться, а за спиной Федора появилась высокая железная решетка, в клетке которой она ясно увидела лицо Василия. Крик петуха заставил ее вздрогнуть и отшатнуться от этого поцелуя, как от удара грома. Проснувшись, Дарья почувствовала, что вся дрожит, а на лбу выступили крупные капли холодного пота.

Сон слетел, как его и не было, а Дарья продолжала вздрагивать и неожиданно для самой себя сказала вслух: «К чему же все это?» Успокоившись, она вспомнила начало сна и свое намерение, которое она приняла еще вечером, когда шла одна домой от своей избы в чужое зимовье. Не поднимаясь, она еще раз все обдумала и подсчитала. После третьего петуха в окно стали пробиваться первые проблески рассвета. Дарья упруго потянулась приятно поднывающим молодым телом и, легко тряхнув го-

ловой, рывком села на постели, стала поправлять тяжелый сноп густых волос. Потом она поправила под кофтой в расстегнувшийся лифчик полные тугие груди, надела жесткую из домотканого сукна юбку, зажгла лампу и пошла в куть сполоснуть холодной водой лицо. Затопив русскую печь, сунула ухватом к ее стенке полведерка картошки, туда же сунула большой чугун с водой для подогрева. На улице уже рассвело, со двора донеслось глухое мычание Краснухи, приглашающей к себе хозяйку с пойлом и подойником. Дарья накинула шубенку и вышла из зимовья. Январский морозец сразу обдал лицо приятной прохладой, сунулся под полы по коленкам. Выпущенные Милетием кони и жеребята веселым табунком, фыркая и стряхивая с шерсти иней, пробежали мимо на водопой к Талице, а Милетий, поздоровавшись, взял пешню и лопату, закинул их на спину, направился за конями раздолбить прорубь.

Задав корм скоту, Дарья вернулась в зимовье, разлила по крынкам парное молоко, выпила большую кружку сама, разбудила Катю и, наказав, что делать, пешком направилась по тропинке к Поповым.

Вся большая семья Ивана Павловича сидела за одним большим столом, за чаепитием. На конце стола пыхтел двухведерный, блестящий желтизной меди, самовар, тоже с короной — заварником наверху, посередине в берестяном чумане возвышалась гора жареной в мундирах картошки и большая, как озеро, черная сковорода поджаренного сала. Горка коричневых шкварок была сдвинута к краю сковороды, и поповская лесенка едоков, дружно работая короткими и подлиннее рычагами рук, непрерывно, как солнечные лучи, тянулась к этому черному центру — сковороде, макая очищенные кругляки картошки в прозрачную лужу сала, подхватывая шкварки и с хрустом размалывая их вместе с картошкой. Первая, рабочая очередь семейства, уже позавтракав, работала на улице, получив от главы семейства задание на день еще с вечера. Однако сам Иван Павлович продолжал оставаться на своем месте за столом, на другом его конце, напротив самовара, молча наблюдая за порядком до конца трапезы. Хозяйка сидела с краю, рядом с самоваром, поджидая, когда гора картошки расползется с середины стола по его периметру кучками кожуры и станет сухим дно сковороды, чтобы уже на постоянную открыть кран самовара и, не капая, разлить горячий чай своей прожорливой мелкоте с округлившимися животами. А пока она что-то жевала и, положив

жвачку в ложку, ловко опоражнивала ее в круглую дырку между пухлых щек сидящего у нее на коленях будущего кормильца.

Дарья закрыла за собой дверь, впустив облако холодного воздуха, и, хлопая рукавицами, поздоровалась:

— Здравствуйте вам, добрые хозяева.

Вместо ответа на приветствие хозяин спросил:

— А, это ты, Дарья? Раздевайся, садись с нами за стол чаевничать.

Полнотелая хозяйка, вскинув подслеповато свисающие веки, уже от своего имени повторила приглашение хозяина.

— Дак из-за стола я только что, да к вам. Благодарствую.

— Нет, нет, соседушка, ты уж не обижай нас, присаживайся,— настаивал Иван Павлович.

— Чай свеженький из брусничничка, пирог с ленком у меня в печке горяченький, откушай, сделай милость,— пропела хозяйка.

Пока Дарья раздевалась, Аксинка уже принесла пирог. Пирог был испечен на всю семью, на большом, как гумно, противне в полстола. Дети сидели, положив руки на стол, и теперь, когда был получен «верховный указ» на пирог, все их внимание было устремлено на прямого исполнителя — старшую сестру. Дарью посадили на освободившееся место рядом с хозяином. Лизка, отвечающая за подачу угощения гостье, летала метляком, стараясь не столкнуться с Аксинкой, отвечающей за менее ответственное дело. Мать же, имея такую подмогу, оставила за собой право не только приятно рассказать о своей семье, но и дипломатично узнать все, что ей еще не известно о жизни соседей и что они говорят о ней, Попихе, и знают ли они, что она опять беременна.

Попив чаю с рыбным пирогом, Дарья отблагодарила гостеприимных хозяев, перевернула стакан вверх дном, что означало окончание чаепития и начало делового разговора.

— Я чо к вам, Иван Павлович, забежала-то,— начала Дарья.— Парень-то Ваш, Федор Иванович, шибко старательный да смышленый в плотницких-то делах, хорошо помог нам с избой, рассчитаться мне с вами надо.

И она выложила на стол пять рублей серебром.

— Вот, пожалуйста, получите. Копейка в семье завсегда сгодится.

Иван Павлович, взглянув на деньги, замахал руками.

— Ты чо ето, Дарья, с ума сошла? Таки деньги валишь. Это шшитай боле полтины в день? Этак-то совсем не по-соседски. Нет-нет, не возьму столько, не по-божески так будет. Видим же мы, как ты одна бьесся с хозяйством, да солдатке помогать сам Бог велел, а с тебя ишшо деньги брать? Нет, не возьму.

— Да мы же с вами за плату договаривались?

— Но, правда, договаривались, да я опосля передумал. У меня вона и ребята подросли, шшитай мужики, а всеш-таки излишков не имеем. Федьку женить пора, изба ему готова, а пока не на что и девки обе пересиживают, а Федьку держу, чтобы помог по хозяйству-то.

— Дак я, Иван Павлович, потому и не хочу обижать парня, заработанное принесла, а потом опять же нужда у меня к вам. Я хоть и не у чужих людей живу и не выгоняют они меня, а все не свое гнездо, к осени хотела в свое перебраться. А за зиму не сделашь, дак на лето не надейся, там летня работа, которая ждать не будет. Возьмите у меня задаток, отпустите Федора избу отстраивать, рашшитаюся, не обижу, сколько лет вьюся, деньжонки подкапливаю на это.— И Дарья опять выложила на стол три рубля серебром и два золотом. Она специально не отнесла их Константину Рупасову и не обменяла на бумажки, хотя знала, что Константин за два золотых три бумажных дает.

— Вы уж не откажите, Иван Павлович, вдове солдатской. Может, к весне и тепло загоню, если окошки да двери вставлю, а печку-то уж опосля сенокосу свои, поди, помогут сбить, и на другу зиму, Бог даст, войду.

— Все ты правильно говоришь, Дарьюшка, чего уж тут не понять. Да и обижать-то тебя неохота, отпущу я Федора, пущай себе на свадьбу зарабатывает. Про Василия-то так ничего и не слышно боле?

— Нет, ничего боле нету.

— Сгинул, похоже, мужик на чужой стороне, шибко много годов-то прошло теперь. Был бы живой, все едино весточку дал бы. С германцем вроде больше не воюет царь-то, так и самого скинули. Теперя ета итервенция, хто знат, скоко она протянется, что-то конца ей не видать. Гибнет народишко — страсть — и от пули, и от голода.— Иван Павлович замолчал ненадолго и, как будто спохватившись, добавил:— Дак живым-то все равно о жизни думать надо, детишки у тебя. Будем шшитать, што договорились, завтра же и отправлю с инструментом.

Растроганная Дарья ответила не сразу.

— Я уж и не знаю, как и благодарить тебя, Иван Павлович. Задаток уж возьмите, не отказывайтесь, а весной остальное принесу.

— Дак ты и так полкоровы отвалила. Он, Федька-то, в Ермаках у кого-то насмотревся, и рамы и двери в новой-то избе все он делав, если глянетца, дак таки же и тебе смастерит.

— Я уж наслышалась про него, потому и пришла. А харчи у меня свои будут, запаслася, и мясо, и рыба, да и молоко свое.

— Но коли так, я тоже не буду против, домой-то ходить только время тратить даром, пущай будет по-твоему.

Домой Дарья спешила, не чуя под собой ног. Шутка сказать, такая удача. Все идет к тому, что сбудется ее давнишняя мечта. Остаток дня она потратила на приготовление посуды и еды, чтобы меньше тратить время на стройке. Запрягла коня, отвезла к новой избе дров и свалила их около бани, принесла воды, протопила печку, вернулась домой и приготовила все необходимое для детей с расчетом длительной своей занятости.

Рано утром Дарья поспешила на свою стройку, чтобы опередить Федора и затопить печь в баньке. Федор пришел, когда было уже светло. Он не торопясь отряхнул снег с подшитых катанок, вошел в жарко натопленную баню, осмотрелся, привыкая к темноте.

— Здравствуй, хозяйка темницы! Тебя и не видно совсем, оконце-то не светит, а от лучины-то дымно тут, работать нельзя будет.

Дарья ответила на приветствие и пригласила к доске на полу, на которой стоял горячий чайник и деревянные чашки для чая.

— Давай, Федор, дело с чаю начинать. Отец-то, поди, рассказал, о чем у нас с ним разговор был?

— Он-то рассказал, да хозяйку послушать тоже надо, чтобы не обмишуриться.— И, обговорив главное, Федор заключил:— Вон оно как? А я думал, что ты ишшо кого из мужиков наняла. Одному-то не все сподручно, дело-то не шибко споро пойдет.

— Так я же сама помогать буду, ты только скажи, что поднять, поднести, распилить, расколоть. Рада бы кого нанять, так не на что, с тобой бы расшшитаться хватило.

— Но на нет и суда нет. Не горюй, Дарья. Авось все будет ладно да складно. Беру тебя в подмастерья! А начинать с этой вот баньки надо.

К вечеру Федор расширил и застеклил окно битыми

кусками стекла, которые он принес с собой, набрал обрезков досок и настелил полы, соорудил перед окном стол-верстак, скамейку и даже выстрогал две сухих чурочки для сидения у печки. Над окошком напротив стола прибил доску пошире, где можно было сложить посуду, и вставил в трубу задвижку, сделанную, видимо, вчера из старого ведра. Банька теперь приобрела жилой вид. На свободных стенках он насверлил центровкой дыр, забил в низ две большие деревянные палки и положил на них доски, куда разместил инструмент и даже поставил точило. Все это он привез на санках-розвальнях. Дарья сходила домой и принесла старую медвежью шкуру, валявшуюся у Милетия на чердаке, и два снопа ржаной соломы для утепления двери. Прикинув, Федор решил прорубить еще одно окно только для света и сделал отдельный столик для еды. Завернувший к ним Сергей принес готовую со стеклом раму от зимовья, и они вместе пропилили стену и вставили раму с солнечной стороны.

— Чурбаки-то потом обратно вставим, как мыться-то в бане понадобится,— забрасывая выпиленные коротыши на крышу, сказал Федор.

Обговорив работу на завтра, уже потемну все разошлись по домам. На следующий день Федор сделал козлы, настелил настил и приступил пропиливать щели между потолочными плахами, подгоняя их одну к другой.

— Подгоним так, чтобы и вода не протекала,— шутил он.

На подгонке и креплении потолочин и полов Дарья работала на равных. Двуручным рубанком она орудовала так, что Федор только удивлялся, сколько силы и сноровки в этой молодой женщине. Стругая и перекладывая половицы, Федор чувствовал, что Дарья совсем не уступает ему в силе, и немало был этим смущен, а Дарья, уловив это, постаралась объяснить ему:

— Ты, Федя, не смотри на меня, ты мастер, твое дело головой думать, а не ворочать как подмастеровой, это я сама, тут много ума не надо.

Аксинка Тетерина на нонешней вечерке особенно была хороша. Ее черные красивые глаза сверкали, как мокрые ягоды спелой смородины. В них вспыхивала то выплескивающаяся радость, то леденящая душу тревога. Еще бы. Она больше недели не видела своего Федора. Теперь он здесь, такой же красивый, только немного загорелый

на морозе и кажется уставшим, оттого, наверное, не такой веселый и что-то не такой внимательный к ней, к Аксинке. Да, конечно, он за эти дни очень устал. Слышала, что Дарье Василия Тимофеевича избу поставили, целыми днями на морозе. Слышно было, что и рассчиталась Дарья с Иваном Павловичем хорошо, Лизка Поповская в деревню приходила, сказывала. Теперь вроде Федор-то избу Дарье отстраивать взялся, Дарья сама ему помогает. Да, она баба красивая, молодая вдова, но у нее же трое детей. Нет, Федор не может изменить ей, Аксинке. Все говорят, что Аксинка у Терентьевны красавица писаная.

И Аксинка то и дело выхватывала из кармана кофты осколок зеркальца и заглядывала в него, рассматривая то нос, то губы, то волосы. Нет, все у нее правильно, нос тонкий и прямой, не лепешка какая, глаза тоже красивые, черные, не узкие, зубы ровные, плотные и белые, волосы черные, густые, блестят и пушатся в россыпь, косы-то вон какие толстые да длинные, ниже пояса. Все лицо тоже не широкое, подбористое. Вот только щеки что-то горят, прямо жаром пылают. Оно, конечно, красиво, когда щеки алые, но что-то уж очень, вроде как от стыда. Нет, нет! Федор ее, он не может ей изменить, они с ним давно дружат, и он сам говорил ей, что нравится она ему. Он такой добрый да ласковый и разговаривает интересно, шутник. А на вечерках он самый веселый, поет и пляшет, и не ей одной он люб, но это не страшно, у нее соперниц в деревне нету. Да и обещал он, что говорить со своим отцом будет и в эту зиму сватов пришлет. Вот сейчас Амоска придет с балалайкой, она первой плясать пойдет, посмотрит, как у него глаза загорятся.

...Амоска заиграл «Златые горы», и парочка одна за другой поплыли на круг, взявшись за руки. Аксинка сидела в ожидании приглашения, зардевшись до ушей. Когда к ней подошел Федор, она, схватившись ладонями за щеки, сверкнула своими смородинами, облегченно вздохнула, встала и, согнув руки в локтях, приподняла их как крылья, подхватила Федора и закружилась, заняв свободную середину. Потом, без перерыва, пошли кадриль, полечка, «коробочка», и, когда исчезла черная полоска на середине свечей, означавшая, что положенная норма сгорела, Амоска опять ударил «комаринского». После последнего удара по струнам, все, улыбаясь, начали вытирать потные лица и разбирать свою одежду.

Аксинка жила напротив своего дяди Митрофана, но они с Федором пошли за другими парнями вверх по деревне. И опять у Аксинки защемило в груди оттого, что Федор всегда такой веселый и разговорчивый, сегодня шел молча, и она, не вытерпев, заговорила первой.

— Ты чо, Федя, такой вареный сегодня? Али не соскучился за мной?

— Устал я шибко. Я и сегодня не собирался, да Иван привязался как репей. Он нашу Нюрку обхаживает, но что-то она его не шибко привечает. С Ермаков тут приезжали, вроде как на смотрины похоже, того и смотри, сваты нагрянут.

— Так ты чо это про Нюрку-то мне талдычишь? Ты мне про себя расскажи. Внаймы, слыхала, пошел?

— Дак я чо? Если Нюрку соберем, то опять мне надо будет трубить год, само мало. Отец, похоже, потому и отправил меня к Дарье, чтобы я для себя деньжат заработал, не знаю, как они договорились в цене-то. Своя-то изба у меня готова, живем уже в ней.

— Слыхала, что Дарья с постройкой связалась. В избу войдет, потом для скотины двор строить согласисся, амбар, поди, тоже надо будет, опять тебя наймет. Построишь все да в примаках у нее и останесся. Отцу-то твоему от этого только легче будет, он и промолчит, а матерь не родная и вовсе обрадуется, у нее своих куча, хоть на полосу вывози.

— Да ты чо это городишь-то, Аксинья? На троих-то детей? Как можно? Вот до весны вставлю окна да двери и расчет возьму.

— Дак любовь-то она не спросит про детей, а расчет не ты возьмешь, а отец. Он же и пустит эти деньги, куды ему нужней.

— Да нет, не должен,— неуверенно ответил Федор.

Так они и расстались, не сказав друг другу ничего нового про свою свадьбу. Подойдя к Аксинкиному дому, Федор заглянул в приотворенные ворота и, убедившись, что на месте, где стоял конь Ивана, остались только сенная труха да свежие полоски от полозьев, легонько прижал Аксинку к себе, потом повернул ее лицом к дому и, подтолкнув в спину, не оборачиваясь, зашагал по дороге в поле, домой.

Больно резануло Аксинку под сердце неуемной тоской. Ей показалось, что Федор ушел от нее совсем. Она хотела догнать его и выплеснуть перед ним эту тоску прямо на

дорогу и опять зажить красивой беспечной девичьей жизнью, как и до него.

Сняв мерки с окон, Федор опять собрал инструмент в мешок, уложил на санки, вернулся в баньку, где Дарья разложила посуду, разлила щи и резала хлеб.

— Давай, Федор, обедать,— пригласила она вошедшего.

Федор не стал отказываться, сел и молча начал хлебать варево. Дарья, присмотревшись к нему, заметила перемену и спросила:

— Да ты никак заболел, парень, али ишшо что? Не бросить ли решил работу-то? Я же у разбитого корыта тогда останусь.

— Здоров я. Здесь с рамами возиться несподручно да и темновато. Размеры я все снял, дома буду столярничать. Косяки, ставни, наличники все сделаю и двери полностью, как договорились, а ты давай навесы да стекло промышляй, ну там ручки на окна и двери, шурупы. Я лонись был в лавке у Михайлы Рупасова, лежат они у него. Стекла, правда, не видел, но, может быть, тоже есть. Оно хорошо бы стекло-то сразу взять да под него и рамы делать.

— Я, Федор, сейчас же и съезжу к Михайле, узнаю. Если есть, то одну стеклину привезу, а если нет, то вот-вот кто-нибудь поедет в Киренск, я и закажу. Ой, головушка твоя умная! Все-то ты уже обдумал, а я-то прямо спужалась, как увидела утром. Думала, заболел али на вечерке вчера что случилось, али дома переругались да отказать хочете в помощи-то. Где? Кого я теперь найму...

Федор ушел, а Дарья заспешила по своей тропинке на Бор. Она запрягла коня и вечером привезла домой все, что заказал Федор. Поздно вечером она к Поповым покупку не повезла, а оставила в санях до утра. Милетий, увидев такое добро, зашел к Дарье в зимовье, спросил:

— Но и скоко он с тебя, с солдатки, содрал?

— Не взял он денег. Три недели на молотьбе да две недели осенью на жатве отработать надо,— не глядя на деверя, ответила Дарья.

— Вот злыдень проклятый. Это когда же ты осенью свое-то жать будешь? Осыплется у тебя зерно-то?

— Да вот сама думаю, как и быть.

— Даром-то не упрашивал взять стекло?

— Нет, не упрашивал,— зардевшись ответила Дарья, понимая намек.

— Поэтому и заломил цену-то. Надо было кого другого послать. Хотя бы того же Ивана Павловича попросить. С того бы меньше запросил. Он за все это в городе копейки платит, а тут вишь как наживатца на вдовьей-то нужде мироед. Слыхать было, что приставали они к тебе ране-то, подарки совали.

— А ишшо чо слышно было? — спросила Дарья.

— Но если не предлагали подарки-то, да таку кабалу на тебя навешали, то ясно, что не на ту напали. А шибко имя хотелось швецовских опозорить. Через бабу надумали, ядрена мать. Но ты у нас баба добрая. Замуж тебе надо, теперя, похоже, ждать уж и нечего, згинул Василий, ясно, а мужиков таких подходящих, чтоб в коренники-то тебе подошел, нету. А заморыша какого для потехи сама не возьмешь, знаем.

— Спасибо на добром слове да за сочувствие, а про мужиков-то я и не думаю. Найдется кто, к вам же за советом приду, больше не к кому, тоже знаю, что худа не присоветуете.

Федор взялся за работу, так чтобы захватила она его всего без остатка. Он подобрал материал, настроил инструмент, вытащил из-под навеса верстак и занял в новой избе наиболее светлый угол. Но на душе продолжала оставаться смута. Аксинкины слова колючей чипыгой застряли в седдце. Она будто вовнутрь ему заглянула и нашла его зарождающуюся тайну, да и не только нашла, но и рассмотрела то, чего он и сам еще не знал, а только как-то смутно ощущал. Ах ты, Аксинка, Аксинка! Не думал, не гадал, что кто-нибудь тебя так дерзко потеснит в моем сердце. Всем-то ты хороша: и лицом, и умом — и работящая, а вот, поди ж ты, что бабы могут. Много ли я знаю эту Дарью? И не разговаривали даже ни о чем таком, только о работе, а как запала в душу? Ну прямо никакого покою не дает. Нет. Надо от нее подальше держаться. Какая она для меня пара? Вдова многодетная. Федор припомнил, как Дарья обращается к нему. Да я ей, однако, и не нужен вовсе. У нее одна забота, изба да хозяйство. Василий ее не объявится, это ясно, но найдется какой-нибудь такой же, как она, вдовец с ребятишками, а я-то зачем полезу в такой хомут? Да и старше она меня на целых пять лет. Нет. Надо выбросить все это из головы, да по-

торопить отца со сватовством. Невеста она хорошая, все об этом знают, и отец супротив не будет, потому как ровня Аксинка для меня, а хозяйство сами наживем. Завтра же поговорю с ним. Деньги Дарья и наперед отдать может, да много-то их и не надо. Все уже есть: и изба, и земелька, и нетель, поди, отдаст отец. Пока дите народится, и молоко свое будет, а остальное через руки да старание само придет. К Аксинке надо сегодня же сходить, повидаться да обговорить. Уж больно сильно она затревожилась, прямо как вещунья какая, все разложила по полочкам, да и уговор у нас с нею был. А тут вроде как обман вышел с моей-то стороны...

На другой день, не поговорил Федор с отцом, как надумал, не сходил в деревню к Аксинке и не успокоил ее. Не сделал он этого и через неделю. Сам на себя серчал за такую свою слабость и всю свою злобу вымещал на работе. Работал неистово, без отдыха, еда и та ему не шла, он даже и не заходил в старую семейскую избу. То, что приносила ему Лизка, съедал только наполовину, спал тут же, на верстаке. Когда Дарья привезла стекло и железки, Федор помог занести их в избу, осмотрел, похвалил за изворотливость и, заметно смутившись, добавил:

— Все теперь есть. Как будет готово, закажу.

— А фасон-то ставней да наличников какой, Федор, будет? — спросила Дарья.

— А это уж, какой скажешь. Если не нравится тот, который на этой вот избе, то будет другой.

— Нравится, нравится, Федя, только ставни-то на две половинки лучше бы.

— Можно и на две. Шарниров-то хватит?

— Дак шшитала, должно хватить.

Федору приятно было видеть и слышать Дарью, но он, справившись со своими чувствами, сказал:

— Тогда до весны, Дарья.

— Почто так долго-то? Не вытерплю я, посмотреть охота на свои окна. Заскочу как-нибудь. Ванька-то часто сюда ездит. Как скажет, что первое окно готово, все равно не вытерплю, приеду посмотреть.

Дарья уехала, а в ушах Федора как живой продолжал звучать ее голос, видеться ее красивые черные глаза, выбившиеся из-под платка густые каштановые волосы. Ему даже чуялось, как они пахнут и отдают теплом. А говорила она вовсе не про окно, а про него и про то, как ей хочется видеть его, и, как будет готово первое окно, она приедет, не вытерпит, чтобы повидаться с ним.

— Чертовщина какая-то, да и только,— не сказал, а выкрикнул Федор и сильно стукнул кулаком по коленке.— Что это со мной?

Но ему уже виделось готовое окно со стеклом и резным наличником, а в нем Дарья, радостно смеющаяся и счастливая. Она даже стучит пальцем по стеклу и манит его, а ее губы, тоже очень красивые и мягкие так понятно говорят: «Подойти, подойди ближе, я тебе хочу сказать самую-самую тайну».

В избу забежал брат Феофанка. Он прошел в угол, сел на верстак и уверенно сказал:

— Федор, я тоже хочу делать рамы и наличники, как ты.

— А там, на улице, хто работать будет?

— Там девчонки управятся. Мужицкой работы там шибко и нету.

— Спроси у отца. А я супротив не буду. Быстрее сделаем.

Легкий на помине, в избу вошел отец. Он осмотрел все, что привезла Дарья, и высказал свое мнение:

— Черт, а не баба. Мужиком бы ей надо родиться. Уже все и готово. Переедет она осенью, по всему это видно.

— Да я вот чо, тятя,— перебил его Федор.— Феофанка-то со мной поработать просится. Отпустил бы ты его, хто знат, может, придет время — и ему строиться придется, людей просить не надо будет, да и умение-то, оно исть-пить не просит, а накормить завсегда может, и людям при нужде добро сделать тоже хорошо. Вдвох скоре закончим, да и на другу работу пойдем. Чо там у тебя в голове-то ишшо надумано?

— Дак и то верно говоришь, Федор. Пущай с тобой потолкется да понатореет, а на улице там молотьба, один с девками управлюсь. Не шибко уж его и много, хлебушка-то, хватило бы до новины. Да вот што-то схудел ты на лицо-то, Федька? Лизка говорит, не ешь совсем. Чо с тобой приключилось? Не брюхо ли крутит?

— Нет, не брюхо, тятя. Не хвораю я,— ответил Федор.

— А то травы попил бы какой?

— Нет, не надо. Работа интересная, хочу красивше наших сделать.

Самый момент был спросить отца про сватовство, не часто он таким добрым бывает, даже и не вспомнить, но не

сделал этого Федор и опять разозлился на себя за нерешительность.

Иван заскочил к Федору через три дня. На улице уже было темно, и Федор работал при лампе. Феофанка уже ушел ужинать, девок тоже не было, поэтому Иван подсел на верстак и заискивающе сказал:

— Позови, Федька, Анну, будь другом, а я тебе тоже что-то скажу. Я днем на деревне был и Аксинью видел, даже говорил с ней.

— А чо ее звать, она поужинает и сама сюда придет, мы же здеся спим, там только маленькие да отец с мачехой.

— Да нет, ты ее сичас позови, одну,— приставал Иван.

— Чо это тебе приспичило? Вынь да подай ему. Мне не тяжело, пойду позову, если пойдет. Намотались они сегодня досыта, весь день на морозе.

— Но тогда слушай, чо я тебе скажу. Потом сходишь.— И Иван с таким же нетерпением начал:

— Встретил это я Аксинью и спрашиваю, когда, мол, на посиделку приезжать, али там вечерку соображаете? Чо, мол, Федору-то передать? А она так посмотрела на меня, аж не по себе мне сделалось. Нечего, говорит, мне ему передавать. Ушел он от меня. Хотела утопиться да теперь раздумала, не просить же его два раза. Одного разу хватит, не мой, значит.

Зашумело в ушах у Федора от этих слов, защемило под сердцем, сдавило грудь. Он сидел и ничего не видел, кроме Аксиньи. Она уходила от него, гордая и непреклонная. Он ждал, что она обернется и позовет его, но она не обернулась, не позвала и растаяла в морозной дымке, оставив его без своей любви.

— Но ты чо? Очумел, чо ли, Федька? Чо не слышишь-то меня? Я говорю, окно-то како браво смастерил, прямо картинка. Но ладно, я скажу тетке, просила она меня, как будет готово. Давай иди позови Анну. Не знал я, что ты так-то. Любовь, значитца, у вас настояшша, да ничего, ишшо уладится. Иди позови.

— Гордая она, Аксинья-то,— только и смог сказать Федор. Он вышел на улицу одетым, зная, что ждать ему придется долго, но Анна шла не одна, а со всеми вместе, поэтому он вернулся и сказал:— Идут они. Встречай на улице, тут все равно не пошепчетесь. В другой раз приезжай пораньше, сотворю я вам свиданку.

Кошмарной показалась Федору ночь. Он искал Аксинью, чтобы просить у нее прощения, но она уходила от него все дальше и дальше, прощально помахивая ему белым платком и показывая ему на дорогу совсем в другую сторону. Потом появилась Дарья, и ему сразу стало легко и приятно. Дарья не звала его, она просто шла с ним рядом, говорила о деле, о детях и все вокруг становилось нарядным и праздничным, и сам Федор рядом с ней становился сильнее, готовый перевернуть весь мир. Проснулся он, когда все еще спали, вспомнил, что сегодня приедет Дарья взглянуть на свое первое, совсем новое окно, через которое долго, может, всю жизнь, будет смотреть и кого-нибудь ждать, может, его, Федора.

Если бы не Феофанка, Федор, наверное, так бы и сидел, и ждал весь день. Но тот пришел, нетерпеливый и настырный.

— Давай, Федор, каждый свое окно будем делать. Я обгонять тебя не берусь, а вот, кто сделат лучше, посмотрим. И за неделю у нас два окна под стекло готовы будут,— не обращая внимания на брата и уже приступая к работе, поставил условия Феофанка.

— Нет. Давай лучше будем делать сначала каждый свою раму. Как сделаем все, начнем косяки, потом наличники и ставни. А как все будет готово, будем подгонять и собирать окно целиком. Так будет быстрее и правильно. А кто из нас лучше, оно само покажет.— Федор отвлекся от ночных мыслей, и они с братом начали отбирать заготовки, каждый для себя. Феофанка даже решил сделать для себя второй верстак, чтобы не мешать друг другу.

Дарья вошла неожиданно и сразу остановилась напротив окна, стоявшего у стенки полностью собранным, но и так, чтобы его можно было обойти кругом.

— Ой, Федор! Какое красивое! И даже стекло вставил?

Она зашла с обратной его стороны и смотрела на Федора точь в точь так, как и видел он ее во сне, сияющая и счастливая.

— Какой ты мастер у меня! Иди-ка, иди-ка сюда, я тебя расцелую, умницу такую,— и она выскочила навстречу по-матерински, крепко зажала ладонями обе его щеки, поцеловала в лоб.

— Рученьки твои золотые, головушка твоя умная,— причитала она.

Феофанка, расхохотавшись, сказал:

— Но вот, Федор, а ты боялся, что не понравится. Я, Дарья, тебе тако же сделаю, я уже могу.

— Да неужели и ты можешь? — И Дарья бросилась к Феофанке, но тот увернулся и выкрикнул:

— Ты лучше ишшо Федора нацелуй, а то он с твоим окном и есть разучился, может, тебя погрызет малость, ты вон какая румяная да ядреная, как клюква по весне!

Все засмеялись. Дарья успокоилась, уселась на верстак, не спуская глаз с окна. Она смотрела и расхваливала мастера, а насмотревшись досыта, довольная, уехала.

Вместо ускорения работы в четыре руки, получилось наоборот. Феофанка портил одну заготовку за другой, торопился, переделывал, и Федору приходилось бросать свою раму и заниматься с ним, пока тот не усвоил главную науку — семь раз примерь, а один раз отрежь. Но зато дальше дело пошло, и к концу марта все окна и двери были готовы. Дарья больше не приезжала, но Федор, окрыленный ее похвалой, работал споро и деловито. Ему не терпелось приподнести ей еще одну приятность.

Федор знал, что Дарья теперь от темна до темна работает в деревне у Рупасовых, сильно устает и на свою стройку не заглядывает. Они вдвоем с Феофанкой потемну перевезли все сделанное и за три дня подогнали окна и двери на свои положенные места. На забивку щелей паклей ушел еще день.

Если бы Дарья осталась на день дома, она бы увидела их работу с Бору, но в темноте она этого видеть не могла.

Налюбовавшись своей работой, Феофанка все-таки пришел к заключению, что у Федора изъянов в работе побольше, чем у него.

— Но я тебе больше не нужен? — спросил он и незаметно улизнул, чтобы сообщить через Катьку хозяйке. На следующий день Федор решил хотя бы с лицевой стороны подвести под крышу над окнами карниз, чтобы со стороны дороги изба смотрелась законченной. Это он делал уже по своему желанию, а главное, он хотел встретиться с Дарьей наедине, потому что знал о сообщении Феофанки.

Подъезжая, Дарья выскочила из саней на ходу, остановилась на расстоянии. Она смотрела на Федора, и он видел, как слезы радости стекали непрерывным ручейком по ее щекам, она не вытирала их, и Федор, улыбаясь, показал ей знаком, мол, заходи, хозяйка, и пошел открывать новую дверь в избу. Ступенек еще не было, он протянул ей обе руки, и она, опираясь носками в пазы стены, легко

поднялась на порог. В избе уже не чувствовалось ветра, снег был убран, полы подметены и, плотно пригнанные и свежевыструганные, казались особенно красивыми. Окна тоже отчетливо выделялись в темных простенках, как свежевыкрашенные. Вместо изъявления восхищения Дарья, глядя куда-то мимо Федора, с явной завистью произнесла:

— И кто же эта счастливица, которой ты, Федор, достанесся?

— А я хочу достаться тебе,— выпалил Федор и сам испугался своих слов. Дарья взглянула на него тоже с испугом, но, встретившись с ним взглядом и увидев ярко-красное до самых ушей его лицо, поняла, что сказано это не в шутку, однако сделала вид, что пропустила мимо ушей, и спокойно сказала:

— Так о конопатке-то мы не договаривались, Федя, и о вставлении окон тоже...— но это только для того, чтобы разрядить напряжение. Больше она хвалебных слов не говорила. Более сдержанно, как бы подводя итог, закончила: — Но спасибо тебе, Федя-мастер, за работу и слова хорошие. Сегодня же я и рассчитаюсь с твоим отцом, а уж печку да яму в подполе свои мужики подмогут, посулились ведь.

— Дак тебе же, Дарья, ишшо скотину поставить некуда, да и амбарушку какую-никакую надо,— заторопился Федор, испугавшись Дарьиных намерений.

— Но на это у меня ишшо и лес на корню стоит. К Сергею пока сведу, у него пригон свободный, пустит, не откажет. Соберусь с силами, через год-два вас же с Феофанкой найму. Придешь али нет? А может, и мужик какой подвернется.

— Нет, нет, Дарья, неправильно ты говоришь. Лес тебе надо вот этой вот весной, в апреле с корня уронить да ошкурить, за лето он просохнет, а на будущую осень по мелкоснежью и выдернуть его на место. Его шибко крупный-то и не надо на эти постройки, а если хорошо просохнет, на подлежках, то его по два-три бревна твой конь возьмет.

— Все ты правильно говоришь, Федор, да только не осилить мне.

— Так я же тебе помогу, как есть помогу.

— Отец же тебя не пустит боле, своя работа есть.

— А я сам приду. Со мной и договор держи. За эту вот работу плати ему, а больше нет.

— Отца слушаться надо,— наставительно ответила

Дарья.— Иначе выгонит он тебя из дому совсем и земли не даст.

— А я и сам уйду.

— Да куда же ты уйдешь-то?

— К тебе в работники. Здря есть хлеб не буду. Чо, не возьмешь?

— Проклянет он тебя, откажется, отец-то, а это шибко плохо.

— Откажется, так себе же хуже и сделает. Да и не откажется он вовсе. Я же у него ничего не возьму, все сам заработаю.

— Раскипятился ты парень, охолонись пойди,— и она первой вышла из избы, развернула коня и уехала домой.

А вечером взяла деньги и рассчиталась с отцом Федора, а Федор в эту ночь ночевал в бане. Не встретив его дома, Дарья на обратном пути завернула к избе, увидела дым из бани и повернула опять домой на Бор, но заснуть ей удалось только под утро. Проснулась она позднее обычного, на молотьбу к Михайле не пошла. Делая дела по дому, она ни о чем не могла думать, кроме того, что сказал Федор вчера. Работы по дому накопилось много, и она решила затеять стирку, истопить баню, помыть и искупать детей. Те, проснувшись и увидев дома мать, радостно повскакивали и ходили за ней как привязанные позади и забегая вперед, рассказывали ей, как они по ней соскучились. Старшая, Катя, выхватывала у матери работу, стараясь заменить ее и дать отдохнуть.

Вдруг Дарья всплеснула руками, что-то вспомнив.

— Так он же, наверное, еще там и голодный? — Она выскочила на улицу, присмотрелась и увидела, что над ее банькой вьется дымок. Как есть там, не емши, вот ишшо горе-то на меня свалилось.

Она быстро собрала еду в большой туесок и, наказав Кате, чтобы пили чай без нее, почти бегом кинулась к Федору. Дарья слышала, как Федор стучит в избе, сначала пришла в баньку, взяла ведро, принесла воды, поставила чайник и стала накрывать стол. Федор пришел сам, молча сел у горячей печки, наклонив голову, как будто положил ее на плаху. Дарья пригласила его к столу.

— Нет, ты ответь мне, Дарья, возьмешь меня в работники али нет? — прямо спросил Федор.

— Нет, не возьму,— почти сердито ответила Дарья.

— Тогда я сам, без тебя буду работать,— и он как будто бросил с плеч непосильную ношу, весело улыбнулся, сел за стол и начал жадно есть.

Только теперь Дарья заметила, как он похудел и был бледен. Она смотрела на Федора, пыталась что-то сообразить, но мысли путались. Закончив обильную еду, Федор локтем отодвинул от себя посуду, в упор посмотрел на Дарью и вынес еще один приговор.

— Завтра я выхожу на повал леса. Можешь, пойдем вместе, не можешь, буду валить один. Только еду мне собирай. Отцу все скажу сам. Люблю я тебя, Дарья.

— Люди-то узнают, чо скажут? — зарыдав выкрикнула Дарья.— Присушила, скажут, парня ведьма. А чо я отвечу? Ты подумал? Трое ведь у меня. А твои узнают, изведут меня.

Федор подошел к ней, обнял за плечи и сказал, как отрубил:

— Люди скажут то, что увидят, на то у них и языки. Поговорят, сколько надо, и перестанут. Детей я твоих не обижу и тебя в обиду не дам, на то я и мужик,— и он крепко поцеловал ее в горячие пухлые губы. Дарья не защищалась, но потом, опомнившись, резко отшатнулась, долго смотрела в голубые глаза Федора, стараясь увидеть, что у него там, в глубине, и, не найдя лжи, спросила:

— Да ты чо, надумал жениться на мне? Пойти на троих детей?

— Да, надумал жениться, и только на тебе, и пойти в примаки на троих детей. Не примешь, в твоей бане жить буду.

— А Катька как же? Она уже большая, все понимает,— спохватилась Дарья.

— Вырастет твоя Катька, а мы на свадьбе у нее гулять будем. Федор хотел опять обнять и поцеловать Дарью, но та резко встала, пересела на другую скамейку и уже совершенно спокойно и трезво рассудила для себя и своего непутевого поклонника:

— Отец твой доволен расчетом за твою работу. Уговорю его и теперь. В лес пойдем вместе. Остальное — время покажет, а сердце подскажет. Это же только ты решил, а я ишшо нет.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Федор.

До посевной Федор и Дарья управились с лесоповалом и разошлись каждый на свое поле. Пахала и сеяла Дарья сама уже не первый год. Теперь у нее был хороший коренник Соловко, и в паре с таким конем неплохо тянула и кобыла, а в борону можно было запрягать и жеребенка.

Перед посевной Милетиевы ребята хорошо выездили его и верхом, и в упряжи. Милетий дал в помощь Дарье Шустрого Федотку, и тот следом за Дарьей боронил засеянную полосу, а она переезжала пахать следующую.

Отсеялась Дарья вовремя, огород посадила на старом месте, потому что около старой избы еще было не распахано. Коней отпустила на отгул перед сенокосом, а сама вернулась на стройку. Но что она могла сделать одна? Вскрыв полы, она начала копать яму для картошки под полом. Федор за всю посевную был у нее всего два раза и то мимоходом. Наконец он появился с инструментом, и они сразу же приступили собирать опалубку русской печки. Дело это оказалось непростым, у них ничего не получалось, и Дарье пришлось приглашать Варфоломея Арбатского, а тут и мужики освободились от посевных работ. Милетий опять объявил в Швецово аврал, и последнее сооружение, от которого начинается танец крестьянской семьи, за три дня было воздвигнуто. Теперь все были уверены и рады, что осенью Дарья с семьей заселится под свою крышу. За лето печка даст осадку, просохнет, надо только затирать вовремя трещины, потом убрать опалубку и можно затоплять, а это значит получить тепло жизни.

Весна, с ее хлопотами и заботами все равно оставалась для всего живого порой, когда всякая работа являлась не просто работой, а украшением и особой радостью. И самая малая пичужка день-деньской, по ниточке, по травинке свивая гнездышко, поет от приятной усталости даже по ночам, когда, казалось, надо отдыхать, набираясь сил для нового трудового дня. Ан нет, все равно поет, поет для того, чтобы завтра работалось лучше и радовало ту, единственную, согласившуюся стать его подругой и матерью его потомства. Главной силой жизни весной становится чувство, дающее начало всех начал,— любовь. У кого ее нет, тот не поет, а если и поет, то только для себя, без продолжения себя, и песня у такого любовника коротка, и конец у нее всегда один — слезы. У счастливых влюбленных гнездо, построенное трудом, после становится местом свиданий и тайной интимности. И опять же эта тайна существует для нового, еще более радостного труда — продолжения себя в выращивании детей и заботе о них, а не в праздной самосытости. Оно и получается, что вся радость и счастье живущего — это труд для себя и других. И несчастен тот, кто этого не понимает и не знает. Такой несчастный и любовь может знать только ложную, не настоящую.

Новая изба для Дарьи тоже была плодом ее большого труда, и она была бесконечно счастлива от каждой новой травинки, положенной в это гнездо. Не мог такой труд не наградить ее и всем остальным. Федор тоже натаскивал в это гнездо свои травинки, бережно и любовно вплетал их в стены счастья. Теперь они оба с радостью спешили к своему общему гнезду, чтобы полюбоваться им и сказать об этом друг другу. Появившаяся печь настоятельно и властно потребовала своего традиционного окружения. Теперь надо было отгородить куть, сделать обязательный для сибирской избы гобчик, кругом по стенам — скамейки и вешалки. Обо всем этом Дарья говорила мечтательно грустно, как только о желаемом и для нее самой недоступном. Федор слушал и радовался тому, как он будет счастлив видеть улыбающуюся Дарью, увидевшую новую перегородку, гобчик, скамейки. Он знал, что она подойдет к обновке, потрогает руками, обласкает своим взглядом, а потом позовет его и поцелует, вольет в его сердце новую порцию красоты жизни, поделится с ним своим счастьем. И он, окрыленный, улучив часок-другой на своей работе, бежал к этому месту и строгал, пилил, стучал, «обсасывая» каждую доску, и плотно подгонял их одна к другой, прихватывая ночь. Он был уверен, что Дарья, увидев или услышав с Бора, что он в ее новой избе, обязательно найдет минутку и прибежит взглянуть и порадоваться. Теперь новая изба стала местом их постоянных встреч. Федор опять стал веселым человеком, рядом с которым всем бывает легко, приятно и интересно, от общения с которым становятся незначительными неудачи, а беда не бедой. Для Дарьи с ее заботами Федор все больше и больше становился эликсиром жизни и стеной, за которую всегда можно укрыться, передохнуть от усталости, посмеяться вместо всхлипов, избежать лишней морщинки от тяжких раздумий. Она все больше ощущала невидимое притяжение, которое все чаще и настоятельней требовало быть рядом с ним. Два-три дня разлуки вызывали тревогу, а встреча — блаженное состояние и трепет сердца.

«Неужели это и есть та самая любовь, о которой так много говорят люди, потеряв которую, топятся в быстрой реке, за которой идут не оборачиваясь на каторгу, на край света, бросают детей и богатство? А я не верила, не знала. Да вот только она страшноватая, потому как неразборчива. Как же можно, чтобы парень мог полюбить бабу многодетную? У него же невеста есть, да еще такая красивая. А вот поди же! Бросил Аксинью, не ходит и не вспо-

минает даже, говорит, что меня любит. Не верится что-то. Но опять же и со мной что-то творится, прямо ум кружится? С первым мужем такого не было и с Василием тоже. А ведь не обижали они меня, ни первый, ни второй, детей нарожала, думала, что это и есть любовь. Василий-то, видно, любил меня по-настоящему, как теперь по себе-то выходит, а я только хотела любить, если судить по Федору. Вот думаю-рассуждаю, а ведь это от того, что время жду, чтобы бежать к нему. Говорю о Василии, а вижу-то его, своего синеглазого, вещает сердце-то, что тоже ко мне торопится, меня ему увидеть надо. Ой! Только бы не узнал про думы-то мои. Что тогда будет? И так, поди, заметно со стороны-то? Как же это мне уберечь свою любовь-соблазнительницу?» — С такими мыслями Дарья собрала узелок с ужином и, переодевшись в чистую кофту, накинула на плечи цветной праздничный платок. Вышла на улицу, чтобы послушать, не стучит ли топор или молоток в ее избе, там внизу, на лугу. Только она могла услышать этот стук, а если не услышать, то сердцем почувствовать, что Федор уже работает и ждет ее с трепетным нетерпением.

Распарившийся за день под Бором, луг благоухал испариной дурманящих запахов, готовясь укрыться под пышное одеяло тумана, который поднимался над Талицей и Протокой, кучеряво украсившихся густыми зарослями черемухи и ольхи по берегам и соперничающих с величественным Бором тайги пиками темного ельника. На лугу и в Бору постепенно затихала суета и гомон дневных птиц, и только густое облако белобрюхих стрижей провожало закат над подворьями людей, радуя их пронзительным гиканьем и высшим пилотажем черно-белых треугольников. Неизвестно каким образом им удавалось избегать столкновения в таком скопище. Не менее бесстрашные пикировщики, вальдшнепы, тоже начали являть свое мастерство перед своими заботливыми подругами, сидящими в ковре цветов, как в театре. Окруженные большим семейством, они восхищались захватывающим искусством. В небольших озерках на лугу отчетливо слышался призывный крик самки селезня, извещающий о начале безопасной ночной кормежки для своего многочисленного семейства, или, может быть, утка собирала еле окрепших пуховичков, для того чтобы перевести их на большой простор, сначала на малую реку, а потом и на большую Киренгу.

Дарья слушала этот мир и по каким-то, ей одной известным приметам поняла, что Федор уже там, и, хотя

она еще не все сделала по дому и не все наказала Кате на вечер, ноги ее сами несли к нему.

— Ты куда это нарядилась в будний-то день, да ишшо на вечер глядя? Что-то не видно, чтобы работать,— оглядывая Дарью, заговорила вывернувшаяся из-за поворота мелкого березнячка невестка Варвара, зачем-то шедшая на Бор. А я к тебе. Да вижу, что тебе не до меня. Там, там он, твой разлюбезный. Сама видела, прямо с покосов к тебе завернул и коня тутока пустил, никого не таится! Пойду-ка я обратно, темно уж.

Большеглазая симпатичная Варвара была не сильно разговорчива, но тут она разговорилась, и Дарья была даже рада встрече.

— Завидую я тебе, Дарьюшка, и радуюсь за тебя. Да оно и быть не может, чтобы такую, как ты, судьба обделила. Сергей мой тоже вчера сказал мне: «У Дарьи-то с Федором вроде как свидания пошли? Ладно ли так-то будет? Не ровня она ему. Как бы беды не вышло?» А я ему отвечаю: «Мол, кака така беда, если бабе хоть чуть-чуть солнышко-то посветит да погреет. Зачем же его загораживать ей?» А он и говорит: «Дак это, мол, конешно, мешать-то к чему, дак только тень-то все равно будет, только не на нее одну, а и на нас тоже». А я ему: «Вы чо, говорю, своей тени боитесь, чо ли? Она же вас не винит, что без мужа осталась и даже помощи у вас не просит, сама за мужика ворочает. Это что? Не тень на вас, чо ли? Вон дала отпор Рупасовым, так они три шкуры с нее содрали, а вас тут не оказалось, чтоб зашшитить. А Дарья могла бы только улыбнуться и не ишачила бы у Михайлы три недели на гумне, а прохлаждалась бы с ним да пировала». Он тогда и говорит: «Дак я же не сужу ее, но ты, мол, сама знашь, чо от етова бывват? Пристроит брюхо да и уйдет, а может, и того хуже доспеется. Мало вашего брата сгинуло да покалечилось от выкидышей-то? Куды тогда девчонок-то девать? Милетию, говорит, скажу, чо он решит. Вот я и не вытерпела, запредить тебя хотела.

— Ой! Варварушка! Не могу я больше. Давай присядем, спасибочки тебе за слова твои. Я и сама не знаю, что делаю, в омут, однако, лезу, родным детям беду хлопочу, а видишь, бегу, ног не чую, несут, проклятые, управы на них нету.

— Поди уж было чо у вас? Нет ли?

— Нет. Ничо ишшо не было. Он даже в постель-то не просится. Любит, говорит, спугнуть боится. Все думат, што не люб он мне, а я тоже об етом молчу, и сил моих

нет больше скрывать, что у меня на сердце-то творится.

— А ты не таись, расскажи ему все. Теперь я вижу, что любовь. Так зачем же ее боятся да от самих себя прятать? А людям, имя завсегда интересно на чужое счастье посмотреть, умные-то порадуются вместе с вами, а злые языки помелют от завист да и перестанут, потому как срамоты из счастья все равно не получится, и слушать таких не следует, все одно пустота. Вот и мой Сергей, он рад за тебя, потому и хочет, чтобы беды не случилось, и Милетий тоже перечить не станет, ты не боися их. Если они так рассуждают, то и от злых языков оборонят.

— Поповских я побаиваюсь, как узнают,— высказала Дарья опасения.— Иван-то Павлович, сама знашь, мужик тоже горячий да упрямый.

— Оно конешно, узнает, может и взбеленится, да если наши-то будут за тебя, поди, врагов-то наживать не станет, тогда ему уезжать от нас придется с такой семьей да от такого добра. А счастья-то ты не пропускай помимо себя, твое оно, не чужое. Это за труды твои праведные тебя Господь наградил.

Сумерки опустились незаметно, уступив ночи. Дарья прислушавшись, сказала:

— Хтой-то сюды вроде бежит?

— Ой, девка, засиделись мы. Это меня, надо быть, иншут,— схватив Дарью за руку и собираясь встать, ответила Варвара.

Из темноты спросили:

— Это ты, мама?

— Я, я, деточки мои.

Подбежавшие Ильюшка и Нюрка наперебой заговорили:

— Тебя дома-то уж совсем поторяли, тятя искать отправил, ужинать ждем, маленькие-то уж уснули,— и дети потянули мать за руки.

— Но побежала я, Дарья, а ты-то иди, иди не бойся, ждет ведь.

Дарья хотела вернуться обратно на Бор, но, сняв обутки и подоткнув подол, свернула с тропинки прямиком, по мокрой траве бегом побежала к своей избе в надежде, что ее желанный ждет не дождется. Пробежав каких-нибудь полсотни шагов, она заметила темную фигуру и остановилась.

— Ой! Кто здеся? — тихо спросила она.

— Я, я это, Дарьюшка. Домой пошел да разговор услышал и теперь жду тебя.

И тут Дарья, не справившись со своими чувствами, бросилась к нему на шею, стала целовать в губы, щеки, глаза, всхлипывая от своего счастья. Федор даже растерялся, но потом тоже стал ее целовать и говорить слова, от которых кружилась голова и пробегали приятные мурашки по всему телу, и томная слабость теплом вошла в ноги и спину.

Заигравшая утренняя зорька первой обласкала их ожерельем первых проблесков света, а поздравили их с первой любовью самые ранние разноголосья влюбленных пар птичьего мира. Поздравления неслись со всех сторон нарастающим хором, и Дарья даже мысленно не успевала отвечать им, плотнее прижимаясь к своему любимому, нашептывая ему на ухо слова ласки и благодарности. Потом она вдруг отшатнулась и, упершись неподвижным взглядом в белый потолок, сказала:

— Чо же теперь будет-то, Федя? Бросишь ты меня, сумасшедшую.

Федор положил свою ладонь ей на лицо, прикрыв глаза, крепко и надолго припал к ее губам.

И опять весь день Дарья не могла остановить свои мысли на той работе, которую делала. Все вываливалось у нее из рук. Она чувствовала, что переступила какую-то роковую черту в жизни, что эта любовь и эта первая их с Федором ночь обязательно станет началом чего-то нового. Она с тревогой и трепетом ждала вечера. У нее возникали сомнения, придет ли к ней Федор, а если придет, то что скажет. Ведь она сама не дала ему ответить утром на главный вопрос: «Что будет?» Она только знала, что было и об этом она не жалела. Едва дождавшись вечера, Дарья опять собрала узелок и пошла в новую свою избу на новое свидание. Федора она увидела еще издали. Ни от кого не скрываясь, он шел к ней навстречу. В ногах опять появилась слабость, и она присела рядом с тропинкой на ковер цветущего луга.

Федор подошел улыбающийся, взял ее за обе руки, помог подняться, поднял оставшийся в траве узелок, и они пошли рядом, молодые и счастливые. От избы Сергея навстречу им отъехала телега, в которой сидели братья Милетий и Сергей. Как молотком застучало сердце в груди у Дарьи, она знала, что эта встреча с деверями даст ей еще один и очень важный ответ на вопрос: оставят или отвергнут ее в швецовской родне.

Кровь неудержимым потоком бросилась к лицу Дарьи. Не очень понимая, что делает, она схватила Федора за локоть и прижалась к нему, ища защиты, оставаясь на дороге и загородив ее. Однако, не доезжая стоящих Федора и Дарьи, управляющий конем старший Милетий, потянул вожжу, заставил коня свернуть с тропинки в густую, готовую к косьбе траву, объезжая влюбленных. Оба брата Василия сидели лицом к Дарье и Федору, довольно улыбаясь им обоим. Теперь кровь хлынула в обратную сторону, лицо Дарьи стало бледным, Федор посмотрел на нее, крепко прижал к своей груди ее голову и сказал:

— Милая моя Дарьюшка! Так они же за нас с тобой рады и за детишек твоих. Выходи за меня замуж.— Он долго смотрел в ее растерянные глаза и, не найдя в них возражения, а только одну любовь, схватил ее в охапку, закружился на месте, а остановившись, сказал:

— Пойдем строить свое гнездо.

Накормив Федора и заглянув в избу, Дарья удивилась, увидев, сколько нового было сделано в ней.

— Так ты, Федя, видно, и домой не уходил сегодня, чо ли? Так голодный тут и работал?

— Нет, не уходил. До сенокоса время мало остается, надо докончить с внутренней отделкой. Потом некогда будет, а еду мне Варвара приносила. Сергей вон досок привез, да тоже тутока работал, к вечеру и Милетий заехал. Хвалят они тебя, да и знают они про нас. Разговор у нас с ними был.

Устроившись на новом широком гобчике, они опять не спали всю ночь, разговаривая.

— Не верится мне чо-то, не верится, Федя, што ты теперь мой. Моя-то родня, сама вижу, не осудила нас, так ишшо твоя что скажет?

— А теперь чо говорить, когда у нас с тобой все в согласии решено.

— А чо решено-то, Федя?

— Да то и решено, што мы с тобой как муж с женой лежим. Теперь надо достраиваться да в примаки к тебе входить. Ребенок же поди у нас будет, потому как люблю я тебя, да и ты, похоже, тоже?

— Ой, Федя! Не знала я про нее, про любовь-то, про эту, а теперь знаю и верю. Люблю я тебя и сказать не знаю какими словами можно. Себя порешу, если бросишь...

С отцом Федор переговорил в этот же вечер. Выслу-

шав, Иван Павлович грозно стукнул кулаком по столу, вскочил, начал ходить взад и вперед по избе, гневно сверля сына глазами.

— Ведьма она, эта твоя Дарья! Опутала тебя, дурака, змея подколодная! Не допущу такого позора на свою голову! Изведу гадину! — И он еще долго метался, разбрызгивая вместе со слюной проклятья и злобу. Федор терпеливо ждал, когда отец остынет и ему можно будет сказать.

— Ты, тятя, зря на Дарью-то накинулся, она здеся совсем и не виновата. Уж если изводить, то меня надо, я ее с панталыку-то сбил, а теперь у нас с ней дело решенное. Ребенок у нас будет. В примаки к ней уйду.

— Это на троих-то детей? У тебя в башке-то мякина, чо ли, набита? — опять взревел отец, но тут же затих и обмяк от чувства бессилия.

— Лето я тебе ишшо помогу, не гони, но если не согласный, уйду и сегодня. Просить ничего у тебя не буду, вот разве струмент какой возьму, пока свой не заведу. Избы мне теперь тоже не надо, пускай хто из ребят займат, руки да голова есть, построимся, а плату ты с Дарьи боле не проси, нету у нее денег сейчас.

Поняв, что он бессилен что-либо исправить, Иван Павлович сделал последнюю попытку остановить сына от необдуманного поступка. Он опять забегал по избе.

— Дак швецовские-то ишшо что скажут? Они, сам знашь, какие? Они судить да рядиться не станут, а покажут на дверь и мне и тебе с твоей Дарьей и без разговору, как метлой, выметут! И куда мы потом без земли-то? Ты подумал?

— Швецовские Дарью жалеют и про нас с ней все знают, вечор разговор с мужиками был, не осуждают они нас.

— Но кады так, то делай как знашь. Тебе жить, мешать не стану.

Сенокос Федор метался на два хозяйства. Работал у отца и успевал помогать Дарье. Забеременела Дарья сразу, как и предполагала, но на сенокосе управилась в основном одна, как раньше. Федор запретил ей только метать зароды. Управившись со своим сеном, он спешил к Дарье. Отец молчал даже тогда, когда с ним уезжал на Дарьин покос и Феофанка. Да и что ему было сказать, если сыновья все успевали делать вовремя.

Побег

Эльза Браун заболела вполне по уважительной причине. Последние события, происшедшие у нее на ферме, серьезно потрясли ее, наверное, даже больше, чем война. Война для нее — это время процветания ее фермы и крупный бизнес, которого она не помнит даже при отце. Единственная дочь богатого фермера, она никогда не имела ни в чем отказа в свои молодые годы, развлекалась, как и все богатые наследники, ездила за границу в Париж и в Лондон, хорошо знала Италию и Швейцарию, не считая мелкие европейские государства. Однако к делам фермы была приучена тоже вовремя и в зрелом возрасте знала их в тонкостях. Она и образование получила с сельскохозяйственным и финансовым уклоном, о чем позаботился ее отец. Не получилось по плану отца только ее замужество. Эльза должна была стать женой фермера-соседа с расчетом объединения земли и повышения конкурентоспособности, на что с детства и была ориентирована и согласна, но чрезмерное увлечение французскими романами вне расчета сделало ее матерью, а потом последовало и вынужденное замужество по аварийному варианту. Она бросила родителей, уехала во Францию с каким-то прожженным Дон-Жуаном, там потеряла ребенка и вернулась к родителям, когда те, пережив из-за нее тяжелое потрясение, были очень больны и вскоре умерли, оставив ее единственной хозяйкой фермы.

Эльза сумела правильно оценить свой поступок, серьезно взялась за дела фермы и нимало в этом преуспела, не уступая ни в чем своим соседям. Репутация ее была восстановлена, и она вторично вышла замуж за коммерсанта, родила от него сына и жила в свое удовольствие. Мужа она не любила и твердо сохраняла за собой право иметь любовников, впрочем, не имела она и серьезных претензий к мужу, который был для нее больше специалистом по сбыту продукции фермы, чем мужем. Коммерческие дела жены Браун вел честно, доходы фермы не падали, поэтому ничьи интересы от таких взаимоотношений не страдали. На первенство в управлении фермой муж не претендовал, и Эльза крепко держала ее в своих руках. Единственной слабостью, как считала она сама, была ее любовь к сыну, который, к большому сожалению матери, рос болезненным, с мягким характером, но радовал мать склонностями к учебе и имел способности к музыке.

Когда началась война, муж сразу ушел служить ин-

тендантом в армию, но попал на фронт и погиб. Эльза скорбела о его гибели ровно столько, сколько было отведено на это религией и традициями. Она вообще считала себя неподвластной чувству жалости и привязанности к мужчинам, и такое понятие, как любовь, в ее понимании было желанием по заказу. Она любила только тех мужчин, которые считались у красивых женщин чем-то вроде дефицита, и в таких случаях она решительно перекупала дефицит и пользовалась им столько, сколько заплатила. И вдруг такая слабость? Какой-то русский пленный, с которым, как говорится, от безрыбья, провела несколько ночей, теперь лишил ее покоя, ставит ей условия и, что самое необъяснимое, не интересуется деньгами, брезгливо относится к ее богатству и власти, тяготится ей самой, не стремится к ней, избегает ее и даже не боится. А если и ложится с нею в постель, то только потому, что не хочет обратно в лагерь на каменоломни. Над этим Эльза размышляла несколько дней и случайно поймала себя на мысли: не есть ли это та самая любовь, которая неподвластна человеку? Она даже испугалась такой догадки, как опасной болезни, и послала Ильзу за управляющим, чтобы отдать распоряжение на обмен пленным работником.

Она очень растерялась, когда явился Василий, а не Иоганн.

— Я слушаю вас, фрау Эльза,— подходя к знакомой постели, сказал он.

Эльза вспомнила о том, что вместо Иоганна придет Василий только тогда, когда вернулась Ильза, но не решилась отменить своего распоряжения и теперь не знала, о чем его спрашивать или какое дать указание. Мысли ее смешались, и она боялась сказать что-либо невпопад. Василий заметил это замешательство. Оно легко читалось на ее побледневшем лице и в глазах, полных беспомощности.

— Вам плохо, фрау Эльза? Я велю Иоганну привезти доктора.

— Нет, нет, Василий, доктора не надо. Я уже совсем здорова.

— Вы беспокоитесь, все ли хорошо на ферме? Мы работаем старательно, вечером Иоганн вам доложит. К уборке сена все готово, завтра начинаем.

Но Эльза не слышала его, она рассматривала его так, как будто видела впервые и хотела найти в нем что-нибудь отталкивающее и неприятное, и не находила, что искала, наоборот, она еще больше видела в нем преимуществ в

сравнении с собой, и это бросало ее в еще больший страх остаться без него.

Ей даже страшно было просить его не уходить. А что, если он сошлется на неотложную работу и уйдет надолго или убежит навсегда в свою Россию, в Сибирь, к своей жене?

Василий заметил и это. Он выдавил понимающую улыбку, подошел к ней и положил руку на ее лоб. Эльза схватила руку обеими своими, крепко прижала к своей щеке.

— Теперь я вижу, что доктора вам не надо и доклада тоже. Я сейчас распоряжусь на ферме, вернусь сюда... и буду тебя лечить сам. Есть у меня лекарство от твоей сучьей болезни...— последние слова он сказал по-русски.

Эльза на глазах повеселела, уши у нее покраснели, а на щеках появился едва заметный румянец.

— Да, да, я сейчас же прикажу приготовить душ и ужин.

Когда вернулся Василий, Эльза привела себя в порядок, была очень красиво одета и в приподнятом настроении.

С этого дня Василий приходил к хозяйке уже не по ее приказанию, а по своему усмотрению, и всегда Эльза встречала его, истосковавшаяся от ожидания. На стандартный вопрос Эльзы, хорошо ли ему с ней, Василий иногда отвечал «да», но больше отмалчивался, и тогда она сердилась, но властью своей не спекулировала. Она стала заметно жизнерадостнее, перестала приглашать гостей и совсем не ездила в гости сама. Дела на ферме шли своим чередом, без сбоев и осложнений, а спрос на ее товар все повышался, цены росли, а следовательно и росли доходы. Она даже, сравнительно легко пережила отправку сына на фронт. В работе тоже ничего не изменилось, если не считать, что ту работу, которую раньше выполняли двое пленных, теперь делалась втроем, да Иоганн стал до неузнаваемости разговорчив, и братья все лучше и лучше осваивали немецкий язык.

Иоганн перешел жить во флигель, и Василий разрешил ему занять отдельную комнату. Тот был очень доволен, особенно равноправием, на которое никак рассчитывать не мог. Иоганн был приучен к исполнительности до автоматизма, накрепко приращен к ферме, и практическую сторону дела знал гораздо лучше своих хозяев. Но во многих случаях он был наивен как ребенок. Гордей, нащупав у него такие слабости, как полное непонимание шуток и врожденный страх к России, потешался над ним, как го-

ворится досыта, и Василию иногда приходилось вставать на защиту старика. Так Иоганн поверил, что если молодой Браун попадет в плен к русским, то Эльза выменяет его за двух пленных, т. е. за него, Гордея, и него, Иоганна, потому как Василий женится на хозяйке и станет хозяином фермы. Иоганн такие шуточки принимал всерьез и очень переживал, но уйти ему было некуда.

Так прошел и второй год работы на ферме, и пришел день, когда братья решились на второй побег.

Шел 1920 год. Теперь изменилось многое. Весь мир знал о революции в России. Бывая в городе и встречаясь с простыми людьми, братья знали об угрозе иностранной интервенции и гражданской войны в России, знали истинную оценку и интернациональную солидарность народа Германи с русским народом. Революция и социализм заставили совсем по-другому смотреть на русского человека.

Василий и Гордей накупили подарков, так чтобы никого не забыть, но время шло, а об обмене военнопленными ничего слышно не было. Они несколько раз ходили в лагерь, там тоже произошли серьезные изменения. Военнопленных продолжали возить работать только на заводы, и они были очень хорошо информированы о том, что происходит на Родине.

Василий хотел поставить Браун в известность о побеге, вернее, не о побеге, а просить у нее разрешения уехать домой, но потом отказался от такого решения во избежание срыва. Иоганна они теперь не опасались. Он, конечно, не мог не замечать их приготовлений, но это делалось под видом подготовки отъезда по обмену, и только одного Гордея, а об отъезде домой Василия никто из них не упоминал, чтобы не волновать Эльзу. Однако та все чаще, наблюдая за Василием, впадала в беспричинную печаль, и Василий знал почему. Он не успокаивал ее, не обманывал надеждами и даже не тяготился ее страданиями, хотя где-то в глубине сердца в нем проросли ростки жалости к ней. Ведь она для него стала практически не любовницей, а женой, да к тому же и любящей женой. Для облегчения души и совести в такие моменты слабости он сразу заставлял себя вспомнить картинки из прошлого, где Эльза весело смеялась вместе со своими гостями, восхищаясь изобретательностью бывшего любовника майора при играх с живыми игрушками — военнопленными, каким хладнокровным и деловым было ее лицо, когда она щупала булавку, убеждаясь, что она действительно прошла сквозь его палец, и другие моменты ее поведения при экзекуциях.

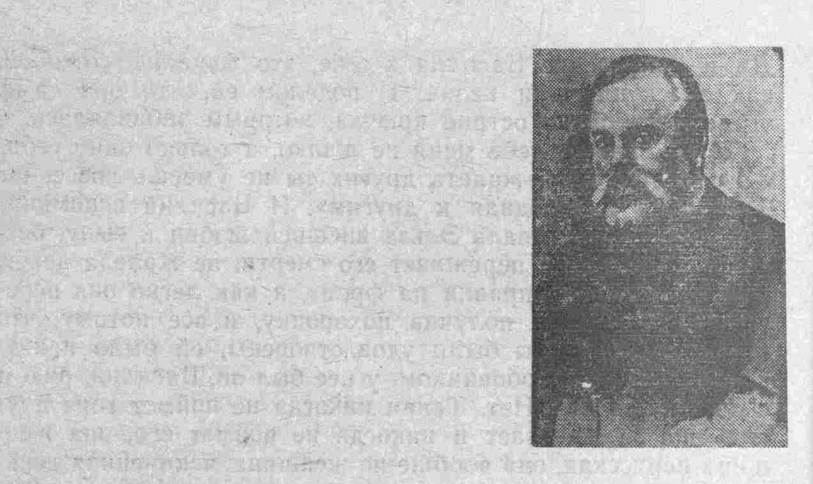
Да и приручение Василия к себе, это тоже не что иное, как экзекуция или казнь. И поделом ей, что она сама угодила губой на острие крючка, которым забавлялась.

«Нет, ведьма, тебе меня не жалко, а только одну себя, я это знаю точно, жалеть других ты не умеешь вовсе, ты бездушная и холодная к другим». И Василий вспомнил, как много выказывала Эльза внешней любви к сыну, беспокоилась, что не переживет его смерти, не жалела денег, откупая его от отправки на фронт, и как легко она перенесла его смерть, получив похоронку, и все потому, что ее личные запросы были удовлетворены, ей было приятно с очередным любовником, у нее был он, Василий, рядом с ней и для нее. Нет. Такая никогда не поймет горе других, она не понимает и никогда не поймет его, она женщина нерусская, она вообще не женщина, чеканенная деньга, она даже не животное, потому что и звери-матери жалеют своих детей и способны на самопожертвование ради них, а эта только хочет жалеть, но не умеет, ей это не дано. Как же после всего этого можно быть уверенным, что и любовь-то она не придумала для себя? И Василий боялся увидеть свою Дарью рядом с этой статуей женщины из камня и вбитых в нее для украшения золотых и серебряных монет, на которые тут же набросятся с зубилами и молотками такие же, как она, и, как только она перестанет оплачивать свою охрану, ее изуродуют, выдолбят из нее монетные украшения, и останется она стоять бесформенной глыбой, не побыв на этом свете живым человеком. Выбросила же она своего верного слугу Иоганна без содрогания совести, выбросит она и его, когда ей вздумается.

Василий опять увидел Дарью, как тогда во сне, с жалостью смотрящую на него и Эльзу и прижимающую к животу его дочерей. Нет, Дарья и тогда не осуждала, а жалела его, молила Бога, чтобы он сохранил ему жизнь, а ей дал силы ждать его, вернуть ее детям отца. Дарья не судила его за измену, она понимала, что то казнь, и звала его домой, молила об этом Бога.

Василий понимал, что такие размышления — плод его страданий, надеялся, что ждать осталось немного, но это немного наполнялось неизвестностью.

— Уходим сегодня! — ворвавшись во флигель, выкрикнул Василий.— Я не хочу ждать и одного дня!

С. А. Нилус

БЛИЗ ЕСТЬ, ПРИ ДВЕРЕХ

Продолжая публикацию книги Сергея Александровича Нилуса, мы хотели бы предварить следующую главу некоторым предисловием.

Есть книги, которые на протяжении десятилетий находятся в поле общественного интереса, вызывая бесконечные и бесчисленные споры, целые груды публикаций. Именно такая судьба была уготована книге, которую мы публикуем, а особенно «Протоколам собраний сионских мудрецов», входящим составной частью в эту книгу и являющимся самым сенсационным и таинственным «документом» XX столетия. Вышедшие из печати в начале века «Протоколы» были опубликованы на всех основных языках мира и сегодня продолжают будоражить умы. Но ни разу не опубликованные за годы Советской власти у нас в стране (только буквально в последнее время стали появляться сокращенные публикации) «Протоколы» являлись предметом политических спекуляций. Наконец-то наступило время гласности и можно спокойно и взвешенно подойти к самой сути «Протоколов», посмотреть на них с учетом исторического опыта и современности.

С. А. Нилус, как следует из его книги, не является автором «Протоколов», но его пророческий дар, его религиозные чувства, его страдание за судьбу России позволили ему увидеть грядущие трагические для Родины годы испытаний, услышать шаги приближающегося антихриста. В одном из писем 1905 года (Литературный Иркутск, 1991, январь) Сергей Александрович писал:

«А тут еще думы, одна другой тяжелее, о Родине <...>, о народе, о той разверзшейся под ногами бездне, в которую неудержимо ка-

тится наше горемычное Отечество, от которого за наши грехи и беззакония в яви отступает благодать Божия. И ведь вот еще горе, я не только предугадываю погибель, но я ее знаю, откуда она идет, от кого происходит, что в близком будущем ждет всех нас, если только не преклонится к нам милость Господня, и... помочь ничем не могу: голосу правды никто не внемлет. И оком видят, и слухом слышат — и не разумеют.

Сердце мое скорбит и чует грозу неминучую.»

И предчувствие не обмануло писателя.

И если сегодня взглядом непредвзятым и строгим взглянуть на мировые события, то можно увидеть, что многое, что было намечено в «Протоколах», сбылось и сбывается, даже независимо от того, что кое-кто считает «Протоколы» подделкой, сфабрикованной царской охранкой.

Мы же приглашаем читателя самостоятельно делать выводы.

Часть 2

СБОРИЩЕ САТАНИНСКОЕ

...Говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы, а лгут. (Ап. III гл. 9 ст.).

МИРОВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ ЯВЛЕНИЯ АНТИХРИСТА И КОНЦА МИРА.— МИРОВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА.— В. С. СОЛОВЬЕВ ОБ ОБРАЗЕ ПРИШЕСТВИЯ АНТИХРИСТА.— ФРАНКМАСОНСТВО, ИЛИ МАСОНО-ЕВРЕЙСТВО.— ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Не без намерения и не случайно всю первую часть своей книги я посвятил сопоставлению учения Св. Православной Церкви и Св. Отцев и прозрения святых подвижников, с исследованиями современных нам христианских философов и богословов, уделив попутно некоторое место и моим личным мыслям и наблюдениям, как бы малозначительны они ни были. В этом сопоставлении соединились, как в фокусе зажигательного стекла, мысли, чувства и предчувствия собирательного христианского духа, начиная от высших его представителей и носителей и кончая такими рядовыми единицами, как моя человеческая немощь.

Какое согласие — почти тождество — взглядов и уве-

---

* Продолжение. Начало см.: «Сибирь», № 4, 1991 г.

ренности в ожидании близости роковой развязки многовекового узла мировой истории человечества.

На все только свое время, всему свои сроки. Церковь ветхозаветного Израиля, как общество едино и правоверующих были предварены от Духа о воплощении Мессии Истинного с такою убедительностью и силою в сердцах сынов и дщерей Богоизбранного народа, что, по свидетельству истории еврейского народа, Иосифа Флавия, стоном стонала вся страна при-Иорданская от призывных воплей ожидавших пришествия «Утехи Израилевой». И не только народ Божий, но и языческий мир, в лице своих философов и поэтов, не был в то же время чужд мессианских ожиданий, во времена Вергилия достигших напряжения и силы почти пророческого провидения. В 4-й эклоге своей Вергилий прямо и определенно указал на то, что уже наступило время «Младенца» и «Девы», и «нового племени», с которым «железный век прекратится»:

Эклога эта, как известно, содействовала обращению Константина Великого в христианство и из Вергилия сделала почти святого в глазах средневековых западных христиан.

«Дух дышал, где хотел», и дыхание Его слышно было и в Богоизбранном народе, и в «языках, не ведущих закона»,— и дыхание это предваряло род человеческий о приблизившемся к нему важнейшем моменте всей его земной жизни — Рождестве Обетованного миру Спасителя, Единородного Сына Божия.

Не могло остаться без такого же предварения и второе, по значению равное первому, событие грядущего Страшного Суда и кончины одряхлевшего в беззаконии старого мира. И мы, думается, с достаточной убедительностью показали, что сосуд Духа Святого — Церковь Христова вселенским своим голосом уже возвестила миру о приблизившейся грозе антихристова царства и последующего за ним «огненного прощения» и второго страшного и славного пришествия Христова.

Но каким образом явится антихрист, как владыка вселенной, тот «ин», грядущий «во имя свое», который, происходя от крови еврейской, из дома якобы Давидова, в свое время, и притом уже близкое, явится одновременно и мес-

сией Израиля, и обладателем всего христианского и нехристианского мира?..

«Заправилы общей политики,— так решает этот вопрос Владимир Соловьев,— принадлежащие к могущественному братству франкмасонов, чувствовали недостаток общей исполнительной власти. Достигнутое с таким трудом Европейское единство каждую минуту готово было распасться. В союзном совете или всемирной управе не было единодушия, так как не все места удалось занять настоящими посвященными в дело масонами. Независимые члены управы вступали между собою в сепаратные соглашения, и дело грозило новою войною. Тогда посвященные решили учредить единоличную исполнительную власть с достаточным полномочием.

Главным кандидатом был негласный член ордена «грядущий человек»[1].

Но ответ этот, несмотря на кажущуюся его категоричность, не разрешает во всем объеме поставленных выше вопросов и не может ослабить недоумения: каким же образом, в виду несомненной, Церковью признанной, близости «исполнения времен», совершается «тайна беззакония», которая была «в действии» еще во времена св. Апостола Павла, и которая в своем заключительном моменте должна завершиться приходом «иного во имя свое», «человека греха», «сына погибели» антихриста? Недоуменный вопрос этот осложняется еще тем, что этот «иной» должен быть принят евреями, как силой концентрированно-всемирной», тогда как сила эта до сих пор находится «в рессеянии» и все еще именует себя «гонимым племенем»; что «грядущий человек» этот должен стать владыкой вселенной, подчинить себе весь мир, который еще и доселе разделен на могущественные государственные и национальные обособленности и который, повидимому, сам стоит еще на такой высоте политической силы, что с ней не по плечу тягаться какому-то неопределенному выходцу из международного «Гетто», именуемого талмудистами Израилем.

Прежде всего у читателя, непосвященного в тайны франкмасонства — вернее, масоно-еврейства,— должен явиться вопрос, что это за «братство», как его именует Вл. Соловьев, настолько могущественное, что из его среды выходят «заправилы общей политики», иначе — вершители судеб всего человечества?

---

[1] Вл. Соловьев. Т. VIII, с. 565.

Вместо ответа по существу этого вопроса, я предлагаю желающим ознакомиться с ним в подробной разработке и правильном освещении обратиться к обширнейшей антимасонской литературе, особенно развитой во Франции...

В России литература эта представлена значительно слабее, но и в ней за последние годы появились серьезные попытки к освещению данного вопроса в трудах Шмакова[1], Селянинова[2], графини Толь[3], Бутми и проч. Цель моей книги духовная, а не политическая и подробное в ней ознакомление читателя с историей и сущностью масонства слишком отвлекло бы меня от главной моей задачи предварения братии моей по вере о близости страшного Суда Господня и расширило бы безгранично мою работу без особой пользы для преследуемой ею цели. Пусть за меня ответят представители антимасонской деятельности. Для цели моего труда пока достаточно, если читатель, еще незнакомый с сущностью франкмасонства (и термин этот употребляю наравне с «масонством» и «масоно-еврейством»), примет от меня на веру нижеследующее его определение:

1) Франкмасонство есть тайное сообщество христиан-отступников вместе с язычниками, негласно руководимое вождями еврейского народа и имеющее целью разрушение Церкви Христовой и монархической государственности, преимущественно же христианской.

2) Франкмасонство есть анти-Церковь, или церковь Сатаны, преддверие церкви грядущего антихриста.

3) Франкмасонство есть «Вавилон», «блудница великая», сидящая на водах многих (Ап. XVII и XVIII гл.).

4) Франкмасонство есть «тайна беззакония» (2. Сол. 11, 7 ст.).

5) Франкмасонство есть продолжение на земле начатого на небе бунта Сатаны против Бога.

В дальнейшем развитии плана моей книги положения, этого определения существа франкмасонства имеют выясниться в больших подробностях и с достаточной, на мой взгляд, убедительностью.

Но и с принятием на веру вышесказанного, читатель мой может все-таки, остаться в недоумении относительно того пути, по которому должен пойти «грядущий человек», чтобы, взойдя на трон Давидов и воссев, как мессия

---

[1] «Международное правительство».
[2] «Тайная сила масонства».
[3] «Ночные братья».

Израилев, во святилище Соломонова храма, стать одновременно царем и владыкой всего остального разноязычного, разноплеменного и, главное, разноверного мира.

Велика эта тайна. Раскрытие ее невозможно без непосредственной помощи Божией, если только есть на то Божия воля и если наступили для того от века предопределенные сроки...

«И слышал я (Даниил), как муж в льняной одежде, находившийся над водами реки, подняв правую и левую руку к небу, клялся Живущими во веки, что к концу времени, времен и полувремени и по совершенном низложении силы народа святого, все это совершится. Я слышал это, но не понял и потому сказал: «Господин мой, что же после этого будет?»

И отвечал он: «Иди, Даниил, ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют» (Дан. XII г. 7—10 ст.).

Сроки эти, повидимому, уже наступили, ибо великая тайна ныне раскрыта почти во всей полноте своего беззакония. Времена созрели.

Не явился еще пока «человек греха, сын погибели», антихрист, лже-мессия ослепленного до времени Израиля. Все прочее ясно.

Глава II

«ПРОТОКОЛЫ СОБРАНИЙ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ» И ПЕРВОЕ ИХ ПОЯВЛЕНИЕ В ПЕЧАТИ — ВЕРОЯТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИХ.— ТЕОДОР (?) ГЕРЦЛЬ И СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В 1901 году мне удалось получить в свое распоряжение одну рукопись, и этой относительно небольшой по величине тетради суждено было произвести в моем миросозерцании такой глубокий переворот, какой в душе человеческой может быть произведен только лишь воздействием Божией силы, подобным чуду отверзения очей слепорожденному.

«Да явятся на нем дела Божии».

Рукопись эта была озаглавлена: «Протоколы собраний Сионских мудрецов» и передана мне ныне покойным чернским уездным предводителем дворянства, впоследствии ставропольским вице-губернатором, Алексием Николаевичем Сухотиным[1]. Я тогда уже начал работать пером своим во славу Божию, а с Сухотиным был дружен, как с человеком моих взглядов и убеждений, «крайнеправых», как их теперь величают.

Передавая мне рукопись, Сухотин сказал:

— Возьми ее себе в полное твое распоряжение, прочти, вдохновись и сделай из нее что-нибудь на пользу душе христианской, а то у меня она может пролежать даром: в политическом отношении она бесполезна, ибо сделать по ней что-либо уже поздно, ну а в духовном — дело другое,— она в твоих руках еще кой-какой плод, Бог даст, принесет.

Попутно Сухотин сообщил мне, что он, в свою очередь рукопись эту получил от одной дамы, постоянно проживавшей за границей, что дама эта — чернская помещица (он назвал, помнится, и фамилию, да я забыл) и что она добыла ее каким-то весьма таинственным путем (едва ли не похищением). Говорил Сухотин и о том, что один экземпляр этой рукописи эта дама передала, по возвращении своем из-за границы Сипягину, бывшему в то время министром внутренних дел, и что Сипягина вслед убили... Он что-то и еще говорил мне в том же таинственном роде, но когда я впервые ознакомился с содержанием рукописи, то убедился, что сама она в своей страшной и жестокой, откровенной правде настолько свидетельствует о достоверности своего происхождения от «мудрецов сионских», что не нуждается ни в каком ином свидетельстве о своем первоисточнике. Но был я тогда еще довольно молод, недостаточно знаком со словом Божиим, не находился еще в общении с подвижниками православного духа и потому первым делом попытался обратиться к сильным мира сего с целью предварения их «протоколами» о грядущей опасности.

Одно высокопоставленное лицо, которого я думал заинтересовать своей рукописью и которое, казалось мне, можно бы влиять на ход событий в Русской земле, отве-

---

[1] Помяни, боголюбивый читатель, в молитвах своих о упокоении болярина Алексия.

тило мне, что «славянство еще не сказало своего последнего слова, и потому, как бы ни были хитры и сильны мудрецы Сиона, усилиям их еще не скоро дано будет осуществиться, и, стало быть, нечего о них и беспокоиться».

Другим еще более высокопоставленным лицом, к которому я обратился с сионскими протоколами, был Великий Князь-мученик, Сергей Александрович. По рассмотрении их, он повелел мне сказать через одно близкое ему лицо одно только слово:

— Поздно!

Были сделаны мною впоследствии и дальнейшие попытки довести мою рукопись до сведения кого следует, но и они не имели успеха.

Так прошло время от 1901 г. по декабрь 1905 г., когда, наконец, вышло 2-е издание моей книги «Великое в малом», и в ней впервые я обратился к читателю со словом об антихристе, как о «близкой политической возможности». В эту статью вошли и «Протоколы».

Это, насколько мне известно, и было первым обнародованием тайного масоно-еврейского заговора против христианского мира по ее первоисточнику, по признанию самих вождей и руководителей этого заговора.

На мир, лежащий вне Церкви Христовой, обнародование этих протоколов произвело впечатление едва заметное. Повременная печать, в большинстве своих изданий находящаяся или в руках еврейских, или под их руководством и влиянием, постаралась замолчать их появление, обмолвившись о них мимоходом, как о дикой выдумке или сказке. Но в мире верующих христиан «Протоколы» сделали свое дело и создали моей книге успех, превзошедший всякое ожидание и распространивший ведение и разумение сокровенных тайн современности в весьма широком кругу христианской семьи.

С тех пор книга моя с «Протоколами» выдерживает уже 4-е издание, но только теперь мне достоверно стало известным по еврейским источникам, что эти «Протоколы» суть не что иное, как стратегический план завоевания мира под пяту богоборца-Израиля, выработанный вождями еврейского народа в течение многих веков его рассеяния и доложенный совету старейшин «князем изгнания»[1] Тео-

---

[1] «Князья изгнания»— экзилархи, эшмалотархи, Решь-Голута; о них Талмуд говорит: «князья изгнания (они же «пленения») держат скипетр Израиля». Обычно «князья» эти тщательно укрываются от зрения гоев (всех не-евреев) и даже от «непосвященных» из самой среды

дором Герцлем во дни I-го Сионистского конгресса, созванного им в Базеле в августе 1897 года.

Так называемое «сионистское» движение в среде интеллигенции и представителей еврейского народа как устремление их к новому исходу в землю Обетованную появилось не более 30—40 лет назад, но чисто-стихийный порыв ему был дан именно Герцлем, как бы воплотившим в себе образ того лже-Илии, которому чаяния талмудистского Израиля отводят место предтечи грядущего лже-мессии, всемирного владыки, якобы от семени Давидова.

Каким образом документы эти, представляющие собою «святая святых» чаяний Израиля, многовековую тайну вождей его, могли проникнуть в широкую публику «непосвященных»,— это остается неизвестным и едва ли будет когда-либо с точностью выяснено. Мне, как было сказано выше, они были доставлены в 1901 году, а в том же году, в циркуляре № 18 и других, разосланных сионистами от имени сионистского «Actions Comite», Герцль уже выражает жалобу на то, что «некоторые конфиденциальные сообщения, не взирая на предупреждение, не были сохранены в тайне и получили нежелательное распространение».

Если даже это и простое совпадение, то и оно не лишено значительности и важности. Но мне не видится в факте этом того, что,как случайность, разумеется под совпадением: это — перст Божий, коснувшийся завесы, скрывавшей вековую тайну и начертавший на стене храма христиан всего мира огненными буквами библейские слова: «Мене. Текел. Упарсин».

Думаю, что это убеждение мое разделят и все братия мои по вере Христовой. Недаром же I-й Базельский конгресс, неимоверно окрыливший надежды еврейского рассеяния, вознес на небывавшую до того времени высоту в среде еврейского народа имя его вдохновителя; недаром такое широкое распространение в христианском обществе получили «Протоколы».

Мудрено ли было впечатлительным сынам «гонимого» народа при таком «окрылении» проговориться и выдать тайну? Даже сам Герцль, по уверению его горячих последователей, не был чужд «болтливости» и принужден был оправдываться перед своими соумышленниками. По поводу такого обвинения, предъявленного ему в излишней от-

---

Израиля. Теодор-Герцль, например, до Базельского конгресса официально был только парижским корреспондентом влиятельной венской газеты, субсидируемой венским Ротшильдом.

кровенности одной его лондонской речи, сказанной под свежим впечатлением отрадных известий, полученных им об отношении Вильгельма II к сионизму. Герцль принес свое оправдание в таких словах: «Бывают моменты,— говорил он,— когда узнаешь новый факт, благоприятное обстоятельство, событие, о котором еще невозможно сообщить именно из осторожности, потому что не желаешь воспламенять энтузиазм, а хочешь держать движение в рамках осмотрительности и постепенного преуспеяния. Но вы найдете вполне понятным, если не в политическом, то в человеческом смысле, что можно находиться под непосредственным впечатлением того нового факта, как оно и было тогда со мной. Некоторые из находящихся здесь знают, о чем говорю. Если в такой момент, когда внезапно приобретаешь убеждение, что признанное сумасбродным сионистское движение вполне признано в мире реальных политических фактов, чего не мог бы отрицать и злейший враг, если бы мы вздумали им обо всем рассказать; если,— говорю я,— в такой момент радостного удовлетворения и вырываются слова: «Я никогда еще не говорил вам так определенно, как сейчас, что я верю в осуществление наших планов и даже в столь близком будущем, что до него еще доживут люди моих лет»[1],— то это не такое уж беспочвенное обещание и не грозит вызвать вредный энтузиазм. Слова, сказанные мною в Лондоне, к счастью, пали на плодородную почву и немножко подогрели усердие наших друзей, которое, пожалуй, не держалось бы долго на должной высоте, на основании одних только речей, одних математических выкладок. Не знаю, согрешил ли я таким образом против движения, против разумности нашей агитации».

Если «на радостях» не мог воздержаться от излишней «болтливости» сам «князь изгнания», то можно ли было уверенно рассчитывать на полное соблюдение тайны со стороны хотя бы и одного только из его подручных?

Таково более чем вероятное объяснение раскрытия в наши дни от века сокрытой «тайны беззакония»; такова причина появления ниже публикуемых «Протоколов сионских мудрецов».

По словам Герцля, конфиденциальные сообщения по важнейшим делам были даны им «трем уважаемым лицам, а именно полковнику Гольдсмиту, сэру Самуэлю Монтегю и почтенному г. Зингеру».

---

[1] Герцлю в это время (около 1900 года) было с небольшим 40 лет.

Из этих трех «уважаемых» евреев, сэр Самуэль Монтегю ныне — министр военных снабжений нашей союзницы Англии, «почтенного» г. Зингера знают в каждой русской деревне, где только есть проданная с рассрочкой платежа зингеровская швейная машина.

Только один «полковник» Гольдсмит пока еще пребывает для русских людей неизвестным...

Теперь перейдем к «Протоколам».

ПРОТОКОЛЫ СОБРАНИЙ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ

Протокол № I

...Отложив фразерство, будем говорить о значении каждой мысли, сравнениями и выводами осветим обстоятельства.

Итак, я формулирую нашу систему с нашей и гоевской[1] точек зрения.

Надо заметить, что люди с дурными инстинктами многочисленнее добрых, поэтому лучшие результаты в управлении ими достигаются насилием и устрашением, а не академическими рассуждениями. Каждый человек стремится ко власти, каждому хотелось бы сделаться диктатором, если бы только он мог, но при этом редкий не был бы готов жертвовать благами всех ради достижения благ своих.

Право — в силе. Что сдерживало хищных животных, которых зовут людьми? Что ими руководило до сего времени?

В начале общественного строя они подчинились грубой и слепой силе, потом — закону, который есть та же сила, только замаскированная. Вывожу заключение, что по закону естества право — в силе.

Свобода — идея, либерализм

Политическая свобода есть идея, а не факт. Эту идею надо уметь применять, когда является нужным идейной приманкой привлечь народные силы к своей партии, если таковая задумала сло-

[1] Гои — христиане и, вообще, все не евреи.

мить другую, у власти находящуюся. Задача эта облегчается, если противник сам заразится идеей свободы, так называемым либерализмом и, ради идеи, поступится своею мощью. Тут-то и проявится торжество нашей теории: распущенные бразды правления тотчас же по закону бытия подхватываются и подбираются новой рукой, потому что слепая сила народа дня не может пробыть без руководителя, и новая власть лишь заступает место старой, ослабевшей от либерализма.

Золото. Вера. Самоуправление

В наше время заместительницей либералов-правителей явилась власть золота. Было время, правила вера. Идея свободы неосуществима, потому что никто не умеет пользоваться ею в меру. Стоит только народу на некоторое время предоставить самоуправление, как оно превращается в распущенность. С этого момента возникают междоусобицы, скоро переходящие в социальные битвы, в которых государства горят и значение их превращается в пепел.

Деспотизм капитала

Истощается ли государство в собственных конвульсиях или же внутренние распри отдают его во власть внешним врагам, во всяком случае, оно может считаться безвозвратно погибшим: оно в нашей власти. Деспотизм капитала, который весь в наших руках, протягивает ему соломинку, за которую государству приходится держаться поневоле, в противном случае оно катится в пропасть.

Внутренний враг

Того, который от либеральной души сказал бы, что рассуждения такого рода безнравственны, я спрошу: если у каждого государства два врага и если по отношению к внешнему врагу ему дозволено и не почитается безнравственным употреблять всякие меры борьбы, как, например, не ознакомлять врага с планами или нападениями защиты, нападать на него ночью или неравным числом людей, то почему же такие же меры в отношении худшего врага, нарушителя общественного строя и благоденствия, можно назвать недозволенными и безнравственными?

Толпа. Анархия

Может ли здравый логический ум надеяться успешно руководить толпами при помощи разумных увещаний или уговоров при воз-

можности противоречия хотя бы и бессмысленного, но которое может показаться поверхностно разумеющему народу более приятным? Руководясь исключительно мелкими страстями, повериями, обычаями, традициями и сентиментальными теориями, люди в толпе и люди толпы поддаются партийному расколу, мешающему всякому соглашению даже на почве вполне разумного увещевания. Всякое решение толпы зависит от случайного или подстроенного большинства, которое, по неведению политических тайн, произносит абсурдное решение, кладущее зародыш анархии в управлении.

Политика и мораль

Политика не имеет ничего общего с моралью. Правитель, руководящийся моралью, неполитичен, а потому не прочен на своем престоле. Кто хочет править, должен прибегать и к хитрости, и к лицемерию. Великие народные качества — откровенность и честность — суть пороки в политике, потому что они свергают с престолов лучше и вернее сильнейшего врага. Эти качества должны быть атрибутами гоевских царств, мы же отнюдь не должны руководствоваться ими.

Право сильного

Наше право — в силе. Слово «право» есть отвлеченная и ничем не доказанная мысль. Слово это означает не более как: дайте мне то, чего я хочу, чтобы я тем самым получил доказательство, что я сильнее вас.

Где начинается право? Где оно кончается?

В государстве, в котором плохая организация власти, безличие законов и правителя, обезличенных размножившимися от либерализма правами, я черпаю новое право — броситься по праву сильного и разнести все существующие порядки и установления, наложить руки на законы, перестроить все учреждения и сделаться владыкою тех, которые предоставили нам права своей силы, отказавшись от них добровольно, либерально...

Необоримость масонско-еврейской власти

Наша власть при современном шатании всех властей, будет необоримее всякой другой, потому что она будет незримой до тех пор, пока не укрепится настолько, что ее уже никакая хитрость не подточит.

Цель оправдывает средства

Из временного зла, которое мы вынуждены теперь совершать, произойдет доб-

ро непоколебимого правления, которое восстановит правильный ход механизма народного бытия, нарушенного либерализмом. Результат оправдывает средства. Обратим же внимание в наших планах не столько на доброе и нравственное, сколько на нужное и полезное.

Перед нами план, в котором стратегически изложена линия, от которой нам отступать нельзя, без риска видеть разрушение многовековых работ.

Толпа — слепец

Чтобы выработать целесообразные действия, надо принять во внимание подлость, неустойчивость, непостоянство толпы, ее неспособность понимать и уважать условия собственной жизни, собственного благополучия. Надо понять, что мощь толпы слепая, неразумная, нерассуждающая, прислушивающаяся направо и налево. Слепой не может водить слепых без того, чтобы не довести их до пропасти, следовательно, члены толпы, выскочки из народа, хотя бы и гениально умные, но в политике не разумеющие, не могут выступать в качестве руководителей толпы без того, чтобы не погубить всей нации.

Политическая азбука

Только с детства подготовляемое к самодержавию лицо может ведать слова, составляемые политическими буквами.

Партийные раздоры

Народ, предоставленный самому себе, т. е. выскочкам из его среды, саморазрушается партийными раздорами, возбуждаемыми погонею за властью и почестями, и происходящими от этого беспорядками. Возможно ли народным массам спокойно, без соревнования, рассудить, управиться с делами страны, которые не могут смешиваться с личными интересами? Могут ли они защищаться от внешних врагов? Это немыслимо, ибо план, разбитый на несколько частей, сколько голов в толпе, теряет цельность, а потому становится непонятным и неисполнимым.

Наиболее целесообразный образ правления — Самодержавие

Только у Самодержавного лица планы могут выработаться обширно ясными, в порядке, распределяющем все в механизме государственной машины, из чего надо заключить, что целесообразное для пользы страны управление должно сосредоточиться в руках одного ответственного лица. Без абсолютного деспотизма не может существовать цивилизация, проводимая

не массами, а руководителем их, кто бы он ни был. Толпа — варвар, проявляющий свое варварство при каждом случае. Как только толпа захватывает в свои руки свободу, она ее вскоре превращает в анархию, которая сама по себе есть высшая степень варварства.

Спирт. Классицизм. Разврат

Взгляните на наспиртованных животных, одурманенных вином, право на безмерное употребление которого дано вместе со свободой. Не допускать же нам и нашим дойти до того же... Народы гоев одурманены спиртными напитками, а молодежь их одурела от классицизма и раннего разврата, на который ее подбивала наша агентура — гувернеры, лакеи, гувернантки — в богатых домах, приказчики и проч., наши женщины — в местах гоевских увеселений. К числу этих последних я причисляю и так надываемых «дам из общества», добровольных последовательниц их по разврату и роскоши.

Принцип и правила еврейско-масонского правительства

Наш пароль — сила и лицемерие. Только сила побеждает в делах политических, особенно, если она скрыта в талантах, необходимых государственным людям. Насилие должно быть принципом, а хитрость и лицемерие — правилом для правительств, которые не желают сложить свою корону к ногам агентов какой-либо новой силы. Это зло есть единственное средство добраться до цели, добра. Поэтому мы не должны останавливаться перед подкупом, обманом и предательством, когда они должны послужить к достижению нашей цели. В политике надо уметь брать чужую собственность без колебаний, если ею мы добьемся покорности и власти.

Террор

Наше государство, шествуя путем мирного завоевания, имеет право заменить ужасы войны менее заметными и более целесообразными казнями, которыми надо поддерживать террор, располагающий к слепому послушанию. Справедливая, но неумолимая строгость есть величайший фактор государственной силы: не только ради выгоды, но и во имя долга, ради победы, нам надо держаться программы насилия и лицемерия. Доктрина расчета настолько же сильна, насколько и средства, ею употребляемые. Поэтому не столько самими средствами, сколько доктриной строгости мы восторжествуем и закрепостим все правительства своему сверх-

правительству[1]. Достаточно, чтобы знали, что мы неумолимы, чтобы прекратились ослушания.

Свобода, равенство, братство Еще в древние времена мы среди народа впервые крикнули слова: «Свобода, равенство, братство», слова, столь много раз повторенные с тех пор бессознательными попугаями, отовсюду налетевшими на эти приманки, с которыми они унесли благосостояние мира, истинную свободу личности, прежде так огражденную от давления толпы. Якобы умные, интеллигентные гои не разобрались в отвлеченности произнесенных слов, не заметили противоречия их значения и соответствия их между собою, не увидели, что в природе нет равенства, не может быть свободы, что сама природа установила неравенство умов, характеров и способностей, равно и подвластность ее законам, не рассудили, что толпа — сила слепая, что выскочки, избранные из нее для управления, в отношении политики такие же слепцы, как и она сама, что посвященный, хотя бы и дурак, да может править, а непосвященный, будь он даже и гений, ничего не поймет в политике — все это гоями было упущено из виду, а между тем на этом зиждилось династическое правление: отец передавал сыну знание хода политических дел так, чтобы никто его не ведал, кроме членов династии и не мог бы выдать его тайны управляемому народу. Со временем смысл династической передачи истинного положения дел политики был утрачен, что послужило к успеху нашего дела.

Уничтожение привилегий гоевской аристократии Во всех концах мира слова «свобода», «равенство», «братство» становили в наши ряды через наших слепых агентов целые легионы, которые с восторгом несли наши знамена. Между тем эти слова были червяками, которые подтачивали благосостояние гоев, уничтожая всюду мир, спокойствие, солидарность, разрушая все основы их государств. Вы увидите впоследствии, что это послужило к нашему торжеству: это нам дало возможность, между прочим, добиться важнейшего козыря в наши руки — уничтожения привилегий, иначе говоря, самой сущности аристократии гоев, которая была единственной против нас защитой народов и стран.

---

[1] См. Шмаков А. С. «Международное Тайное правительство». Москва, 1912 г.

Новая аристократия На развалинах природной и родовой аристократии мы поставили аристократию нашей интеллигенции во главе всего, денежной. Ценз этой новой аристократии мы установили в богатстве, от нас зависимом, и в науке, достигаемой нашими мудрецами.

Психологический расчет Наше торжество облегчилось еще тем, что в сношениях с нужными нам людьми мы всегда действовали на самые чувствительные струны человеческого ума— на расчет, на алчность, на ненасытность материальных потребностей человека; а каждая из перечисленных человеческих слабостей, взятая в отдельности, способна убить инициативу, отдавая волю людей в распоряжение покупателя их деятельности.

Абстракция свободы Абстракция свободы дала возможность убедить толпы, что правительство не что иное, как управляющий собственника страны — народа и что его можно сменять, как изношенные перчатки.

Сменяемость народных представителей Сменяемость представителей народа отдавала их в наше распоряжение и как бы нашему назначению.

Протокол № 2

Экономические войны — основание еврейского преобладания Нам необходимо, чтобы войны по возможности не давали территориальных выгод: это перенесет войну на экономическую почву, в которой нации в нашей помощи усмотрят силу нашего преобладания, а такое положение вещей отдаст обе стороны в распоряжение нашей интернациональной агентуры, обладающей миллионами глаз, взоров, непрегражденных никакими границами. Тогда наши международные права сотрут народные в собственном смысле права и будут править народами так же, как гражданское право государств правит отношениями своих подданных между собою.

Показная администрация и «тайные советники» Администраторы, выбираемые нами из публики в зависимости от их рабских способностей, не будут лицами, приготовленными для уп-

равления, и потому они легко сделаются пешками в нашей игре, в руках наших ученых и гениальных советчиков, специалистов, воспитанных с раннего детства для управления делами всего мира. Как нам известно, эти специалисты наши черпали для управления нужные сведения из наших политических планов, из опытов истории, из наблюдений над каждым текущим моментом. Гои не руководятся практикой беспристрастных исторических наблюдений, а теоретической рутиной, без всякого критического отношения к ее результатам. Поэтому нам нечего с ними считаться — пусть они себе до времени веселятся, или живут надеждами на новые увеселения, или воспоминаниями о пережитых. Пусть для них играет главнейшую роль то, что мы внушили им признавать за веления науки теории. Для этой цели мы постоянно, путем нашей прессы, возбуждаем слепое доверие к ним. Интеллигенты гоев будут кичиться знаниями, почерпнутыми из науки сведениями, скомбинированными нашими агентами с целью воспитания умов в нужном для нас направлении.

Успехи разрушительных учений

Вы не думайте, что утверждения наши голословны: обратите внимание на подстроенные нами успехи дарвинизма, марксизма, ницшеизма. Растлевающее значение для гоевских умов этих направлений нам-то, по крайней мере, должно быть очевидно.

Приспособляемость к политике

Нам необходимо считаться с современными мыслями, характерами, традициями народов, чтобы не делать промахов в политике и в управлении административными делами. Торжество нашей системы, части механизма которой можно располагать разно, смотря по темпераменту народов, встречаемых нами на пути, не может иметь успеха, если практическое ее применение не будет основываться на итогах прошлого в связи с настоящим.

Роль прессы

В руках современных государств имеется великая сила, создающая движение мысли в народе — это пресса. Роль прессы — указывать якобы необходимые требования, передавать жалобы народного голоса, выражать и создавать неудовольствия. В прессе воплощается торжество свободоговорения. Но государства не умели воспользоваться этой силой; и она очутилась в на-

ших руках. Через нее мы добились влияния, сами оставаясь в тени; благодаря ей мы собрали в свои руки золото, не взирая на то, что нам его приходилось брать из потоков крови и слез...

Стоимость золота и ценность еврейской жертвы

Но мы откупились, жертвуя многими из нашего народа. Каждая жертва с нашей стороны стоит тысячи гоев перед Богом.

Протокол № 3

Символический Змий и его значение

Сегодня могу вам сообщить, что наша цель уже в нескольких шагах от нас. Остается небольшое пространство, и весь пройденный нами путь готов уже сомкнуть свой цикл Символического Змия, каковым мы изображаем наш народ. Когда этот круг сомкнется, все европейские государства будут им замкнуты, как крепкими тисками.

Неустойчивость конституционных весов. Террор во дворцах

Современные конституционные весы скоро опрокинутся, потому что мы их установили с точностью для того, чтобы они не переставали колебаться, пока не перетрется их держатель. Гои предполагали, что они его достаточно крепко сковали, и все ожидали, что весы придут в равновесие. Но держатель — Царствующие — заслонены своими представителями, которые дурят, увлекаясь своей бесконтрольной и безответственной властью. Властью же этой они обязаны навеянному во дворцы террору. Не имея доступа к своему народу, в самую его среду, Царствующие уже не могут сговориться с ним и укрепиться против властолюбцев. Разделенные нами зрячая царская сила и слепая сила народа потеряли всякое значение, ибо отдельно, как слепец без палки, они немощны.

Власть и честолюбие

Чтобы побудить властолюбцев к злоупотреблению властью, мы противопоставили друг другу все силы, развив их либеральные тенденции к независимости. Мы в этом направлении возбудили всякую предприимчивость, мы вооружили все партии, мы поставили власть мишенью для всех амбиций.

Из государства мы сделали арены, на которых разыгрываются смуты... Еще немного, и беспорядки, банкротства появятся повсюду...

Парламентские говорильни. Памфлеты. Злоупотребления властью

Неистощимые говоруны превратили в ораторские состязания заседания парламентов и административных собраний. Смелые журналисты, бесцеремонные памфлетисты, ежедневно нападают на административный персонал. Злоупотребления властью окончательно подготовят все учреждения к падению, и все полетит вверх ногами под ударами обезумевшей толпы.

Экономическое рабство. «Права народа»

Народы прикованы к тяжелому труду бедностью сильнее, чем их приковывало рабство и крепостное право: от них так или иначе могли освободиться, могли с ними считаться, а от нужды они не оторвутся. Мы включили в конституции такие права, которые для масс являются фиктивными, а не действительными правами. Все эти так называемые «права народа» могут существовать только в идее, никогда на практике не осуществимой. Что для пролетария-труженика, согнутого в дугу над тяжелым трудом, придавленного своею участью, получение говорунами права болтать, журналистами — права писать всякую чепуху наряду с делом, раз пролетариат не имеет иной выгоды от конституции, кроме тех жалких крох, которые мы им бросаем с нашего стола за подачу ими голосов в пользу наших предписаний и ставленников наших, наших агентов?.. Республиканские права для бедняка — горькая ирония, ибо необходимость чуть не поденного труда, не дает им настоящего пользования ими, но зато отнимает у них гарантию постоянного и верного заработка, ставя его в зависимость от стачек хозяев или товарищей.

Кулачество и аристократия

Народ под нашим руководством уничтожил аристократию, которая была его естественной защитой и кормилицей, ради собственных выгод, неразрывно связанных с народным благосостоянием. Теперь же, с уничтожением аристократии, он попал под гнет кулачества разжившихся пройдох, насевших на рабочих безжалостным ярмом.

Армия масоно-еврейства

Мы явимся якобы спасителями рабочего от этого гнета, когда предложим ему вступить в ряды нашего войска — социалистов, анархис-

тов, коммунаров, которым мы всегда оказываем поддержку из якобы братского правила общечеловеческой солидарности нашего социального масонства. Аристократия, пользовавшаяся по праву трудом рабочих, была заинтересована в том, чтобы рабочие были сыты, здоровы и крепки. Мы же заинтересованы в обратном — в вырождении гоев.

Вырождение гоев

Наша власть в хроническом недоедании и слабости рабочего, потому что всем этим он закрепощается нашей воле, а в своих властях он не найдет ни сил, ни энергии для противодействия ей.

Голод и право капитала

Голод создает права капитала на рабочего вернее, чем аристократии давала это право законная Царская власть.

Нуждою и происходящею от нее завистливою ненавистью мы двигаем толпами и их руками стираем тех, кто нам мешает на пути нашем.

Толпа и коронация «всемирного владыки»

Когда придет время нашему всемирному владыке короноваться, то те же руки сметут все, могущее сему быть препятствием.

Основной предмет программы будущих масонских народных школ

Гои отвыкли думать без наших научных советов. Поэтому они не видят настоятельной необходимости в том, чего мы, когда наступит наше царство, будем неукоснительно придерживаться, а именно: что в народных школах надо преподавать единую истинную науку, первую из всех — науку о строе человеческой жизни, социального быта, требующего разделения труда, а следовательно, разделения людей на классы и сословия. Необходимо, чтобы знали все, что равенства быть не может, вследствие различия назначения деятельности, что не могут одинаково отвечать перед законом тот, который своим поступком компрометирует целое сословие, и тот, который не затрагивает им никого, кроме своей чести.

Тайна науки социального строя

Правильная наука социального строя, в тайны которой мы не допускаем гоев, показала бы всем, что место и труд должны сохраняться в определен-

ном кругу, чтобы не быть источником человеческих мук от не соответствия воспитания с работой. При изучении этой науки народы станут добровольно повиноваться властям и распределенному ими строю в государстве. При теперешнем же состоянии науки и нами созданном ее направлении народ, слепо верящий печатному слову, питает, во внушенных ему заблуждениях, в неведении своем, вражду ко всем сословиям, которые он считает выше себя, ибо не понимает значения каждого сословия.

Общий экономический кризис

Указанная вражда еще больше увеличивается на почве экономического кризиса, который остановит биржевые сделки и ход промышленности. Создав всеми нам доступными подпольными путями с помощью золота, которое все в наших руках, общий экономический кризис, мы бросим на улицу целые толпы рабочих одновременно во всех странах Европы. Эти толпы с наслаждением бросятся проливать кровь тех, кому они, в простоте своего неведения, завидуют с детства и чьи имущества им можно будет тогда грабить.

Безопасность «наших»

Наших они не тронут, потому что момент нападения нам будет известен, и нами будут приняты меры к ограждению своих.

Деспотизм масонства — царство разума

Мы убедили, что прогресс приведет всех гоев к царству разума. Наш деспотизм и будет таковым, ибо он сумеет разумными строгостями замирить все волнения, вытравить либерализм из всех учреждений.

Утрата руководителя масонства и «великая» французская революция

Когда народ увидел, что ему во имя свободы делают всякие уступки и послабления, он вообразил себе, что он владыка и ринулся во власть, но, конечно, как и всякий слепец, наткнулся на массу препятствий; бросился искать руководителя, не догадался вернуться к прежнему и сложил свои полномочия у наших ног. Вспомните французскую революцию, которой мы дали имя «великой»: тайны ее изготовления нам хорошо известны, ибо она вся — дело рук наших.

Царь деспот Сионской крови. Причина неуязвимости масонства

С тех пор мы водим народ от одного разочарования к другому для того, чтобы он и от нас отказался в пользу того Царя — деспота Сионской крови, которого мы готовим для мира.

В настоящее время мы, как международная сила, неуязвимы, потому что при нападении на нас одних нас поддерживают другие государства. Неистощимая подлость гоевских народов, ползающих перед силой, безжалостных к слабости, беспощадных к проступкам и снисходительных к преступлениям, не желающих выносить противоречий свободного строя, терпеливых до мученичества перед насилием смелого деспотизма — вот что способствует нашей независимости. От современных премьеров-диктаторов они терпят и выносят такие злоупотребления, за меньшее из которых они обезглавили бы двадцать королей.

Роль тайных масонских агентов

Чем же объяснить такое явление, такую непоследовательность народных масс в отношении своем к событиям казалось бы одного порядка?

Объясняется это явление тем, что диктаторы эти шепчут народу через своих агентов, что они злоупотреблениями теми наносят ущерб государствам для высшей цели — достижения блага народов, их международного братства, солидарности и равноправия. Конечно, им не говорят, что такое соединение должно совершиться только под державой нашей.

И вот народ осуждает правых и оправдывает виноватых, все более и более убеждаясь, что он может творить все, чего ни пожелает. Благодаря такому положению вещей, народ разрушает всякую устойчивость и создает беспорядки на каждом шагу.

Свобода

Слово «свобода» выставляет людские общества на борьбу против всякой власти, даже Божеской и природной. Вот почему при нашем воцарении мы должны будем это слово исключить из человеческого лексикона как принцип животной силы, превращающей толпы в кровожадных зверей.

Правда, звери эти засыпают всякий раз, как напьются крови, и в это время их легко заковать в цепи. Но, если им не дать крови, они не спят и борются.

Протокол № 4

Стадии республики — Всякая республика проходит несколько стадий. Первая из них заключена в первых днях безумствования слепца, мятущегося направо и налево, вторая — в демагогии, от которой родится анархия, приводящая неизбежно к деспотизму, но уже не к законному открытому, а потому ответственному, а к невидимому и неведомому и тем не менее чувствительному деспотизму какой бы то ни было тайной организации, тем бесцеремоннее действующей, что она действует прикрыто, за спиной разных агентов, смена которых не только не вредит, но воспособляет тайной силе, избавляющейся, благодаря этой смене, от необходимости тратить свои средства на вознаграждение долгосрочно прослуживших.

Внешнее масонство Кто и что может свергнуть незримую силу?! А сила наша именно такова. Внешнее масонство служит слепым прикрытием ей и ее целям, но план действия этой силы, даже самое ее местопребывание для народа всегда останется неизвестным.

Свобода и вера Но и свобода могла бы быть безвредной и просуществовать в государственном обиходе без ущерба для благоденствия народов, если бы она держалась на принципах веры в Бога, на братстве человечества вне мысли о равенстве, которому противоречат сами законы творения, установившие подвластность. При такой вере народ был бы управляем опекой приходов и шел бы смиренно и кротко под рукой своего духовного пастыря, повинуясь Божьему распределению на земле. Вот почему нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума гоев самый принцип Божества и духа и заменить все арифметическими расчетами и материальными потребностями.

Международная торгово-промышленная конкуренция. Роль спекуляции Чтобы умы гоев не успевали думать и замечать, надо их отвлечь на промышленность и торговлю. Таким образом, все нации будут искать своей выгоды и в борьбе за нее не заметят своего общего врага. Но, для того

чтобы свобода окончательно разложила и разорила гоевские общества, надо промышленность поставить на спекулятивную почву: это послужит к тому, что отнятое промышленностью от земли не удержится в руках и перейдет к спекуляции, то есть в наши кассы.

Культ золота

Напряженная борьба за превосходство, толчки в экономической жизни создадут, да и создали уже, разочарованные, холодные и бессердечные общества. Эти общества получат полное отвращение к высшей политике и религии. Руководителем их будет только расчет, то есть золото, к которому они будут иметь настоящий культ, за те материальные наслаждения, которые оно может дать. Тогда-то не для служения добру, даже не ради богатства, а из одной ненависти к привилегированным низшие классы гоев пойдут за нами против наших конкурентов на власть, интеллигентов-гоев.

Протокол № 5

Создание усиленной централизации управления

Какую форму административного правления можно дать обществам, в которых подкупность проникла всюду, где богатства достигают только ловкими сюрпризами полумошеннических проделок, где царствует распущенность, где нравственность поддерживается карательными мерами и суровыми законами, а не добровольно воспринятыми принципами, где чувства к родине и к религии затерты космополитическими убеждениями? Какую форму правления дать этим обществам, как не ту деспотическую, которую я вам опишу далее? Мы создадим усиленную централизацию управления, чтобы все общественные силы забрать в руки. Мы урегулируем механически все действия политической жизни наших подданных новыми законами. Законы эти отберут одно за другим все послабления и вольности, которые были допущены гоями, и наше царство ознаменуется таким величественным деспотизмом, что он будет в состоянии во всякое время и во всяком месте прихлопнуть противодействующих и недовольных гоев.

Нам скажут, что тот деспотизм, о котором я говорю, не согласуется с современным прогрессом, но я вам докажу обратное.

Милетий, посматривая на отца, качал головой и сокрушался:

— Вот варначина, вот расомаха! И как ведь выкрутился? Но прямо налим да и только. Не взял за жабры, выскользнет — не поймашь. Ох уж я тебя, варнака, вдругорядь отметелю, однако, што и сам тятя тебя не узнат! А лучше, тятя, обозначь ты ему свою полосу, и пусть он один пуп рвет. Все одно не ету зиму так через зиму женить его будем. Да нарошно дуру ему высватать надо, чтобы было кого ему учить заместо старших-то.

Все дружно посмеялись над пожеланиями Милетия.

Послушал Тимофей сыновей да так и сделал — затесал Василию отдельную деляну. Тот покорячился три дня и убедился, что одному только мелкий кустарник под силу, а большое дерево можно лишь сообща целиком-то взять, да чтобы и командовал один, а не все. Милетий тоже сходил, посмотрел, как надрывается брат, и сказал:

— Бросай, Васька, в одиночку уродоваться, пошли обратно. У нас тожа одного не хватать стало.

Больше Васька с Милетием не зубатился, и работа пошла споро, как и при отце.

На двадцатом году высватали Ваське невесту и на рождество сыграли свадьбу. Невесту присмотрели в дальней деревне, ровню по достатку, славненькую и на личико и по характеру, ну и не глупую, как подсмеивались над Васькой братья. Но с постройкой новой избы для Василия вышел перебой. Не срубили ему до женитьбы избы, и пришлось ему вести молодую хозяйку в зимовье на подворье Милетия. Все вроде ладно пошло и в третьей молодой семье Тимофея. Хотя и с большим опозданием, через пять лет, народилась у них с Серафимой дочка, Катериной назвали. А когда дочке исполнилось три годика, Серафима скоропостижно умерла неизвестно от чего.

Годы шли, отмеряя время жизни всему живому. Каждую весну Швецово наряжалось в свой неповторимый наряд, радуясь и радуя людей и окружающий мир. Тайга, отшумев грозными и ласковыми голосами ручьев, тут же наполнялась оркестром любовных песен оседлых и перелетных птиц, который заводился с первыми отблесками рассвета и не умолкал до глубоких сумерек короткой ночи.

Василий и Дарья каждую весну начинали с обговора своих предстоящих дел. Любили они этот весенний разговор о будущем. С годами он стал для них неписаным празд-

царство над всею землею. Бог нас наградил гением, чтобы мы могли справиться со своей задачею. Будь гений у противного лагеря, он бы еще поборолся с нами, но пришелец не стоит старого обывателя: борьба была бы между нами беспощадной, какой не видывал еще свет.

Золото — двигатель государственных механизмов

Да и опоздал бы гений их. Все колеса государственных механизмов ходят под воздействием двигателя, находящегося в наших руках, а двигатель этот — золото. Измышленная нашими мудрецами наука политической экономии давно указывает царский престиж за капиталом.

Монополии в торговле и промышленности

Капитал для действия без стеснения должен добиться свободы для монополии промышленности и торговли, что уже и приводится в исполнение незримой рукой во всех частях света. Такая свобода даст политическую силу промышленникам, а это послужит к стеснению народа. Ныне важнее обезоруживать народы, чем их вести на войну, важнее пользоваться разогревшимися страстями в нашу пользу, чем их заливать, важнее захватить и толковать чужие мысли по-своему, чем их изгонять.

Значение критики

Главная задача нашего правления состоит в том, чтобы ослабить общественный ум критикой, отучить от размышлений, вызывающих отпор, отвлечь силы ума на перестрелку пустого красноречия.

«Показные» учреждения

Во все времена народы, как и отдельные лица, принимали слово за дело, ибо они удовлетворяются показным, редко замечая, последовало ли на общественной почве за обещанием исполнение. Поэтому мы установим показные учреждения, которые будут красноречиво доказывать свои благодеяния прогрессу.

Переутомление от витийства

Мы присвоим себе либеральную физиономию всех партий, всех направлений и снабдим ею же ораторов, которые бы столько говорили, что привели бы людей к переутомлению от речей, к отвращению от ораторов.

Как взять в руки общественное мнение? Чтобы взять общественное мнение в руки, надо его поставить в недоумение, высказывая с разных сторон столько противоречивых мнений и до тех пор, пока гои не затеряются в лабиринте их и не поймут, что лучше всего не иметь никакого мнения в вопросах политики, которых обществу не дано ведать, потому что ведает их лишь тот, кто руководит обществом. Это первая тайна.

Вторая тайна, потребная для успеха правления, заключается в том, чтобы настолько размножить народные недостатки: привычки, страсти, правила общежития,— чтобы никто в этом хаосе не мог разобраться, и люди вследствие этого перестали бы понимать друг друга. Эта мера нам еще послужит к тому, чтобы посеять раздор во всех партиях, разобщить все коллективные силы, которые еще не хотят нам покориться, обескуражить всякую личную инициативу, могущую сколько-нибудь мешать нашему делу.

Значение личной инициативы Нет ничего опаснее личной инициативы: если она гениальна, она может сделать более того, что могут сделать миллионы людей, среди которых мы посеяли раздор. Нам надо направить воспитание гоевских обществ так, чтобы перед каждым делом, где нужна инициатива, у них опускались бы в безнадежном бессилии руки. Напряжение, происходящее от свободы действий, расслабляет силы, встречаясь с чужой свободой. От этого происходят тяжелые нравственные толчки, разочарования, неудачи.

Сверхправительство Всем этим мы так утомим гоев, что вынудим их нам предложить международную власть, по расположению своему могущую без ломки всосать в себя все государственные силы мира и образовать Сверхправительство. На место современных правителей мы поставим страшилище, которое будет называться Сверхправительственной администрацией. Руки его будут протянуты во все стороны, как клещи, при такой колоссальной организации, что она не может не покорить все народы.

Протокол № 6

Монополии; зависимость от них гоевских состояний

Скоро мы начнем учреждать громадные монополии — резервуары колоссальных богатств, от которых будут зависеть даже крупные гоевские состояния настолько, что они потонут вместе с кредитом государств на другой день после политической катастрофы...

Господа экономисты, здесь присутствующие, взвесьте-ка значение этой комбинации!..

Всеми путями нам надо развивать значение нашего Сверхправительства, представляя его покровителем и вознаградителем всех нам добровольно покоряющихся.

Обезземеление аристократии

Аристократия гоев как политическая сила скончалась — с нею нам нечего считаться; но как территориальная владелица она для нас вредна тем, что может быть самостоятельна в источниках своей жизни. Нам надо поэтому ее во что бы то ни стало обезземелить[1].

Задолженность земли

Для этого лучший способ заключается в увеличении земельных повинностей — в задолженности земли. Эти меры задержат землевладение в состоянии безусловной приниженности.

Наследственно не умеющие довольствоваться малым, аристократы гоев прогорят быстро.

Торговля, промышленность и спекуляции

В то же самое время надо усиленно покровительствовать торговле и промышленности, а главное,— спекуляции[2], роль которой заключается в противовесе промышленности: без спекуляции промышленность умножит частные капиталы и послужит к поднятию земледелия, освободив землю от задолженности, установленной ссудами земельных банков. Надо, чтобы промышленность высосала из земли и руки, и капиталы, и, через спекуляцию, передала бы в наши руки все мировые деньги, и тем самым выбросила бы всех гоев в ряды пролетариев. Тогда гои

---

[1] Она уже обезземелена.

[2] Это совершили Витте и его последователи.

преклонятся перед нами, чтобы только получить право на существование.

Роскошь

Для разорения гоевской промышленности мы пустим в подмогу спекуляции развитую нами среди гоев сильную потребность в роскоши, всепоглощающей роскоши.

Подъем заработной платы и вздорожание предметов первой необходимости

Поднимем заработную плату, которая, однако, не принесет никакой пользы рабочим, ибо одновременно мы произведем вздорожание предметов первой необходимости, якобы от падения земледелия и скотоводства; да, кроме того, мы искусно и глубоко подкопаем источники производства, приучив рабочих к анархии и спиртным напиткам и приняв вместе с этим все меры к изгнанию с земли всех интеллигентных сил гоев.

Тайный смысл пропаганды экономических теорий

Чтобы истинная накладка вещей не стала заметна гоям раньше времени, мы ее прикроем якобы стремлением послужить рабочим классам и великим экономическим принципам, о которых ведут деятельную пропаганду наши экономические теории.

Протокол № 7

Цель напряжения вооружений

Напряжение вооружений, увеличение полицейского штата — это все суть необходимые пополнения вышеуказанных планов. Необходимо достичь того, чтобы, кроме нас, во всех государствах были только массы пролетариата, несколько преданных нам миллионеров, полицейские и солдаты.

Брожения, раздоры и вражды во всем мире

Во всей Европе, а с помощью ее отношений и на других континентах, мы должны создать брожения, раздоры и вражду. В этом двоякая польза: во-первых, этим мы держим в решпекте все страны, хорошо ведающие, что мы, по же-

ланию, властны произвести беспорядки или водворить порядок. Все эти страны привыкли видеть в нас необходимое давление; во-вторых, интригами мы запутаем все нити, протянутые нами во все государственные кабинеты политикой, экономическими договорами или долговыми обязательствами. Для достижения этого нам надо вооружиться большою хитростью и пронырливостью во время переговоров и соглашений, но в том, что называется «официальным языком», мы будем держаться противоположной тактики и будем казаться честными и сговорчивыми. Таким образом народы и правительства гоев, которых мы приучили смотреть только на показную сторону того, что мы им представляем, примут нас еще за благодетелей и спасителей рода человеческого.

Обуздание противодействия гоев войнами и всеобщей войной

На каждое противодействие мы должны быть в состоянии ответить войной с соседями той стране, которая осмелится нам противодействовать, но если и соседи эти задумают стать коллективно против нас, то мы должны дать отпор всеобщей войной.

Тайна — успех политики

Главный успех в политике заключается в тайне ее предприятий: слово не должно согласовываться с действиями дипломата.

Пресса и общественное мнение

К действиям в пользу широко задуманного нами плана уже близящегося к вожделенному концу, мы должны вынуждать гоевские правительства якобы общественным мнением, втайне подстроенным нами при помощи так называемой «великой державы» — печати, которая, за немногими исключениями, с которыми считаться не стоит,— вся уже в руках наших.

Американские, китайские и японские пушки.

Сотрудники масонского правления

Одним словом, чтобы резюмировать нашу систему обуздания гоевских правительств в Европе, мы одному из них покажем свою силу покушениями, т. е. террором, а всем, если допустить их восстание против нас, мы ответим американскими или китайскими, или японскими пушками[1].

Протокол № 8

Двусмысленное пользование юридическим правом

Мы должны заручиться для себя всеми орудиями, которыми наши противники могли бы воспользоваться против нас. Мы должны будем выискивать в самых тонких выражениях и загвоздках правового словаря оправдания для тех случаев, когда нам придется произносить решения, могущие показаться непомерно смелыми и несправедливыми, ибо эти решения важно выразить в таких выражениях, которые казались бы высшими нравственными правилами правового характера.

Сотрудники масонского правления

Наше правление должно окружать себя всеми силами цивилизации, среди которых ему придется действовать. Оно окружит себя публицистами, юристами-практиками, администраторами, дипломатами и, наконец, людьми подготовленными особым сверхобразовательным воспитанием в *наших особых школах*.

Особые школы и сверхобразовательное воспитание

Эти люди будут ведать все тайны социального быта, они будут знать все языки, составленные политическими буквами и словами; они будут ознакомлены со всей подкладочной стороной человеческой натуры, со всеми ее чувствительными струнами, на которых им надо будет уметь играть. Струны эти — строение умов гоев, их тенденции, недостатки, пороки и качества, особенности классов и сословий. Понятно, что гениальные сотрудники нашей власти, о которых я веду речь, будут взяты не из числа гоев, которые привыкли исполнять свою административную работу, не задаваясь мыслью, что ею надо достигнуть, не думая о том, на что

---

[1] Всеобщая война уже разразилась; громы японских пушек мы слышали; американскую помощь японцам деньгами и Портсмутским миром мы видели. Не видали еще открытого совместного действия Китая, Америки и Японии, но по некоторым признакам можно предвидеть и такую коалицию.

P. S. Прошу заметить, что «Протоколы» были в моих руках ранее Русско-Японской войны.

она нужна. Администраторы гоев подписывают бумаги, не читая их, служат же из корысти или из честолюбия.

Экономисты и миллионеры

Мы окружим свое правительство целым миром экономистов. Вот отчего экономические науки составляют главный предмет преподавания евреям. Нас будет окружать целая плеяда банкиров, промышленников, капиталистов, а главное, миллионеров, потому что, в сущности, все будет разрешено вопросом цифр[1].

Кому поручат ответственные посты в правительстве

На время, пока еще будет не безопасно вручить ответственные посты в государствах нашим братьям-евреям[2], мы их будем поручать лицам, прошлое и характер которых таковы, что между ними и народом легла пропасть, таким людям, которым, в случае непослушания нашим предписаниям, остается ждать или суда, или ссылки — сие для того, чтобы они защищали наши интересы до последнего своего издыхания.

Протокол № 9

Применение масонских принципов в деле воспитания народов

Применяя наши принципы, обращайте внимание на характер народа, в стране которого вы будете находиться и действовать; общее, одинаковое их применение, ранее перевоспитания народа на наш лад, не может иметь успеха. Но, шествуя в применении их осторожно, вы увидите, что не пройдет и десятка лет[3], как самый упорный характер изменится, и мы зачислим новый народ в ряды уже покорившихся нам.

Масонский пароль

Слова либерального, в сущности, нашего масонского пароля — «свобода, равенство, братство»,— когда мы воцаримся, мы заменим словами не пароля уже, а лишь идейности: «Право свободы, долг равенства, идеал братства»,— скажем мы и... и поймаем козла за рога... В сущности, мы уже стерли всякое правление, кроме нашего; ныне если какие-

---

[1] Какое, поистине, ужасное ожидает разочарование все эти адские планы, когда исполнится предвиденное Пр. Ефремом Сириным время, и «небо не захочет дать дождя, а земля — ни жатвы, ни плодов»!

[2] Теперь, видимо, что стало безопасно.

[3] Министерство Витте находилось у нас немногим более 10 лет.

либо государства поднимают протест против нас, то это для формы и по нашему усмотрению и распоряжению, ибо их антисемитизм нам нужен для управления нашими меньшими братьями. Не буду этого разъяснять, ибо это было уже предметом неоднократных наших бесед.

Диктатура масонства

В действительности для нас нет препятствий. Наше Сверхправительство находится в таких экстралегальных условиях, которые принято называть энергичным и сильным словом — диктатура. Я могу по совести сказать, что в данное время мы — законодатели, мы творим суд и расправу, мы казним и милуем, мы как шеф всех наших войск сидим на предводительском коне. Мы правим сильною волею, потому что у нас в руках осколки когда-то сильной партии, ныне покоренной нами. В наших руках неудержимые честолюбия, жгучие жадности, беспощадные мести, злобные ненависти.

Террор. Кто служит масонству?

От нас исходит всеохватывающий террор. У нас в услужении люди всех мнений, всех доктрин: реставраторы монархии, демагоги, социалисты, коммунары и всякие утописты[1]. Мы всех запрягли в работу: каждый из них со своей стороны подтачивает последние остатки власти, старается свергнуть все установленные порядки. Этими действиями все государства замучены; они взывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего интернационального Сверхправительства открыто, с покорностью.

Народ завопил о необходимости разрешить социальный вопрос путем международного соглашения. Раздробление на партии предоставило их всех в наше распоряжение, так как, для того чтобы вести соревновательную борьбу, надо иметь деньги, а они все у нас.

Разделение «зрячей» и «слепой» сил гоевских царств

Мы могли бы бояться соединения гоевской зрячей силы царствующих со сле-

[1] Только не христиане, нелицемерно преданные Церкви и нераскрывающие пред внешними «наготы отчей», не ищущие у внешних суда над Матерью своею — Церковью.

пой силой народной, но нами приняты все меры против такой возможности: между тою и другою силой нами воздвигнута стена в виде взаимного между ними террора. Таким образом, слепая сила народа остается нашей опорой, и мы, только мы, будем ей служить руководителем и, конечно, направим ее к нашей цели.

Общение власти с народом

Чтобы рука слепого не могла освободиться от нашего руководства, мы должны по временам находиться в тесном общении с ним, если не лично, то через самых верных братьев наших. Когда мы будем признанной властью, то мы с народом будем беседовать лично на площадях и будем его учить по вопросам политики в том направлении, какое нам понадобится.

Как проверить, что ему преподают в деревенских школах? А что скажет посланник правительства или сам царствующий, то не сможет не стать известным тотчас всему государству, ибо быстро будет разнесено голосом народа.

Либеральный произвол

Чтобы не уничтожать раньше времени гоевских учреждений, мы коснулись их умелой рукой и забрали в свои руки концы пружин их механизма. Пружины эти были в строгом, но справедливом порядке, а мы его заменили либеральным беспорядочным произволом. Мы затронули юрисдикцию, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное образование и воспитание, как краеугольные камни свободного бытия.

Ложные теории

Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредством воспитания в заведомо для нас ложных, но нами внушенных принципах и теориях.

Толкование законов

Сверх существующих законов, не изменяя их существенно, а лишь исковеркав их противоречивыми толкованиями, мы создали нечто грандиозное в смысле результатов. Эти результаты выразились сначала в том, что толкования замаскировали законы, а затем и совсем закрыли их от взоров правительств невозможностью ведать такое запутанное законодательство.

Отсюда — теория суда совести.

Вы говорите, на нас поднимутся с оружием в руках, если раскусят, в чем дело, раньше времени; но для этого у нас на западе такой терроризирующий маневр, что самые храбрые души дрогнут: метрополитеновые подземные ходы[1] — коридоры будут к тому времени проведены во всех столицах, откуда они будут взорваны со всеми своими организациями и документами стран.

Протокол № 10

Показное в политике

Сегодня начинаю с повторения уже сказанного и прошу вас помнить, что правительства и народы в политике довольствуются показным. Да и где им разглядывать подкладку вещей, когда их представителям важнее всего веселиться. Для нашей политики весьма важно ведать эту подробность: она нам поможет при переходе к обсуждению разделения власти, свободы слова, прессы, религии (веры), права ассоциации, равенства перед законом, неприкосновенности собственности, жилища, налога (идея о скрытом налоге), обратной силы законов. Все эти вопросы таковы, что их прямо и открыто для народа не следует никогда касаться. В тех случаях, когда необходимо их коснуться, надо не перечислять их, а заявлять без подробного изложения, что принципы современного права признаются нами. Значение этого умолчания заключается в том, что неназванный принцип оставляет нам свободу действий исключать то или другое из него неприметно; при перечислении же их, они являются все как бы уже дарованными.

«Гениальность» подлости

Народ питает особую любовь и уважение к гениям политической мощи и на все их насильственные действия отвечает: подло-то подло, но ловко!.. фокус, но как сыгран, сколь величественно нахально!..

Мы рассчитываем привлечь все нации к работе возведения нового фундаментального здания, которое нами проектировано. Вот почему нам прежде всего необходимо

---

[1] В России, в столицах, эти подземные трамвайные ходы еще не устроены, но попытки «международного» комитета их устроить в Петербурге и Москве уже были.

запастись и заручиться той прямо безшабашной удалью и мощью духа, которая в лице наших деятелей сломит все препятствия на нашем пути.

Что обещает масонский государственный переворот? Когда мы совершим наш государственный переворот, мы скажем тогда народам: «все шло ужасно плохо, все исстрадались. Мы разбиваем причины ваших мук: народности, границы, разномонетность. Конечно, вы свободны произнести над нами приговор, но разве он может быть справедливым, если он будет вами утвержден прежде, чем испытаете то, что мы вам дадим»... Тогда они нас вознесут и на руках понесут в единодушном восторге, надежде и уповании. Голосование, которое мы сделали орудием нашего воцарения, приучив к нему даже самые мелкие единицы из числа членов человечества составлением групповых собраний и соглашений, отслужит свою службу и сыграет на этот раз свою последнюю роль единогласием, в желании ознакомиться с нами поближе, прежде чем осудить.

Всеобщее голосование Для того нам надо привести всех к голосованию, без различия классов и ценза, чтобы установить абсолютизм большинства, которого нельзя добиться от интеллигентных цензовых классов. Таким порядком приучив всех к мысли о самозначении, мы сломаем значение гоевской семьи и ее воспитательную цену, устраним выделение индивидуальных умов, которым толпа, руководимая нами, не дает ни выдвинуться, ни даже высказаться: она привыкла слушать только нас, платящих ей за послушание и внимание. Этим мы создадим такую слепую мощь, которая никогда не будет в состоянии никуда двинуться помимо руководства наших агентов, поставленных нами на место ее лидеров.

Лидеры масонства Народ подчинится этому режиму, потому что будет знать, что от этих лидеров будут зависеть заработки, подачки и получение всяких благ.

Гениальный руководитель масонства

План управления должен выйти готовым из одной головы, потому что его не скрепишь, если допустить его раздробление на клочки во многочисленных умах. Поэтому нам можно ведать план действий, но не обсуждать его, чтобы не нарушить его гениальности, связи его составных частей, практической силы тайного значения каждого его пункта. Если обсуждать и изменять подобную работу многочисленным голосованием, то она понесет на себе печать всех умственных недоразумений, не проникших в глубину и связь ее замыслов. Нам нужно, чтобы планы наши были сильны и целесообразно задуманы. Поэтому нам не следует бросать гениальной работы нашего руководителя на растерзание толпы или даже ограниченного общества.

Эти планы не перевернут пока вверх дном современных учреждений. Они только заменят их экономию, а следовательно, всю комбинацию их шествия, которое, таким образом, направится по намеченному в наших планах пути.

Учреждения и их функции

Под разными названиями во всех странах существует приблизительно одно и то же. Представительство, Министерство, Сенат, Государственный Совет, Законодательный и Исполнительный Корпус. Мне не нужно пояснять вам механизма отношений этих учреждений между собою, так как это вам хорошо известно; обратите только внимание на то, что каждое из названных учреждений отвечает какой-либо важной государственной функции, причем прошу вас заметить, что слово «важный» я отношу не к учреждению, а к функции, следовательно, не учреждения важны, а важны функции их. Учреждения поделили между собою все функции управления — административную, законодательную, исполнительную, поэтому они стали действовать в государственном организме, как органы в человеческом теле. Если повредим одну часть в государственной машине, государство заболеет, как человеческое тело, и... умрет.

Яд либерализма

Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельною болезнью — разложением крови. Остается ожидать конца их агонии.

Конституция — школа партийных раздоров. Республиканская эра. Президенты — креатура масонства

От либерализма родились конституционные государства, заменившие спасительное для гоев Самодержавие, а конституция, как нам хорошо известно, есть не что иное, как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций, партийных тенденций — одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Трибуна не хуже прессы приговорила правителей к бездействию и к бессилию и тем сделала их ненужными, лишними, отчего они и были во многих странах свергнуты. Тогда стало возможным возникновение республиканской эры, и тогда мы заменили правителя карикатурой правительства — президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур, наших рабов. В этом было основание мины, подведенной нами под гоевский народ или, вернее, под гоевские народы.

Ответственность президентов

В близком будущем мы учредим ответственность президентов.

Тогда мы уже не станем церемониться в проведении того, за что будет отвечать наша безличная креатура. Что нам до того, если разделятся ряды стремящихся к власти, что наступят замешательства от ненахождения президентов, замешательства, которые окончательно дезорганизуют страну...

«Панама». Роль палаты депутатов и президента

Чтобы привести наш план к такому результату, мы будем подстраивать выборы таких президентов, у которых в прошлом есть какое-нибудь не раскрытое темное дело, какая-нибудь «панама» — тогда они будут верными исполнителями наших предписаний из боязни разоблачений и из свойственного всякому человеку, достигшему власти, стремления удержать за собою привилегии, преимущества и почет, связанный со званием президента. Палата депутатов будет прикрывать, защищать, избирать президентов, но мы у нее отнимем право предложения законов, их изменения, ибо это право будет нами предоставлено ответственному президенту, кукле в руках наших. Конечно, тогда власть президента станет мишенью для всевозможных нападок, но мы ему дадим самозащиту в праве обращения к народу, к его решению,

помимо его представителей, т. е. к тому же нашему слепому прислужнику — большинству из толпы. Независимо от этого мы предоставим президенту право объявления военного положения. Это последнее право мы будем мотивировать тем, что президент, как шеф всей армии страны, должен иметь ее в своем распоряжении на случай защиты новой республиканской конституции, на защиту которой он имеет право, как ответственный представитель этой конституции.

Масонство — законодательная сила

Понятно, при таких условиях ключ от святилища будет находиться в руках наших и никто, кроме нас, не будет уже руководить законодательной силой.

Новая республиканская конституция

Кроме того, мы отнимем у Палаты со введением новой республиканской конституции права запроса о правительственных мероприятиях под предлогом сохранения политической тайны, да помимо того новой конституцией мы сократим число представителей до минимума, чем сократим настолько же политические страсти и страсть к политике. Если же они, паче чаяния, возгорятся и в этом минимуме, то мы их сведем на нет воззванием и обращением ко всенародному большинству...

От президента будет зависеть назначение президентов и вице-президентов Палаты и Сената. Вместо постоянных сессий парламентов мы сократим их заседания до нескольких месяцев. Кроме того, президент, как начальник исполнительной власти, будет иметь право собрать или распустить парламент и, в случае роспуска, протянуть время до назначения нового парламентского собрания. Но, чтобы последствия от всех этих, по существу, беззаконных действий не пали на установленную нами ответственность президента преждевременно для наших планов, мы дадим министрам и другим окружающим президента чиновникам высшей администрации мысль обходить его распоряжения собственными мерами, за что и подпадать под ответственность вместо него... Эту роль мы особенно рекомендуем давать для исполнения Сенату, Государственному Совету или Совету министров, а не отдельному лицу.

Президент будет, по нашему усмотрению, толковать смысл тех из существующих законов, которые можно использовать различно; к тому же он будет аннулировать их,

когда ему нами будет указана в том надобность; кроме того, он будет иметь право предлагать временные законы и даже новое изменение правительственной конституционной работы, мотивируя как то, так и другое требованиями высшего блага государства.

Переход к масонскому «самодержавию»

Такими мерами мы получим возможность уничтожить мало-помалу, шаг за шагом, все то, что первоначально при вступлении нашем в наши права, мы будем вынуждены ввести в государственные конституции для перехода к незаметному изъятию всякой конституции, когда наступит время.

Момент провозглашения «всемирного царя»

Признание нашего самодержца может наступить и ранее уничтожения конституции: момент этого признания наступит, когда народы, измученные неурядицами и несостоятельностью правителей, нами подстроенною, воскликнут: «Уберите их и дайте нам одного, всемирного царя, который объединил бы нас и уничтожил причины раздоров — границы, национальности, религии, государственные расчеты, который дал бы нам мир и покой, которых мы не можем найти с нашими правителями и представителями».

Прививки болезней и прочие козни масонства

Но вы сами отлично знаете, что для возможности всенародного выражения подобных желаний необходимо беспрестанно мутить во всех странах народные отношения и правительства, чтобы переутомить всех разладом, враждою, борьбою, ненавистью и даже мученичеством, голодом, прививкою болезней, нуждою, чтобы гои не видели другого исхода, как прибегнуть к нашему денежному и полному владычеству...

Если же мы дадим передышку народам, то желательный момент едва ли когда-нибудь наступит.

Протокол № 11

Государственный Совет явится, как подчеркивали власти правителя: он, как показная часть Законодательного корпуса, будет, как бы комитетом редакций законов и указов правителя.

Программа новой конституции

Итак, вот программа новой готовящейся конституции. Мы будем творить За-

кон, Право и Суд: 1) под видом предложений Законодательному корпусу; 2) указами президента под видом общих установлений, постановлений Сената и решений Государственного Совета, под видом министерских постановлений; 3) а в случае наступления удобного момента — в форме государственного переворота.

Некоторые подробности предположенного переворота Займемся подробностями тех комбинаций, которыми нам остается довершить переворот хода государственных машин в вышесказанном направлении. Под этими комбинациями я разумею свободу прессы, право ассоциации, свободу совести, выборное начало и многое другое, что должно будет исчезнуть из человеческого репертуара, или должно будет в корне изменено на другой день после провозглашения новой конституции. Только в этот момент нам возможно будет сразу объявить все наши постановления, ибо после всякое заметное изменение будет опасно и вот почему: если это измнение проведено будет с суровой строгостью и в смысле строгости и ограничений, то оно может довести до отчаяния; вызванного боязнью новых изменений в том же направлении; если же оно произведено будет в смысле дальнейших послаблений, то скажут, что мы сознали свою неправоту, а это подорвет ореол непогрешимости новой власти, или же скажут, что испугались и вынуждены идти на уступки, за которые никто не будет благодарен, ибо будет их считать должными... То и другое вредно для престижа новой конституции. Нам нужно, чтобы с первого момента ее провозглашения, когда народы будут ошеломлены совершившимся переворотом, будут еще находиться в терроре и недоумнии, они осознали, что мы так сильны, так неуязвимы, так исполнены мощи, что мы с ними ни в каком случае не будем считаться и не только не обратим внимания на их мнения и желания, но готовы и способны с непререкаемой властью подавить выражение и проявление их в каждый момент и на каждом месте, что мы все сразу взяли, что нам было нужно, и что мы ни в каком случае не станем делиться с ними нашей властью... Тогда они из страха закроют глаза на все и станут ожидать, что из этого выйдет.

Гои — бараны Гои — баранье стадо, а мы для них волки. А вы знаете, что бывает с овцами, когда в овчарню забираются волки?..

Они закроют глаза на все еще и потому, что мы им

пообещаем вернуть все отнятые свободы после усмирения врагов мира и укрощения всех партий...

Стоит ли говорить о том, сколько времени они будут ожидать этого возврата?..

Тайное масонство и показные его «ложи»

Для чего же мы придумали и внушили гоям всю эту политику, внушили, не дав им возможности разглядеть ее подкладку, для чего, как не для того, чтобы обходом достигнуть того, что недостижимо для нашего рассеянного племени прямым путем. Это послужило основанием для нашей организации тайного масонства, которого не знают, и целей, которых даже и не подозревают скоты гои, привлеченные нами в показную армию масонских лож, для отвода глаз их соплеменникам.

Бог[1] даровал нам, своему избранному народу, рассеяние, и в этой кажущейся для всех слабости нашей и сказалась вся наша сила, которая теперь привела нас к порогу всемирного владычества.

Нам теперь немного уже остается достраивать на заложенном фундаменте.

Протокол № 12

Масонское толкование слова «свобода»

Слово «свобода», которое можно толковать разнообразно, мы определяем так: Свобода есть право делать то, что позволяет закон. Подобное толкование этого слова в то время послужит нам к тому, что вся свобода окажется в наших руках, потому что законы будут разрушать или созидать только желательное нам по вышеизложенной программе.

Будущее прессы в масонском царстве

С прессой мы поступим следующим образом. Какую роль играет теперь пресса? Она служит пылкому разгоранию нужных нам страстей или же эгоистичным партийностям. Она бывает пуста, несправедлива, лжива, и большинство людей не понимает вовсе, чему она служит. Мы ее оседлаем и возьмем в крепкие вожжи, то же сделаем и с остальной печатью, ибо

---

[1] Какой это «бог», читатель увидит из дальнейшего развития настоящего очерка.

какой смысл нам избавляться от нападков прессы, если мы останемся мишенью для брошюры и книги. Мы превратим ныне дорого стоящий продукт гласности, дорогой, благодаря необходимости его цензуры, в доходную статью для нашего государства: мы ее обложим особым марочным налогом и взносами залогов при учреждении органов печати или типографий, которые должны будут гарантировать наше правительство от всяких нападений со стороны прессы. За возможное нападение мы будем штрафовать беспощадно. Такие меры, как марки, залоги и штрафы, ими обеспеченные, принесут огромный доход правительству.. Правда, партийные газеты могли бы не пожалеть денег, но мы их будем закрывать по второму нападению на нас. Никто безнаказанно не будет касаться ореола нашей правительственной непогрешимости. Предлог для прекращения издания — закрываемый-де, орган волнует умы без повода и основания. Прошу вас заметить, что среди нападающих на нас будут и нами учрежденные органы, что *они будут нападать исключительно на пункты, предназначенные нами к изменению.*

Контроль над прессой

Ни одно оповещение не будет проникать в общество без нашего контроля. Это и теперь уже нами достигается тем, что все новости получаются несколькими агентствами, в которых они централизуются со всех концов света. Эти агентства будут тогда уже всецело нашими учреждениями и будут оглашать только то, что мы им предпишем.

Корреспондентские агентства

Если теперь мы сумели овладеть умами гоевских обществ до той степени, что все они почти смотрят на мировые события сквозь цветные стекла тех очков, которые мы им надеваем на глаза, если теперь для нас ни в одном государстве не существует запоров, преграждающих нам доступ к так называемым гоевской глупостью государственным тайнам, то что же будет тогда, когда мы будем признанными владыками мира в лице нашего всемирного царя?!.

Вернемся к будущности печати. Каждый пожелавший быть издателем, библиотекарем или типографщиком, будет вынужден добыть на это дело установленный диплом, который, в случае провинности, немедленно же будет отобран.

Что такое «прогресс» в понятии масонства?

При таких мерах орудие мысли станет воспитательным средством в руках нашего правительства, которое уже не допустит народную массу заблуждаться в дебрях и мечтах о благодеяниях прогресса. Кто из нас не знает, что эти призрачные благодеяния — прямые дороги к нелепым мечтаниям, от которых родились анархические отношения людей между собою и к власти, потому что прогресс, или, лучше сказать, идея прогресса, навела на мысль о всякого рода эмансипации, не установив ее границы... Все так называемые либералы суть анархисты если не дела, то мысли. Каждый из них гоняется за призраками свободы, впадая исключительно в своеволие, т. е. в анархию протеста ради протеста...

Еще о прессе

Перейдем к прессе. Мы ее обложим, как и всю печать, марочными сборами с листа и залогами, а книги, имеющие менее 30 листов,— в двойном размере. Мы их запишем в разряд брошюр, чтобы, с одной стороны, сократить число журналов, которые собой представляют худший печатный яд, а с другой — эта мера вынудит писателей к таким длинным произведениям, что их будут мало читать, особенно при их дороговизне. То же, что мы будем издавать сами на пользу умственного направления в намеченную нами сторону, будет дешево и будет читаться нарасхват. Налог угомонит пустое литературное влечение, а наказуемость поставит литераторов в зависимость от нас. Если и найдутся желающие писать против нас, то не найдется охотников печатать их произведения. Прежде чем принять для печати какое-либо произведение, издатель или типографщик должен прийти ко властям просить разрешение на это. Таким образом, нам заранее будут известны готовящиеся против нас козни, и мы их разобъем, забежав вперед с объяснениями на трактуемую тему.

Литература и журналистика — две важнейшие воспитательные силы, вот почему наше правительство сделается собственником большинства журналов. Этим будет нейтрализовано вредное влияние частной прессы и приобретется громадное влияние на умы... Если мы разрешим десять журналов, то сами учредим тридцать, и так далее в том же роде. Но этого отнюдь не должны подозревать в публике, почему и все издаваемые нами журналы будут

самых противоположных по внешности направлений и мнений, что возбудит к ним доверие и привлечет к ним наших, ничего не подозревающих противников, которые, таким образом, попадутся в нашу западню и будут обезврежены.

На первом плане поставятся органы официального характера. Они будут всегда стоять на страже наших интересов, и потому их влияние будет сравнительно ничтожно.

На втором — станут официозны, роль которых будет заключаться в привлечении равнодушных и тепленьких.

На третьем — мы поставим как бы нашу оппозицию, которая хотя бы в одном из своих органов будет представлять собою как бы наш антипод. Наши действительные противники в душе примут эту кажущуюся оппозицию за своих и откроют нам свои карты[1].

Все наши газеты будут всевозможных направлений — аристократического, республиканского, революционного, даже анархического — пока, конечно, будет жить конституция... Они, как индийский божок Вишну, будут иметь сто рук, из которых каждая будет щупать пульс у любого из общественных мнений. Когда пульс ускорится, тогда эти руки поведут мнение по направлению к нашей цели, ибо разволновавшийся субьект теряет рассудительность и легко поддается внушению. Те дураки, которые будут думать, что повторяют мнение газеты своего лагеря, будут повторять наше мнение или то, которое нам желательно. Воображая, что они следуют за органом своей партии, они пойдут за тем флагом, который мы вывесим для них.

Чтобы направлять в этом смысле наши газетные милиции, мы должны особенно тщательно организовать это дело. Под названием центрального отделения печати мы учредим литературные собрания, в которых наши агенты будут незаметно давать пароль и сигналы. Обсуждая и противореча нашим начинаниям всегда поверхностно, не затрагивая существа их, наши органы будут вести пустую перестрелку с официальными газетами для того только, чтобы дать нам повод высказаться более подробно, чем мы могли бы это сделать в первоначальных официальных заявлениях. Конечно, когда это для нас будет выгодно.

Нападки эти на нас сыграют еще и ту роль, что подданные будут уверены в полной свободе свободоговорения, а нашим агентам это даст повод утверждать, что выступающие против нас органы пустословят, так как не могут

---

[1] Едва ли это не практикуется теперь даже и в России.

найти настоящих поводов к существенному опровержению наших распоряжений.

Такие незаметные для общественного внимания, но верные мероприятия всего успешнее поведут общественное внимание и доверие в сторону нашего правительства. Благодаря им мы будем по мере надобности возбуждать и успокаивать умы в политических вопросах, убеждать или сбивать с толку, печатая то правду, то ложь, данные или их опровержения, смотря по тому, хорошо или дурно они приняты, всегда осторожно ощупывая почву, прежде чем на нее ступить... Мы будем побеждать наших противников наверняка, так как у них не будет в распоряжении органов печати, в которых они могли бы высказаться до конца, вследствие вышесказанных мероприятий против прессы. Нам не нужно будет даже опровергать их до основания...

Пробные камни, брошенные нами в третьем разряде нашей прессы, в случае надобности, мы будем энергично опровергать в официозах.

Масонская солидарность в современной прессе

Уже и ныне в формах хотя бы французской журналистики существует масонская солидарность в пароле: все органы печати связаны между собою профессиональной тайной; подобно древним авгурам, ни один член ее не выдаст тайны своих сведений, если не постановлено их оповестить. Ни один журналист не решится предать этой тайны, ибо ни один из них не допускается в литературу без того, чтобы все прошлое его не имело бы какой-нибудь постыдной раны... Эти раны были бы тотчас же раскрыты. Пока эти раны составляют тайну немногих, ореол журналиста привлекает мнение большинства страны — за ним шествуют с восторгом.

Возбуждение провинциальных «общественных» требований

Наши расчеты особенно простираются на провинцию. В ней нам необходимо возбудить те упования и стремления, с которыми мы всегда могли бы обрушиться на столицу, выдавая их столицам за самостоятельные упования и стремления провинции. Ясно, что источник их будет все тот же — наш. Нам нужно, чтобы иногда, пока мы еще не в полной власти, столицы оказывались окутанными провинциальным мнением народа, т. е. большинства, подстроенного нашими агентами. Нам нужно, чтобы столицам в психологический момент не пришлось бы осуждать совершившегося факта уже по одному тому, что он принят мнением провинциального большинства.

Непогрешимость нового режима Когда мы будем в периоде нового режима, переходного к нашему воцарению, нам нельзя будет допускать разоблачения прессой общественной бесчестности; надо, чтобы думали, что новый режим так всех удовлетворил, что даже преступность иссякла... Случаи проявления преступности должны оставаться в ведении их жертв и случайных свидетелей — не более.

Протокол № 13

Нужда в насущном хлебе Нужда в насущном хлебе заставляет гоев молчать и быть нашими покорными слугами. Взятые в нашу прессу из их числа агенты будут обсуждать по нашему приказу то, что нам неудобно издавать непосредственно в официальных документах, а мы тем временем под шумок поднявшегося обсуждения возьмем да и проведем желательные нам меры и поднесем их публике как совершившийся факт. Никто не посмеет требовать отмены раз разрешенного, тем более что оно будет представлено как улучшение... А тут пресса отвлечет мысли на новые вопросы (мы ведь приучили людей искать все нового).

Вопросы политики На обсуждение этих новых вопросов набросятся те из безмозглых вершителей судеб, которые до сих пор не могут понять, что они ничего не смыслят в том, что берутся обсуждать. Вопросы политики никому не доступны, кроме руководящих ею уже много веков создателей ее.

Из всего этого вы увидите, что, добиваясь мнения толпы, мы только облегчаем ход нашего механизма, и вы можете заметить, что не действиям, а словам, выпущенным нами по тому или другому вопросу, мы как бы ищем одобрения. Мы постоянно провозглашаем, что руководимся во всех наших мероприятиях надеждой, соединенной с уверенностью послужить общему благу.

Вопросы промышленности Чтобы отвлечь слишком беспокойных людей от обсуждения вопросов политики, мы теперь проводим новые якобы вопросы ее — вопросы промышленности. На этом поприще пусть себе бесну-

ются! Массы соглашаются бездействовать, отдыхать от якобы политической деятельности (к которой мы же их приучили, чтобы бороться при их посредстве с гоевскими правительствами) лишь под условием новых занятий, в которых мы им указываем как бы то же политическое направление.

Увеселения. Народные дома

Чтобы они сами до чего-нибудь не додумались, мы их еще отвлекаем увеселениями, играми, забавами, страстями, народными домами... Скоро мы станем через прессу предлагать конкурсные состязания в искусстве, спорте всех видов: эти интересы отвлекут окончательно умы от вопросов, на которых нам пришлось бы с ними бороться. Отвыкая все более и более от самостоятельного мышления, люди заговорят в унисон с нами, потому что мы одни станем предлагать новые направления мысли... конечно, через таких лиц, с которыми нас не почтут солидарными.

Истина одна

Роль либеральных утопистов будет окончательно сыграна, когда наше правление будет признано. До тех пор они нам сослужат хорошую службу. Поэтому мы еще будем направлять умы на всякие измышления фантастических теорий, новых и якобы прогрессивных: ведь мы с полным успехом вскружили прогрессом безмозглые гоевские головы и нет среди гоев ума, который бы увидел, что под этим словом кроется отвлечение от истины во всех случаях, где дело не касается материальных изобретений, ибо истина одна, в ней нет места прогрессу. Прогресс, как ложная идея, служит к затмению истины, чтобы никто ее не знал, кроме нас, Божиих избранников, хранителей ее.

Великие проблемы

Когда мы воцаримся, то наши ораторы будут толковать о великих проблемах, которые переволновали бы человечество для того, чтобы его в конце концов привести к нашему благому правлению.

Кто заподозрит тогда, что все эти проблемы были подстроены нами по политическому плану, которого никто не раскусил в течение многих веков?!..

Протокол № 14

Религия будущего

Когда мы воцаримся, нам не желательно будет существование другой религии, кроме нашей о едином боге, с которым наша судьба связана нашим избранничеством и которым та же наша судьба объединена с судьбами мира. Поэтому мы должны разрушить всякие верования. Если от этого родятся современные атеисты, то как переходная ступень это не помешает нашим видам, а послужит примером для тех поколений, которые будут слушать проповеди наши о религии Моисея, приведшей своей стойкой и обдуманной системой к покорению нам всех народов. В этом мы подчеркнем и мистическую ее правду, в которой, скажем мы, основывается вся ее воспитательная сила...

Будущее крепостное право

Тогда при каждом случае мы будем публиковать статьи, в которых будем сравнивать наше благое правление с прошлыми. Благодеяние покоя, хотя и вынужденного веками волнений, послужит к новому рельефу сказанного блага. Ошибки гоевских администраций будут описываться нами в самых ярких красках. Мы посеем такое к ним отвращение, что народы предпочтут покой в крепостном состоянии правам пресловутой свободы, столь их измучившим, истощившим самые источники человеческого существования, которые эксплуатировались толпою проходимцев, не ведавших, что творят... Бесполезные перемены правлений, к которым мы подбивали гоев, когда подкапывали их государственные здания, до того надоедят к тому времени народам, что они предпочтут терпеть от нас все, лишь бы не рисковать переиспытывать пережитые волнения и невзгоды. Мы же особенно будем подчеркивать исторические ошибки гоевских правлений, столько веков промучивших человечество отсутствием сообразительности во всем, что касается истинного его блага, в погоне за фантастическими проектами социальных благ, не замечая, что эти проекты все более ухудшали, а не улучшали положение всеобщих отношений, на которых основывается человеческая жизнь...

Вся сила наших принципов и мероприятий будет заключена в том, что они нами выставятся и истолкуются как яркий контраст разложившимся старым порядкам общественного строя.

Недоступность познания тайн религии будущего

Наши философы будут обсуждать все недостатки гоевских верований, но никто никогда не станет обсуждать нашу веру с ее истинной точки зрения, так как ее никто основательно не узнает, кроме наших, которые никогда не посмеют выдать ее тайны...

Порнография и будущее печатного слова

В странах, называемых передовыми, мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу. Еще некоторое время после вступления нашего во власть мы станем поощрять ее существование, чтобы она рельефнее обрисовала контраст речей, программ, которые раздадутся с высот наших... Наши умные люди, воспитанные для руководства гоями, будут составлять речи, проекты, записки, статьи, которыми мы будем влиять на умы, направляя их к намеченным нами понятиям и знаниям.

Протокол № 15

Однодневный мировой переворот

Когда мы наконец окончательно воцаримся при помощи государственных переворотов, всюду подготовленных к одному и тому же дню, после окончательного признания негодности всех существующих правительств (а до этого пройдет еще немало времени, может быть, и целый век), мы постараемся, чтобы против нас уже не было заговоров. Для этого мы немилосердно казним всех, кто встретит наше воцарение с оружием в руках.

Казни

Всякое новое учреждение какого-либо тайного общества будет тоже наказано смертной казнью, и те из них, которые ныне существуют, нам известны и нам служат и служили, мы раскассируем и вышлем в далекие от Европы континенты.

Будущая участь гоев-масонов

Так мы поступим с теми гоями из масонов, которые слишком много знают; те же, которых мы почему-либо помилуем, будут оставаться в постоянном страхе перед высылкой. Нами будет издан закон, по которому все бывшие участники тайных обществ

подлежат изгнанию из Европы, как центра нашего управления.

Решения нашего правительства будут окончательны и безапелляционны.

Мистичность власти

В гоевских обществах, в которых мы посеяли такие глубокие корни разлада и протестантизма, возможно водворить порядок только беспощадными мерами, доказывающими неукоснительную власть: нечего смотреть на падающие жертвы, приносимые для будущего блага. В достижении блага, хотя бы путем жертвоприношения, заключена обязанность всякого правления, которое сознает, что не в привилегиях только, но и в обязанностях состоит его существование. Главное дело — для незыблемости правления — укрепление ореола могущества, а ореол этот достигается только величественной непоколебимостью власти, которая носила бы на себе признаки неприкосновенности от мистических причин — от Божьего избрания. Таково было до последнего времени русское Самодержавие — единственный в мире серьезный враг наш, если не считать Папства. Вспомните пример того, как залитая кровью Италия не коснулась волоса с головы Силлы, который пролил эту кровь: Силла обоготворился своею мощью в глазах народа, хотя и истерзанного им, а мужественное его возвращение в Италию ставило его вне прикосновенности... Народ не касается того, кто гипнотизирует его своею храбростью и силой духа.

Размножение масонских лож

Пока же до нашего воцарения мы, напротив, создадим и размножим франкмасонские ложи во всех странах мира, втянем в них всех, могущих быть и существующих выдающихся деятелей, потому что в этих ложах будет главное справочное место и влияющее средство.

Центральное управление «мудрецов»

Все эти ложи мы централизуем под одно (одним нам известное, всем же остальным неведомое) управление, которое состоит из наших мудрецов. Ложи будут иметь своего представителя, прикрывающего собою сказанное управление масонства, от которого будет исходить пароль и программа. В этих ложах мы завяжем узел всех революционных и либеральных элементов. Состав их будет состоять из всех слоев общества. Самые тайные политические замыслы будут нам

известны и попадут под наше руководство в самый день их возникновения.

«Азефовщина» В числе членов этих лож будут все почти агенты международной и национальной полиции, так как ее служба для нас незаменима в том отношении, что полиция может не только посвоему распорядиться с непокорными, но и прикрыть наши деяния, создавать предлоги к неудовольствиям и т. д.

Масонство как руководитель всех тайных обществ В тайные общества обыкновенно поступают всего охотнее аферисты, карьеристы и вообще люди, по большей части легкомысленные, с которыми нам будет нетрудно вести дело и ими заводить механизм проектированной нами машины... Если этот мир замутится, то это будет означать, что нам нужно было его замутить, чтобы расстроить слишком большую его солидарность. Если же среди него возникнет заговор, то во главе него встанет не кто иной, как один из вернейших слуг наших. Естественно, что мы, а никто другой поведем масонские действия, ибо мы знаем, куда ведем, знаем конечную цель всякого действия, гои же не ведают ничего, даже непосредственного результата: они задаются, обыкновенно, минутным расчетом удовлетворения самолюбия в исполнении задуманного, не замечая даже того, что самый замысел не принадлежал их инициативе, а нашему наведению на мысль.

Значение публичного успеха Гои идут в ложи из любопытства или в надежде при их помощи пробраться к общественному пирогу, а некоторые для того, чтобы иметь возможность высказать перед публикой свои несбыточные и беспочвенные мечтания: они жаждут эмоции успеха и рукоплесканий, на которые мы весьма щедры. Мы затем и даем им этот успех, чтобы пользоваться отсюда рождающимся самообольщением, с которым люди незаметно воспринимают наши внушения, не остерегаясь их, в полной уверенности, что их непогрешимость выпускает свои мысли, а воспринять чужих уже не может... Вы не можете себе представить, как умнейших из гоев можно привести к бессознательной наивности при условии самообольщения и вместе с тем, как легко их обескуражить малейшей неудачей, хотя бы прекращением аплодисментов, и привести к рабьему повиновению ради возобновления успеха... Насколько наши пренебрегают успехом, лишь

бы провести свои планы, настолько гои готовы пожертвовать всякими планами, лишь бы получить успех. Эта их психология значительно облегчает нам задачу их направления. Эти тигры по виду имеют бараньи души, а в головах их ходит сквозной ветер. Мы посадили их на конька мечты о поглощении человеческой индивидуальности символической единицей коллективизма...

Коллективизм

Они еще не разобрались и не разберутся в той мысли, что этот конек есть явное нарушение главнейшего закона природы, создавшей с самого сотворения мира единицу, непохожую на другие, именно, в целях индивидуальности...

Если мы могли привести их к такому безумному ослеплению, то не доказывает ли это с поразительной ясностью, до какой степени ум гоев человечески не развит по сравнению с нашим умом?! Это-то, главным образом, и гарантирует наш успех.

Жертвы

Насколько же были прозорливы наши древние мудрецы, когда говорили, что для достижения серьезной цели не следует останавливаться перед средствами и считать число жертв, приносимых ради этой цели... Мы не считали жертв из числа семени скота — гоев, хотя и пожертвовали многими из своих, но зато и теперь уже дали им такое положение на земле, о котором они и мечтать не могли. Сравнительно немногочисленные жертвы из числа наших оберегли нашу народность от гибели.

Казни масонов

Смерть есть неизбежный конец для всякого. Лучше этот конец приблизить к тем, кто мешает нашему делу, чем к нашим, к нам, создателям этого дела. Мы казним масонов так, что никто, кроме братии, об этом заподозрить не может, даже сами жертвы казни: все они умирают, когда это нужно, как бы от нормального заболевания... Зная это, даже братья в свою очередь не смеют протестовать. Такими мерами мы вырвали из среды масонства самый корень протеста против наших распоряжений. Проповедуя гоям либерализм, мы в то же время держим свой народ и наших агентов в неукоснительном послушании.

Падение престижа законов и власти

Под нашим влиянием исполнение гоевских законов сократилось до минимума.

Престиж закона подорван либеральными толкованиями, введенными нами в эту сферу. В важнейших политических и принципиальных делах и вопросах суды решают, как мы им предписываем, видят дела в том свете, каким мы их облекаем для гоевской администрации, конечно, через подставных лиц, с которыми общего как бы не имеем,— газетным мнением или другими путями... Даже сенаторы и высшая администрация слепо принимают наши советы. Чисто животный ум гоев не способен к анализу и наблюдению, а тем более к предвидению того, к чему может клониться известная постановка вопроса.

Педызбранничество

В этой разнице способности мышления между гоями и нашими можно ясно узреть печать избранничества и человечности, в отличие от инстинктивного животного ума гоев. Они зрят, но не предвидят и не изобретают (разве только материальные вещи). Из этого ясно, что сама природа предназначила нам руководить и править миром.

Краткость и ясность законов будущего царства

Когда наступит время нашего открытого правления, время проявлять его благотворность, мы переделаем все законодательства: наши законы будут кратки, ясны, незыблемы без всяких толкований, так что их всякий будет в состоянии твердо знать. Главная черта, которая будет в них проведена,— это послушание начальству, доведенное до грандиозной степени. Тогда всякие злоупотребления иссякнут вследствие ответственности всех до единого перед высшей властью представителя власти.

Меры против злоупотребления властью

Злоупотребления же властью, лежащей ниже этой последней инстанции, будут так беспощадно наказываться, что у всякого отпадет охота экспериментировать свои силы. Мы будем неукоснительно следить за каждым действием администрации, от которой зависит ход государственной машины, ибо распущенность в ней порождает распущенность всюду: ни один случай незаконности или злоупотребления не останется без примерного наказания.

Жестокость наказания

Укрывательство, солидарное попустительство между служащими в администрации — все это зло исчезнет после первых же примеров сурового наказания. Ореол нашей власти требует целесооб-

разных, т. е. жестоких наказаний за малейшее нарушение, ради личной выгоды, ее высшего престижа. Потерпевший, хотя бы и не в мере своей вины, будет как бы солдатом, падающим на административном поле на пользу Власти, Принципа и Закона, которые не допускают отступления с общественной дороги на личную от самих же правящих общественной колесницей. Например: наши судьи будут знать, что, желая похвастать глупым милосердием, они нарушают закон о правосудии, который создан для примерного назидания людей наказаниями за проступки, а не для выставки духовных качеств судьи... Эти качества уместно показывать в частной жизни, а не на общественной почве, которая представляет собою воспитательную основу человеческой жизни.

Предельный возраст для судей

Наш судебный персонал будет служить не долее 55-летнего возраста, во-первых, потому, что старцы упорнее держатся предвзятых мнений, менее способны повиноваться новым распоряжениям, а во-вторых, потому, что это нам доставит возможность такой мерой достигнуть гибкости перемещения персонала, который этим легче согнется под нашим давлением: кто пожелает задержаться на своем месте, должен будет слепо повиноваться, чтобы заслужить этого. Вообще же наши судьи будут выбираемы нами из среды только тех, которые твердо будут знать, что их роль карать и применять законы, а не мечтать о проявлении либерализма за счет государственного воспитательного плана, как это ныне воображают гои...

Либерализм судей и власти

Мера перемещения будет служить еще и к подрыву коллективной солидарности сослуживцев и всех привяжет к интересам правительства, от которого будет зависеть их судьба. Молодое поколение судей будет воспитано во взглядах о недопущении таких злоупотреблений, которые могли бы нарушить установленный порядок отношений наших подданных между собою.

Ныне гоевские судьи творят поблажки всяким преступлениям, не имея правильного представления о своем назначении, потому что теперешние правители, при определении судей на должность, не заботятся внушить им чувства долга и сознания дела, которое от них требуется. Как животное выпускает своих детей на добычу, так и гои дают своим подданным доходные места, не думая им разъяс-

нить, на что это место создано. От того-то их правления и разрушаются собственными силами, через действия своей же администрации.

Почерпнем же в примере результатов этих действий еще один урок для своего правления.

Мы искореним либерализм из всех важных стратегических постоз нашего управления, от которых зависит воспитание подчиненных нашему общественному строю. На эти посты попадут только те, которые будут воспитаны нами для административного управления.

Мировые деньги

На возможное замечание, что отставка старых служащих будет дорого стоить казне, скажу, во-первых, что им найдут предварительно частную службу взамен теряемой, а во-вторых, замечу, что в наших руках будут сосредоточены все мировые деньги, следовательно, не нашему правительству бояться дороговизны...

Абсолютизм масонства

Наш абсолютизм во всем будет последователен, а потому в каждом своем постановлении наша великая воля будет уважаема и беспрекословно исполняема: она будет игнорировать всякий ропот, всякое недовольство, искореняя всякое проявление их в действии наказанием примерного свойства.

Право кассации

Мы упраздним кассационное право, которое перейдет исключительно в наше распоряжение — в ведение правящего, ибо мы не должны допустить возникновения мысли у народа, чтобы могло состояться неправильное решение нами поставленных судей. Если же что-либо подобное произойдет, то мы сами кассируем решение, но с таким примерным наказанием судьи за непонимание своего долга и назначения, что эти случаи не повторятся... Повторяю, что, ведь, мы будем внать каждый шаг нашей администрации, за которой только и надо следить, чтобы народ был доволен нами, ибо он вправе требовать от хорошего правления и хорошего ставленника.

Патриархальный «вид» власти будущего «правителя»

Обоготворение правителя

Наше правление будет иметь вид патриархальной, отеческой опеки со стороны нашего правителя. Народ наш и подданные увидят в его лице отца, заботящегося о каждой нужде, о каждом дей-

ствии, о каждом взаимоотношении как подданных друг к другу, так и их к правителю. Тогда они настолько проникнутся мыслью, что им невозможно обходиться без этого попечения, что они признают самодержавие нашего правителя с благоговением, близким к обоготворению, особенно, когда убедятся, что наши ставленники не заменяют его властью своею, а лишь слепо исполняют его предписания. Они будут рады, что мы все урегулировали в их жизни, как это делают умные родители, которые хотят воспитывать своих детей в чувстве долга и послушания. Ведь, народы по отношению к тайнам нашей политики вечно несовершеннолетние дети, точно так же, как и их правления...

Право сильного как единственное право

Как видите, я основываю наш деспотизм на праве и долге: право вынуждать исполнение долга есть прямая обязанность правительства, которое есть отец для своих подданных. Оно имеет право сильного для того, чтобы пользоваться им во благо направления человечества к природно-определенному строю — послушанию. Все в мире находится в послушании, если не у людей, то у обстоятельств или у своей натуры, во всяком же случае, у сильнейшего. Так будем же мы этим сильнейшим ради блага.

Мы обязаны, не задумываясь, жертвовать отдельными личностями, нарушителями установленного порядка, ибо в примерном наказании зла лежит великая воспитательная задача.

Царь Израильский — патриарх мира

Когда Царь Израильский наденет на свою священную голову корону, поднесенную ему Европой, он сделается патриархом мира. Необходимые жертвы, им принесенные, вследствие их целесообразности, никогда не достигнут числа жертв, принесенных в течение веков манией величия — соревнованием гоевских правительств.

Наш царь будет находиться в непрестанном общении с народом, говоря ему с трибуны речи, которые молва будет в тот же час разносить на весь мир.

Протокол № 16

Обезвреживание университетов С целью уничтожения всяких коллективных сил, кроме наших, мы обезвредим первую ступень коллективизма — университеты, перевоспитав их в новом направлении. Их начальства и профессора будут подготовляемы для своего дела подробными тайными программами действий, от которых они безнаказанно не отступят ни на йоту. Они будут назначаться с особой осторожностью и будут поставлены в полную зависимость от правительства.

Мы исключим из преподавания государственное право, как и все, что касается политического вопроса. Эти предметы будут преподаваться немногим десяткам лиц, избранным по выдающимся способностям из числа посвященных. Университеты не должны выпускать из своих стен молокососов, стряпающих планы конституции, как комедии или трагедии, занимаясь вопросами политики, в которых и отцы-то их ничего никогда не смыслили.

Плохо направленное ознакомление большого числа лиц с вопросами политики создает утопистов и плохих подданных, как вы сами можете усмотреть из примера всеобщего воспитания в этом направлении гоев. Нам надо было ввести в их воспитание все те начала, которые так блистательно надломили их строй. Когда же мы будем у власти, то мы удалим всякие смущающие предметы из воспитания и сделаем из молодежи послушных детей начальства, любящих правящего, как опору и надежду на мир и покой.

Замена классицизма Классицизм, как и всякое изучение древней истории, в которой более дурных, чем хороших примеров, мы заменим изучением программы будущего. Мы вычеркнем из памяти людей все факты прежних веков, которые нам не желательны, оставив из них только те, которые обрисовывают все ошибки гоевских правлений. Учение о практической жизни, об обязательном строе, об отношении людей друг к другу, об избежании дурных эгоистических примеров, которые сеют заразу зла, и другие подобные вопросы воспитательного характера будут стоять в первых номерах преподавательской программы, составленной по отдельному плану для каждого звания, ни под каким видом не обобщая преподавания. Такая постановка вопроса имеет особую важность,

Воспитание и звание Каждое общественное звание должно быть воспитано в строгих разграничениях, согласно назначению и труду. Случайные гении всегда умели и сумеют проскользнуть в другие звания, но ради этой редкой случайности пропускать в чужие ряды бездарности, отнимая места от присущих этим рядам по рождению и занятию,— совершенное безумие. Вы сами знаете, чем все это кончилось для гоев, допустивших эту вопиющую бессмыслицу.

Отмена свободного преподавания Мы уничтожим всякое свободное преподавание. Учащиеся будут иметь право вместе с родными собираться, как в клубе,— в учебные заведения: во время этих собраний, по праздникам, преподаватели будут читать якобы свободные лекции о вопросах человеческих отношений, о законах примера, о репрессалиях, рождающихся от бессознательных отношений и, наконец, о философии новых теорий, еще не явленных миру.

Новые теории Эти теории мы возведем в догмат веры, как переходную ступень к нашей вере. По окончании изложения нашей программы действий в настоящем и будущем я вам прочту основания этих теорий.

Независимость мысли Словом, зная из многовекового опыта, что люди живут и руководятся идеями, что идеи эти всасываются людьми только при помощи воспитания, даваемого с одинаковым успехом всем возрастам, конечно, только различными приемами, мы поглотим и конфискуем в нашу пользу последние проблески независимости мысли, которую мы уже давно направляем на нужные нам предметы и идеи.

Наглядное обучение Система обуздания мысли уже в действии, в так называемой системе наглядного обучения, имеющей превратить гоев в немыслящих, послушных животных, ожидающих наглядности, чтобы сообразить ее... Во Франции один из лучших наших агентов, Буржуа, уже провозгласил новую программу наглядного воспитания.

Протокол № 17

Адвокатура

Адвокатура создает людей холодных, жестоких, упорных, беспринципных, становящихся во всех случаях на безличную, чисто легальную почву. Они приучили все относить к выгоде защиты, а не к социальному благу ее результатов. Они обыкновенно не отказываются ни от какой защиты, домогаются оправдания во что бы то ни стало, придираясь к мелким загвоздкам юриспруденции: этим они деморализуют суд. Поэтому мы эту профессию поставим в узкие рамки, которые заключат ее в сферу исполнительного чиновничества. Адвокаты будут лишены наравне с судьями права общения с тяжущимися, получая дела только от суда, разбирая их по докладным запискам и документам, защищая своих клиентов после допроса их на суде по выяснившимся фактам. Они будут получать гонорары, невзирая на качество защиты. Это будут простые докладчики дел в пользу правосудия в перевес прокурору, который будет докладчиком в пользу обвинения: это сократит судебный доклад. Таким образом, установится честная, беспристрастная защита, введенная не из интереса, а по убеждению. Это, между прочим, устранит практикующиеся ныне подкупы товарищей, их соглашение дать выигрыш делу только того, кто платит...

Влияние священничества гоев

Священничество гоев мы уже озаботились дискредитировать и этим разорить их миссию, которая ныне могла бы очень мешать. С каждым днем его влияние на народы падает.

Свобода совести

Свобода совести провозглашена теперь всюду, следовательно, нас только годы отделяют от момента полного крушения христианской религии; с другими же религиями мы справимся еще легче, но об этом говорить преждевременно. Мы поставим клерикализм и клерикалов в такие узкие рамки, чтобы их влияние пошло обратно своему прежнему движению.

Папский двор

Когда придет время окончательно уничтожить папский двор, то палец от незримой руки укажет народам в сторону этого двора. Когда же народы бросятся туда, мы выступим как бы за-

щитниками, чтобы не допустить до сильных кровопусканий. Этой диверсией мы проберемся в самые его недра и уже не выйдем оттуда, пока не подточим всю силу этого места.

Царь Иудейский как патриарх — папа

Царь Иудейский будет настоящим папою вселенной, патриархом интернациональной церкви.

Способы борьбы с существующей Церковью

Но, пока мы перевоспитаем юношество в новых переходных верах, а затем и в нашей, мы не затронем открыто существующие церкви, а будем с ними бороться критикой, возбуждающей раскол...

Задачи современной прессы

Вообще же наша современная пресса будет изобличать государственные дела, религии, неспособности гоев, и все это в самых беспринципных выражениях, чтобы всячески унизить их так, как это умеет делать только наше гениальное племя...

Организация полиции. Добровольническая полиция

Наше царство будет апологией божка Вишну, в котором находится олицетворение его — в наших руках будет по пружине социальной машины. Мы будем все видеть без помощи официальной полиции, которая в той форме ее прав, которую мы выработали для гоев, мешает правительствам видеть. При нашей пропускной программе треть подданных наших будет наблюдать за остальными из чувства долга, из принципа добровольной государственной службы. Тогда не будет постыдно быть шпионом и доносчиком, а похвально, но необоснованные доносы будут жестоко наказуемы, чтобы не развелось злоупотребления этим правом.

Наши агенты будут из числа как высшего, так и низшего общества, из среды веселящегося административного класса, издатели, типографы, книгопродавцы, приказчики, рабочие, кучера, лакеи и т. д. Эта бесправная, неуполномоченная на какое-либо самоуправство, а следовательно, безвластная полиция будет только свидетельствовать и докладывать, а проверка ее показаний и аресты будут зависеть от ответственной группы контролеров по делам полиции, самые же аресты будут производить жандармский корпус и городская полиция. Не донесший о виденном и слышанном по вопросам политики тоже будет привлекаться к ответственности за укрывательство, если будет доказано, что он в этом виновен.

Шпионство по образцу кагального шпионажа Подобно тому, как ныне наши братья под собственною ответственностью обязаны доносить кагалу на своих отступников или замеченных в чем-либо противном кагалу, так в нашем всемирном царстве будет обязательно для всех наших подданных соблюдать долг государственной службы в этом направлении.

Злоупотребления властью Такая организация искоренит злоупотребления властью, силой, подкупом — все то, что мы ввели нашими советами, теориями сверхчеловеческих прав в привычки гоев... Но как же нам иначе было бы и добиться увеличения причин к беспорядкам среди их администрации, как не этими путями?!.. В числе этих же путей один из важнейших — это агенты водворения порядка, поставленные в возможность в своей разрушительной деятельности проявлять и развивать свои дурные наклонности — своенравие, своеволие и, в первую голову, взяточничество.

Протокол № 18

Меры охраны Когда нам нужно будет усилить строгие меры охраны (страшнейший яд для престижа власти), мы устроим симуляцию беспорядков или проявление неудовольствий, выражаемых при содействии хороших ораторов. К этим ораторам примкнут сочувствующие. Это даст нам повод к обыскам и надзору со стороны наших слуг из числа гоевской полиции...

Наблюдения в среде заговорщиков. Открытая охрана — гибель власти Так как большинство заговорщиков действуют из любви к искусству, говорения ради, то до проявления с их стороны действий мы их не будем тревожить, а лишь введем в их среду наблюдательные элементы... Надо помнить, что престиж власти умаляется, если она обнаруживает часто заговоры против себя: в этом заключена презумпция признания бессилия или, что еще хуже, неправоты. Вам известно, что мы разбили престиж Царствующих гоев частыми покушениями на их жизнь через своих агентов, слепых баранов нашего стада, которых легко несколькими либеральными фразами двинуть на преступления, лишь бы они имели политическую окраску. Мы вынудим правительства признать свое

бессилие в объявлении открытых мер охраны и этим погубить престиж власти.

Охрана Иудейского царя Наш правитель будет охраняться только самой неприметной стражей, потому что мы не допустим и мысли, чтобы против него могла существовать такая крамола, с которой он не в силах бороться и вынужден от нее прятаться.

Если бы мы допустили эту мысль, как это делали и делают гои, то тем самым мы подписали бы приговор, если не ему самому, то его династии в недалеком будущем.

По строго соблюдаемой внешности наш правитель будет пользоваться своею властью только для пользы народа, а отнюдь не для своих или династионных выгод. Поэтому при соблюдении этого декорума его власть будет уважаться и ограждаться своими подданными, ее будут боготворить в сознании, что с ней связано благополучие каждого гражданина государства, ибо от нее будет зависеть порядок общественного строя...

Охранять царя открыто — значит признать слабость организации его силы.

Наш правитель будет всегда в народе, окружен толпой как бы любопытных мужчин и женщин, которые займут первые ряды около него, по виду, случайно, а сдерживать будут ряды остальных из уважения якобы к порядку. Это посеет пример сдержанности и в других. Если в народе окажется проситель, старающийся подать прощение, пробираясь через ряды, то первые ряды должны принять это прошение и на глазах просителя передать его правителю, чтобы все знали, что подаваемое доходит по назначению, что, следовательно, существует контроль самого правителя. Ореол власти требует для своего существования, чтобы народ мог сказать: «Когда бы знал об этом царь», или: «Царь об этом узнает».

Мистический престиж власти С учреждением официальной охраны исчезает мистический престиж власти: при наличности известной смелости каждый считает себя хозяином над ней, крамольник сознает свою силу и при случае караулит момент для покушения на власть... Для гоев мы проповедовали иное, но за то же и можем видеть пример, до чего их довели меры открытой охраны!..

Арест по первому подозрению У нас преступники будут арестованы при первом более или менее обоснован-

ном подозрении: нельзя из боязни могущей произойти ошибки представлять возможность побега подозреваемых в политическом проступке или преступлении, в котором мы будем поистине беспощадными. Если еще можно с известной натяжкой допустить рассмотрение побудительных причин в простых преступлениях, то нет извинения для лиц, занимающихся вопросами, в которых никто, кроме правительства, ничего понять не может... Да и не все правительства-то понимают истинную политику.

Протокол № 19

Право петиций и проектов Если мы не допустим самостоятельного занятия политикой, то, напротив, будем поощрять всякие доклады или петиции с предложениями на усмотрение правительства всяких проектов для улучшения народного быта: это нам откроет недостатки или же фантазии наших подданных, на которые мы будем отвечать или исполнением, или толковым опровержением, которое доказало бы близорукость рассуждающего неправильно.

Крамола Крамольничество есть не что иное, как лай моськи на слона. Для правительства, хорошо организованного не с полицейской, а с общественной стороны, моська лает на слона, не сознавая его силы и значения. Стоит только на добром примере показать значение того и другого, как моськи перестанут лаять, а станут вилять хвостом как только завидят слона.

Подсудность политических преступлений Чтобы снять престиж доблести с политического преступления, мы посадим его на скамью подсудимых наряду с воровством, убийством и всяким отвратительным и грязным преступлением. Тогда общественное мнение сольет в своем представлении этот разряд преступлений с позором всякого другого и заклеймит его одинаковым презрением.

Реклама политических преступлений Мы старались и, надеюсь, достигли того, что гои не постигли такого способа борьбы с крамолой. Для этого через прессу и косвенно в речах, в умно составленных учебниках истории мы рекламировали мученичество, якобы принятое крамольниками на себя за идею общего блага. Эта реклама увеличила кон-

тингент либералов и поставила тысячи гоев в ряды нашего живого инвентаря.

Протокол № 20

Финансовая программа Сегодня мы коснемся финансовой программы, которую я отложил на конец своего доклада, как труднейший, завершительный и решительный пункт наших планов. Приступая к ней, я напомню, что говорил вам раньше намеком, что итог наших действий разрешен вопросом цифр.

Когда мы воцаримся, наше самодержавное правительство будет избегать (ради принципа самосохранения), чувствительно обременять народные массы налогами, не забывая своей роли отца и покровителя. Но так как государственная организация стоит дорого, то все же необходимо получить нужные для этого средства. Поэтому надобно выработать особенно тщательно вопрос равновесия в этом предмете.

Прогрессивный налог Наше правление, в котором царь будет иметь легальную функцию принадлежности ему всего, что находится в его государстве (что легко перевести на дело), может прибегнуть к законному изъятию всяких сумм для регулирования их обращения в государстве. Из этого следует, что покрытие налогов лучше всего производить с прогрессивного налога на собственность. Таким образом, подати будут уплачиваться без стеснения или разорения в соразмерном % владения. Богатые должны сознавать, что их обязанность предоставить часть своих излишков в общегосударственное пользование, так как государство им гарантирует безопасность владения остальным имуществом и право частной наживы, говорю — частной, ибо контроль над имуществом устранит грабежи на законном основании.

Эта социальная реформа должна идти сверху, ибо ей наступает время — она необходима, как залог мира.

Налог с бедняка есть семя революции и служит к ущербу для государства, теряющего крупное в погоне за мелочью. Независимо от этого, налог с капиталистов уменьшит рост богатства в частных руках, в которых мы ныне их стянули для противовеса правительственной силе гоев — государственным финансам.

Налог, увеличивающийся в процентном отношении к капиталу, даст много больший доход, чем нынешний поголовный или цензовый, который для нас теперь полезен только для возбуждения волнений и неудовольствий среди гоев.

Сила, на которую наш царь будет опираться, состоит в равновесии и гарантии мира, ради которых необходимо, чтобы капиталисты поступились долей своих доходов ради безопасности действия государственной машины. Государственные нужды должны оплачивать те, которым это не в тягость и с которых есть что взять.

Такая мера уничтожит ненависть бедняка к богачу, в котором он увидит нужную финансовую поддержку для государства, увидит в нем устроителя мира и благоденствия, так как он будет видеть, что им уплачиваются для их достижения нужные средства.

Чтобы интеллигентные плательщики не слишком горевали о новых платежах, им будут в назначении этих платежей давать подробные отчеты, за исключением, конечно, таких сумм, которые будут распределены на нужды трона и административных учреждений.

Царствующий не будет иметь своих имуществ, раз все, что в государстве, представляет собой его достояние, а то одно противоречило бы другому: факт собственных средств уничтожил бы право собственности на всеобщее владение.

Родственники царствующего, кроме его наследника, которые также содержатся на средства государства, должны становиться в ряды государственных служащих или трудиться для того, чтобы получить право собственности: привилегия царской крови не должна служить для хищения казны.

Марочный прогрессивный сбор

Купля, получение денег или наследства будут оплачиваться марочным прогрессивным сбором. Незаявленная этим сбором, непременно именная, передача собственности денежной или другой возложит на прежнего владельца платеж % налога за время от передачи этих сумм до обнаружения уклонения от заявления о передаче. Передаточные расписки должны еженедельно представляться в местное казначейство с обозначением имени, фамилии и постоянного местожительства бывшего и нового владельца имущества. Эта именная передача должна начинаться с определенной суммы, превышающей обыкновенные расходы по купле и продаже необходимого, которые будут оплачиваться лишь мароч-

ным сбором определенного % с единицы.

Рассчитывайте-ка, во сколько раз такие налоги покроют доходы гоевских государств.

Фондовая касса Фондовая касса государства должна будет содержать определенный комплект запасных сумм, а все то, что будет собрано сверх этого комплекта, должно будет возвращаться в обращение. На эти суммы будут устраиваться общественные работы. Инициатива таких работ, исходящая из государственных источников, крепко привяжет рабочий класс к государственным интересам и к царствующим. Из этих же сумм часть будет выделена на премии изобретательности и производства.

Отнюдь не следует (сверх определенных и широко рассчитанных сумм) задерживать хотя бы единицу в государственных кассах, ибо деньги существуют для обращения и всякий их застой губительно отзывается на ходе государственного механизма, для которого они служат смазывающим средством: застой смазки может остановить правильный ход этого механизма.

% бумаги и застой денежного обращения Замена части обменного знака процентными бумагами произвела именно такой застой. Последствия этого обстоятельства теперь уже достаточно заметны.

Отчетность Отчетный двор тоже нами будет установлен, и в нем правитель во всякое время найдет полный отчет государственных приходов и расходов, за исключением текущего, еще не составленного месячного отчета и предыдущего, еще не доставленного.

Единственное лицо, которому не будет интереса грабить государственные кассы, это собственник их, правитель. Вот почему его контроль устранит возможность утраты или растраты.

Отмена представительства Отнимающее драгоценное время у правителя представительство в приемах ради этикета будет упразднено, для того чтобы правитель имел время на контроль и соображения. Тогда его мощь не будет уже раздроблена на временщиков, окружающих для блеска и пышности престол и заинтересованных только в своих, а не в общегосударственных интересах.

Застой капиталов Экономические кризисы были нами произведены для гоев не чем иным, как извлечением денег из обращения. Громадные капиталы застаивались, извлекая деньги из государств, которые с ними же и были вынуждены обратиться за займами. Эти займы отяготили финансы государств платежами % и закрепостили их названным капиталом... Концентрация промышленности в руках капиталистов из рук кустарей высосала все народные соки, а с ними и государственные...

Денежный выпуск Нынешний выпуск денег не соответствует поголовной потребности, а потому не может удовлетворить всем рабочим нуждам. Выпуск денег должен согласоваться с приростом населения, причем необходимо считать и детей как их потребителей со дня рождения. Пересмотр выпуска есть существенный вопрос для всего мира.

Золотая валюта Вы знаете, что золотая валюта была гибелью для принявших ее государств, ибо она не могла удовлетворить потреблению денег, тем более что мы изъяли золото из обращения, сколько возможно.

Валюта стоимости рабочей силы У нас должна быть введена валюта стоимости рабочей силы, будь она бумажная или деревянная. Мы произведем выпуск денег по нормальным потребностям каждого подданного, прибавляя его количество с каждым родившимся человеком, убавляя его с каждым умершим.

Расчетами будет заведовать каждый департамент (французское административное деление), каждый округ.

Бюджет Чтобы не было задержек в выдаче денег на государственные нужды, суммы и срок их выдачи будут определяться указом правителя: этим устранится протекторат министерства над одними учреждениями в ущерб другим.

Бюджеты доходов и расходов будут вестись рядом, чтобы они не затемнялись друг от друга.

Проектированные нами реформы гоевских финансовых учреждений и принципов мы облечем в такие формы, что они никого не встревожат. Мы укажем на необходимость реформ вследствие того беспорядочного сумбура, до кото-

рого дошли финансовые беспорядки у гоев. Первый непорядок, укажем мы, состоит в том, что у них начинают с назначения простого бюджета, который растет из года в год по следующей причине: этот бюджет дотягивают до половины года; затем требуют поправочный бюджет, который растрачивают через три месяца, после чего просят дополнительный бюджет, и все это оканчивается ликвидационным бюджетом. А так как бюджет следующего года назначается согласно сумме общего подсчета, то ежегодный отход от нормы простирается на 50% в год, отчего годовой бюджет утраивается через десять лет. Благодаря таким приемам, допущенным беспечностью гоевских государств, опустели их кассы. Наступивший затем период займов добрал остатки и привел все государства гоев к банкротству.

Вы отлично понимаете, что такое хозяйство, внушенное нами гоям, не может быть ведено нами.

Государственные займы Всякий заем показывает государственную немощь и непонимание государственных прав. Займы, как Домоклов меч, висят над головой правителей, которые, вместо того чтобы брать у своих подданных временным налогом, идут с протянутой рукой просить милостыню у наших банкиров. Внешние займы суть пиявки, которых никак нельзя отнять от государственного тела, пока они сами не отпадут или государство само их не сбросит. Но гоевские государства не отрывают их, а все продолжают их присаживать к себе, так что они неизбежно должны погибнуть, истекая от добровольного кровопускания.

В сущности, что же иное представляет собою заем, да еще внешний?! Заем — это выпуск правительственных векселей, содержащих процентное обязательство соразмерно сумме заемного капитала. Если заем оплачивается 5%, то через двадцать лет государство напрасно выплачивает процентную сумму, равную взятому займу; в сорок лет оно выплачивает двойную сумму, в шестьдесят — тройную, а долг остается все таким же непокрытым долгом.

Из этого расчета очевидно, что при поголовной форме налога государство черпает последние гроши бедняков — плательщиков податей, чтобы расплачиваться с иностранными богачами, у которых оно взяло деньги взаймы, вместо того чтобы собрать те гроши на свои нужды без процентных приплат.

Пока займы были внутренние, гои только перемещали

деньги из кармана бедняка в карманы богачей, но, когда мы подкупили кого следовало, чтобы перевести займы на внешнюю почву, то все государственные богатства потекли в наши кассы, и все гои стали нам платить дань подданства.

Если легкомыслие царствующих гоев в отношении государственных дел и продажность министров или непонимание в финансовых вопросах других правящих лиц задолжили свои страны нашим кассам неоплатными долгами, то надо знать, сколько же это нам стоило труда и денег!..

Однопроцентная серия Застой денег нами допущен не будет, а потому не будет государственных % бумаг, кроме однопроцентной серии, чтобы платежи %% не отдавали государственной мощи на высасывание пиявкам. Право выпуска процентных бумаг будет исключительно предоставлено промышленным компаниям, которым не трудно будет оплачивать %% с прибылей, которых государство не вырабатывает на занятые деньги подобно этим компаниям, ибо оно занимает на траты, а не на операции.

Промышленные бумаги Промышленные бумаги будут покупаться и правительством, которое из нынешнего плательщика дани по займам превратится в заимодавца из расчета. Такая мера прекратит застой денег, тунеядство и лень, которые нам были полезны у самостоятельных гоев, но не желательны в нашем правлении.

Как ясно недомыслие чисто животных мозгов гоев, выразившееся в том, что, когда они брали взаймы у нас под платежи %%, они не думали, что все равно те же деньги, да еще с приплатой %% им придется черпать из своих государственных карманов для расплаты с нами! Что было проще прямо взять нужные деньги у своих?!..

Это же доказывает гениальность нашего избранного ума в том, что мы сумели им так представить дело займов, что они в них даже усмотрели для себя выгоду.

Наши расчеты, которые мы представим, когда придет время, под освещением вековых опытов, проделанных нами над гоевскими государствами, будут отличаться ясностью и определенностью и воочию покажут всем пользу наших нововведений. Они положат конец тем злоупотреблениям, благодаря которым мы владели гоями, но которые не могут быть допущены в нашем царстве.

Мы так обставим расчетную систему, что ни правитель,

ни мельчайший чиновник не будет в состоянии ввести малейшие суммы незаметно от ее назначения или направить ее по другому направлению, кроме того, которое будет значиться раз в определенном плане действий.

Без определенного же плана управлять нельзя. Шествуя по определенной дороге и с неопределенным запасом, погибают в дороге герои и богатыри.

Правители гоев. Временщики. Масонские агенты

Гоевские правители, которых мы когда-то посоветовали отвлечь от государственных занятий представительными приемами, этикетами, увеселениями, были лишь ширмами нашего правления. Отчеты временщиков, их замещающих на поприще дел, составлялись для них нашими агентами и каждый раз удовлетворяли недальновидные умы обещаниями, что в будущем предвидятся сбережения и улучшения... С чего сбережения? С новых налогов? — могли спросить и не спросили читающие наши отчеты и проекты... Вы знаете, до чего довела их такая беспечность, до какого финансового расстройства они дошли, несмотря на удивительное трудолюбие их народов.

Протокол № 21

Внутренние займы

К доложенному вам на прошлом собрании добавлю еще подробное объяснение о внутренних займах. О внешних же я говорить более не буду, потому что они нас питали национальными деньгами гоев, для нашего же государства не будет иностранцев, т. е. чего-либо внешнего.

Мы пользовались продажностью администраторов и нерадивостью правителей, чтобы получать двойные, тройные и большие суммы, ссужая гоевским правительствам вовсе ненужные государствам деньги. Кто же бы мог делать то же по отношению к нам?.. Поэтому, буду излагать подробности только одних внутренних займов.

Объявляя о заключении такого займа, государства открывают подписку на свои векселя, т. е. на % бумаги. Для того, чтобы они были доступны для всех, им назначают цену от ста до тысяч; при этом делается скидка для первых подписчиков. На другой день искусственно поднимается цена на них, якобы потому, что все бросаются их раскупать. Через несколько дней кассы казначейства

будто бы переполнены, и денег девать некуда (зачем же их брать?). Подписка якобы превышает во много раз выпуск займа: в этом весь эффект — вот-де какое доверие к векселям правительства.

Пассив и налоги

Но когда комедия сыграна, то возникает факт образовавшегося пассива, и притом весьма тяжелого. Для уплаты процентов приходится прибегать к новым займам, не поглощающим, а лишь увеличивающим капитальный долг. Когда же кредит истощен, приходится новыми налогами покрывать не заем, а только все %% по ним. Эти налоги — пассив, употребляемый на покрытие пассива...

Конверсии

Далее наступает время конверсий, но они уменьшают платеж %%, а не покрывают долгов, кроме того, они не могут быть сделаны без согласия заимодавцев: при объявлении о конверсии предлагается возврат денег тем, кто не согласен конвертировать свои бумаги. Если бы все выразили свое несогласие и потребовали свои деньги назад, то правительства были бы пойманы на собственную удочку и оказались несостоятельными уплатить предложенные деньги. По счастью, несведущие в финансовых делах подданные гоевских правительств всегда предпочитали потери на курсе и уменьшение процентов риску новых помещений денег, чем и дали этим правительствам сбросить с себя не раз пассив в несколько миллионов.

Теперь при внешних долгах таких шуток выкинуть гои уже не могут, зная, что мы потребуем все деньги назад.

Банкротства

Таким образом, признанное банкротство лучше всего докажет странам отсутствие связи между интересами народов и их правлений.

Сберегательные кассы и ренты

Обращаю ваше сугубое внимание на это обстоятельство и на следующее: ныне все внутренние займы консолидированы так называемыми летучими долгами, т. е. такими, сроки уплаты которых более или менее близки. Долги эти состоят из денег, положенных в сберегательные и запасные кассы. Находясь долгое время в распоряжении правительства, эти фонды улетучиваются для уплаты %% по заграничным займам, а вместо них положены на равную сумму вклады ренты.

Вот эти-то последние и покрывают все прорухи в государственных кассах гоев.

Уничтожение фондовых бирж

Когда мы взойдем на престол мира, то все подобные финансовые извороты, как несоответствующие нашим интересам, будут уничтожены бесследно, как будут уничтожены и все фондовые биржи, так как мы не допустим колебать престиж нашей власти колебанием цен на наши ценности, которые мы объявим законом в цене полной их стоимости без возможности их понижения или повышения. (Повышение дает повод к понижению, с чего мы и начали в отношении к ценностям гоев.)

Таксирование промышленных ценностей

Мы заменим биржи грандиозными казенными кредитными учреждениями, назначение которых будет состоять в таксировании промышленных ценностей согласно правительственным соображениям. Эти учреждения будут в состоянии выбросить на рынок на пятьсот миллионов промышленных бумаг в один день или скупить на столько же. Таким образом, все промышленные предприятия станут в зависимость от нас. Вы можете себе представить, какую мощь мы составим себе через это!..

Протокол № 22

Тайна грядущего

Во всем, что до сих пор мною доложено вам, я старался тщательно обрисовать тайну происходящего — бывшего и текущего, стремящегося в поток великих, грядущих уже в близком будущем событий, тайну законов наших отношений к гоям и финансовых операций. На эту тему мне остается еще немного добавить.

В наших руках величайшая современная сила — золото: в два дня мы можем его достать из наших хранилищ, в каком угодно количестве.

Многовековое зло как основание будущего блага

Неужели нам еще доказывать, что наше правление предназначено от Бога?! Неужели таким богатством мы не докажем, что все то зло, которое столько веков мы были вынуждены творить, в конце концов послужило к истинному благу — приведению все-

го к порядку?! Хотя и через некоторое насилие, но он все же будет установлен. Мы сумеем доказать, что мы благодетели, вернувшие растерзанной земле истинное добро и свободу личности, которой мы дадим пользоваться покоем, миром, достоинством отношений при условии, конечно, соблюдения установленных нами законов. Мы выясним при этом, что свобода не состоит в распущенности и в праве на разнузданность, как равно достоинство и сила человека не состоит в праве каждому провозглашать разрушительные принципы вроде свободы совести, равенства и им подобным, что свобода личности отнюдь не состоит в праве волновать себя и других, безобразничая ораторством в беспорядочных скопищах, а что истинная свобода состоит в неприкосновенности личности, честно и точно соблюдающей все законы общежития, что человеческое достоинство заключено в сознании своих прав и вместе бесправия, а не в одном только фантазировании на тему своего *Я*.

Ореол власти и мистическое ей поклонение

Наша власть будет славною, потому что она будет могущественна, будет править и руководить, а не плестись за лидерами и ораторами, выкрикивающими безумные слова, которые они называют великими принципами и которые не что иное, говоря по совести, как утопия... Наша власть будет вершителем порядка, в котором и заключается все счастье людей. Ореол этой власти внушит мистическое поклонение ей и благоговение перед ней народов. Истинная сила не поступается никаким правом, даже божественным: никто не смеет приступить к ней, чтобы отнять у нее хотя бы пядь ее мощи.

Протокол № 23

Сокращение производства предметов роскоши

Чтобы народы привыкли к послушанию, надо их приучить к скромности, а потому сократить промышленное производство предметов роскоши. Этим мы улучшим нравы, деморализованные соревнованием на почве роскоши. Мы восстановим кустарное производство, которое подорвет частные капиталы фабрикантов. Это необходимо еще и потому, что крупные фабриканты часто двигают, хотя и не всегда сознательно, мыслями масс против правительства.

Безработица Народ-кустарь не знает безработицы, а это его связывает с существующим порядком, а следовательно, и с крепостью власти. Безработица — самая опасная вещь для правительства. Для нас ее роль будет сыграна, как только власть перейдет в наши руки.

Запрещение пьянства Пьянство будет также запрещено законом и наказуемо, как преступление против человечности людей, превращающихся в животных под воздействием алкоголя.

Подданные, повторяю еще раз, слепо повинуются только сильной, вполне независимой от них руке, в которой они чувствуют меч на защиту и поддержку против ударов социальных бичей... На что им нужна ангельская душа в царе? Им надо видеть в нем олицетворение силы и мощи.

Убийство старого общества и воскрешение его в новом виде Владыка, который сменит ныне существующие правления, влачащие свое существование среди деморализованных нами обществ, отрекающихся от Божеской власти, из среды которых выступает со всех сторон огонь анархии, прежде всего должен приступить к заливанию этого всепожирающего пламени. Поэтому он обязан убить такие общества, хотя бы залив их собственною кровью, чтобы вновь их воскресить в лице правильно организованного войска, борющегося сознательно со всякой заразой, могущей изъязвить государственное тело.

Избранник божий Этот избранник божий назначен свыше, чтобы сломить безумные силы, движимые инстинктом, а не разумом, животностью, а не человечностью. Эти силы теперь торжествуют в проявлениях грабительства и всякого насилия под личиною принципов свободы и прав. Они разрушили все социальные порядки, чтобы на них воздвигнуть трон царя Иудейского: но их роль будет окончена в момент воцарения его. Тогда их надо будет смести с его пути, на котором не должно лежать ни сучка, ни задоринки.

Тогда-то нам можно будет сказать народам: благодарите Бога и преклонитесь пред носящим на лице своем печать предопределения людей, к которому Сам Бог вел его звезду, чтобы никто иной, кроме него, не мог освободить вас от всех вышеуказанных сил и зол.

Протокол № 24

Укрепление корней царя Давида (?)

Теперь перейду к способу укрепления династических корней царя Давида до последних слоев земли...

Это укрепление будет заключаться прежде всего в том, в чем до сего дня заключалась сила сохранения за нашими мудрецами ведения всех мировых дел, направления воспитания мысли всего человечества...

Подготовка царя

Несколько членов от семени Давидова будут готовить царей и их наследников, выбирая не по наследственному праву, а по выдающимся способностям, посвящая их в сокровенные тайны политики, в планы управления с тем, чтобы никто не ведал этих тайн. Цель такого образа действий та, чтобы все знали, что правление не может быть поручено непосвященным в тайники его искусства.

Только этим лицам будет преподано практическое применение названных планов через сравнение многовековых опытов, все наблюдения над политико-экономическими ходами и социальными науками — весь, словом, дух законов, непоколебимо установленных самою природою для урегулирования человеческих отношений.

Устранение прямых наследников

Прямые наследники часто будут устраняемы от восшествия на престол, если в учебное время выкажут легкомыслие, мягкость и другие свойства — губители власти, которые делают неспособными к управлению, а сами по себе вредны для царского назначения.

Только безусловно способные к твердому, хотя бы и до жестокости, неукоснительному правлению получат его бразды от наших мудрецов.

В случае заболевания упадком воли или иным видом неспособности, цари должны будут по закону передавать бразды правления в новые, способные руки...

Царские планы действий текущего момента, а тем более будущего, будут неведомы даже тем, которых назовут ближними советниками.

Царь и трое его посвятивших.

Царь — судьба

Только царь, да посвятившие его трое будут знать грядущее.

В лице царя, владеющего с непоколебимой волей собой и человечеством, все узрят как бы судьбу с ее неведомыми путями. Никто не будет ведать, чего царь желает достигнуть своими распоряжениями, а потому никто и не посмеет стать поперек неведомого пути...

Понятно, нужно, чтобы умственный резервуар царей соответствовал вмещаемому в нем плану управления. Вот почему он будет восходить на престол не иначе, как по испытании своего ума названными мудрецами.

Чтобы народ знал и любил своего царя, необходимо, чтобы он беседовал на площадях со своим народом. Это производит нужное скрепление двух сил, ныне отделенных нами террором друг от друга.

Этот террор был нам необходим до времени для того, чтобы в отдельности обе эти силы подпали под наше влияние.

Безупречность внешней нравственности царя Иудейского

Царь Иудейский не должен находиться под властью своих страстей, особенно же — сладострастия: ни одной стороной своего характера он не должен давать животным инстинктам власти над своим умом. Сладострастие хуже всего расстраивает умственные способности и ясность взглядов, отвлекая мысли на худшую и наиболее животную сторону человеческой деятельности.

Опора человечества в лице всемирного владыки от святого семени Давида должна приносить в жертву своему народу все личные влечения.

Владыка наш должен быть примерно безупречен.

(Продолжение следует)

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Протоколы» и Россия

Сборник анонимных публицистических высказываний, известный под названием «Протоколы сионских мудрецов», опубликованный в начале века в России, еще ждет своих вдумчивых и обстоятельных исследователей. Это тем более необходимо, что в современной доступной нам отечественной и леволиберальной переводной прессе основное внимание уделяется не внутреннему содержанию «Протоколов» и его соотнесенности с исторической реальностью, а внешним обстоятельствам появления этих материалов в печати. Такой подход говорит о небескорыстии подобных авторов, которые пускают в ход испытанное ору-

жие демагогов — довод к личности, когда для того, чтобы уменьшить или свести на нет идеи или мнения личности, пытаются найти изъяны не в самих идеях, а в тех или иных изъянах (пусть и мнимых) самой личности, высказавшей эти идеи. Это и понятно: «Главная задача нашего правления состоит в том, чтобы ослабить общественный ум критикой, отучить от размышлений, вызывающих отпор, отвлечь силы ума на перестрелку пустого красноречия» (Протокол № 6). Даже если согласиться с теми, кто утверждает, что «Протоколы» изготовлены «царской охранкой», то надо признать, что эти русские люди обладали высочайшим профессионализмом, коли так глубоко изучили и раскрыли механику и движущие силы той катастрофы, в которую намеревались ввергнуть Россию эти темные силы. Отрицать же соответствие приемов, целей и результатов, описываемых в предлагаемых анонимным автором «Протоколов», тем разрушительным антихристианским процессам, которые подтачивают и разваливают нашу Родину уже более двух столетий, можно сегодня только по причине отсутствия интеллекта или по причине личной или групповой заинтересованности в сокрытии правды. Сверьте, например, протокол № 6 с нашими перестроечными днями — поразительные совпадения, не правда ли?..

Мысль о том, что Россия является объектом тайной иудейско-масонской экспансии, не являлась новой для русского общества ко времени первого издания «Протоколов». Еще гениальный провидец Ф. М. Достоевский, сумевший заглянуть в глубины сатанинские, прямо указывал на масонство и на еврейский кагал как на главные движущие силы готовящихся страшных потрясений и грядущего за ними социалистического рабства в России. Достаточно внимательно прочитать его роман «Братья Карамазовы», особенно его главы «Бунт» и «Великий Инквизитор», в которых масон Иван Карамазов излагает вековой масонский план духовного порабощения человечества орденом посвященных через подмену христианства мифом о земном рае. В более политизированной и гротескной форме эти же намерения разоблачались Ф. М. Достоевским в «Бесах». И если о спасительных для России началах в понимании Ф. М. Достоевского — Христе и Царе нам еще кое-что было известно, то его провидческие разоблачения темных, враждебных России, сил скрывались и скрываются поднесь поводырями так называемого прогресса. Почему это делается — не трудно догадаться, ознакомившись с ними и сравнив их затем с «Протоколами».

«Мысль эта, что породы людей, получивших первоначальную идею от своих основателей и *подчиняясь* ей исключительно в продолжение нескольких поколений, впоследствии должны необходимо выродиться в нечто особливое от человечества, как от целого, и даже — при лучших условиях — в нечто враждебное человечеству, *как целому*,— мысль эта верна и глубока. Таковы, например, евреи, начиная с Авраама и до наших дней, когда они обратились в жидов. Христос (кроме его

остального значения) был поправкою этой идеи, расширив ее во всечеловечность. Но евреи не захотели поправки, остались во всей своей прежней узости и прямолинейности, а потому вместо всечеловечности обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста, и, уж конечно, восторжествуют на некоторое время. Это так очевидно, что спорить нельзя: они ломятся, они идут, они даже заполонили всю Европу; все эгоистическое, все враждебное человечеству, все дурные страсти человечества — за них, как им не восторжествовать на гибель миру!»

«Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России и начнется... Ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, в стойла, зальют мир кровью, а потом сами испугаются...»

«Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жиды страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он status in statu (государство в государстве — *лат.*) составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жиды».

«...У нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературу все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русскими именами — вот и все в них русского. Я думаю, что это только еще начало, что жиды захватят гораздо еще больший круг действий в литературе; а уже до жизни, до явлений текущей действительности я не касаюсь: жид распространяется с ужасающей быстротой. А ведь жид и его кагал — это все равно, что заговор против русских!

Есть много старых, уже седых либералов, никогда не любивших Россию, даже ненавидевших ее за ее «варварство» и убежденных в душе, что они любят и Россию, и народ.

...Да и ничего нового они в новом, текущем и грядущем и понять не могут. Заступаются они за жидов, во-первых, потому, что когда-то (в XVIII столетии) это было и ново, и либерально, и потребно. Какое им дело, что теперь жид торжествует и гнетет русского. Для них все еще русский гнетет жида. А главное тут вера: это из ненависти к христианству они так полюбили жида...»

«А между тем, мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы им сравняться в правах? Да-

ли бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того; не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей.

...Но «бу́ди! бу́ди!» Да будет полное и духовное единение племен и никакой разницы прав! А для этого я прежде всего умоляю моих оппонентов и корреспондентов-евреев быть, напротив, к нам, русским, снисходительнее и справедливее. Если высокомерие их, если всегдашняя «скорбная брезгливость» евреев к русскому племени есть только предубеждение, «исторический нарост», *а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя...* (курсив — Ф. Д.)».

Вот именно эти «глубокие тайны» «закона и строя» и раскрываются неизвестным автором «Протоколов». В 1917 году, через месяц после выхода в свет книги С. Нилуса «Близ есть, при дверех», в России начались события, о которых за полвека до этого предупреждал Ф. М. Достоевский. Масонское Временное правительство во главе с масоном же А. Керенским (настоящие имя и фамилия Арон Кирбис) начало свою деятельность с закрытия русских национальных и патриотических газет и роспуска подобных же организаций. А. Керенским было отдано распоряжение о задержании вагона с тиражом «Близ есть, при дверех», направлявшегося в Петроград, и об его уничтожении. Вагон был задержан, книги сожжены.

Вот так начиналась эпоха демократии и гласности в России (в полном соответствии с «Протоколами»), и такое ее начало не предвещало русскому народу ничего хорошего...

Об еврейском характере революции говорят не только статистические таблицы и «крайне правые», не отрицают этого и сами евреи. Так некий Коган писал в 1919 году в харьковской газете «Коммунист»: «Можно сказать без преувеличения, что великий русский социальный переворот в действительности является делом рук евреев. Евреи ведут храбрые массы русского пролетариата к победе. Недаром при выборах во все советские учреждения евреи получают подавляющее большинство голосов... Символ еврейства... сделался символом русского пролетариата, что видно из принятия красной пятиконечной звезды, которая, как известно, в старые времена являлась символом сионизма и еврейства». А вот что писала еврейская газета США «Американ Хебрец» от 20 сентября 1920 года: «Большевистская революция в России была делом еврейских мозгов, еврейской неудовлетворенности, еврейской планировки, цель которых — создать новый

порядок в мире». «То, что было сделано великолепным образом в России... теми же самыми еврейскими силами будет реализовано во всем мире».

Но, к чести еврейского народа, не все евреи находились тогда в стане погромщиков России, не все мыслили и действовали по «Протоколам», не все приветствовали погромную революцию, не все услужливо молчали. В «Нашем современнике» № 11 за 1990 год опубликована статья И. Бикермана «Россия и русское еврейство» из целого сборника авторов-евреев «Россия и евреи», изданного в Берлине в 1923 году. К сожалению, честные голоса И. Биккермана и его товарищей были подавлены и надолго заглушены вождями и «мудрецами» «мировой революции», как, впрочем, и другие авторы-неевреи, осмелившиеся усомниться в непорочности еврейского участия в революционном погроме. Свидетельства И. Биккермана являются необходимым дополнением и иллюстрацией пророчеств Ф. М. Достоевского, детально разработанных в «Протоколах». И. Биккерман пишет:

«Большевистское государство, заполнившее собой безгосударственную пустоту, образовавшуюся после революции, совместило в себе начала столько противоположные, что уже одно представление об их совместности подавляет наше сознание: жгучую остроту мучений с мучительной длительностью, безмерность разрушения с нетерпимой узостью домашнего обихода; жизнь на протяжении двух материков мнется, гнется, ломается с невозмутимым спокойствием и будничной простотой, точно порошок в ступе готовят. И вот около этой дьявольской лаборатории, тут — наш грех, великий грех русского еврейства.

Нечего и оговаривать, что не все евреи — большевики и не все большевики — евреи, но не приходится теперь также доказывать непомерное и непомерно-рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками.

...Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе красной армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»

«Существуют глубокие формальные сходства между сионизмом и большевизмом.

...Русский сионист исходит во всех своих рассуждениях просто из факта небытия России.

...Сионисты и родственные им группы... усердно братались с украинскими самостийниками.

...У сионистов есть еще другая забота — обеспечить права национальных меньшинств.

...О России же никто из говорящих к евреям и от имени евреев не хлопочет и не предлагает хлопотать».

«...Евреи же кадетского исповедания занимают промежуточное положение, служа соединительным звеном между революционным суеверием внутри еврейства и суеверием об обязательной для прогрессивно мыслящего человека юдофильской повинности в русском обществе. Тут, впрочем, к суеверию часто примешивается и расчет. Я готов был бы дорого заплатить за то, чтобы юдофильство перестало считаться надежным прибежищем для всякого рода дезертиров с отечественного фронта.

Но существует еще довольно развитая, хорошо организованная и весьма влиятельная в еврействе, и не только в русском еврействе, общественность неполитическая... И эта общественность наша служит также обильным источником политического влияния, и все того же рода: разложения».

«...Большевицкая Россия легко превратилась в обетованную землю: тут и равенство, и социализм, и еврейская власть».

«Для еврея белая армия — банда разбойников, слово «белый» равно слову «жидорез»... Недостойное отношение евреев к людям, поднявшим на свои знамена безмерно тяжкое бремя борьбы за Россию, за миллионы безответных и безвольных, свидетельствует о глубоком моральном распаде, об извращении сознания, для болеющего этим недугом, еще более опасном, чем для окружающих... Уже то, что они посмели в этих условиях бороться, поднимает этих людей и их дело на ту высоту, на которой история записывает только подвиги нетленные».

«Евреи не только устраивали автономию национальных меньшинств, творя новое право, «какого не знает ни одна страна в Европе», но и украинскую автономию очень деятельно созидали».

«Мы сеем бури и ураганы и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры. Ничего, кроме бедствий, такая слепая, попросту глупая притязательность принести не может.

Поднимется, я знаю, вопль: оправдывает погромы. <...> Я знаю цену этим людям, мнящим себя солью земли, вершителями судеб и во всяком случае светочами во Израиле, светоносцами. Я знаю, что они, с уст которых не сходят слова «черная сотня» и «черносотенцы», сами черные, темные люди.

...Одно из двух. Либо для евреев так важно мир перестроить, водворить в нем равенство, самоопределение и всякие другие блага, что мы, не считаясь с жертвами, должны дело вести и до конца довести,— тогда гордитесь нашими жертвами, как павшими за великое дело, чтите их память, а не нарушайте их покой воплями о погромах, тогда это жертвы нашего героизма, а не чужого зверства. Либо мы себе такой роскоши позволить не можем и обременить свою совесть пролитой еврейской кровью вам страшно — тогда принесите повинную

за прошлое и воздержитесь от греха революционного словоблудия в будущем...»

Қ сожалению, честный голос И. Биккермана не дошел до слуха современных ему единоплеменников. Не слышат его и нынешние прорабы перестройки, вознамерившиеся произвсти еще одну русофобскую революцию и тем окончательно добить ненавистную им Россию. Вот что свидетельствует писатель В. Максимов в интервью израильскому журналу «Узы»: «Успех сионистского движения в СССР действительно повлиял на деятельность, а иногда и на возникновение других национально-освободительных движений в нашей стране — и есть немало таких движений.

Активисты таких движений поняли, что успех евреев в достижении их основной цели... объясняется, в первую очередь, образом действий, организацией движения, правильным использованием мирового общественного мнения и свободной прессы на Западе. Я уверен, что демократическое движение в России выиграло в результате успеха сионистского движения...»

Лучше о нашей перестройке не скажешь... Все возвращается на круги своя... Вновь разгорается на Святой Руси борьба, и чтобы добиться победы, необходимо знать «глубокие тайны закона и строя», о которых говорил провидец Достоевский и которые разоблачены в «Протоколах».

А. Турик

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОЛЧАКА

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствует, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось, она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Н. М. Карамзин. Из «Истории государства Российского».

Первая часть протоколов допроса адмирала А. В. Колчака была помещена в 4-м номере «Сибири» за 1990 год. Во второй части прослеживаются события его жизни до избрания его Советом министров Временного Всероссийского правительства на должность Верховного правителя и главнокомандующего. Читателям, желающим до конца ознакомиться с допросом, мы советуем обратиться к книге Ю. Кларова «Арестант пятой камеры» (М., изд. полит. лит-ры, 1990). Печатались отрывки из протоколов в журнале «Сельская молодежь», других изданиях. Множество материалов, посвященных Колчаку, было опубликовано в ряде центральных и областных газет. Журнал «Знамя» опубликовал роман Вл. Максимова «Заглянуть в бездну». Обширный, научно аргументированный очерк о подвигах Колчака-полярника, «Гранит во льдах», поместил журнал «Вокруг Света» (№ 1—2, 1991). «Русский Рубеж» — приложение к газете «Литературная Россия» — в своем первом номере перепечатал из зарубежной газеты «Русская Жизнь» обширные воспоминания Анны Васильевны Тимиревой, гражданской жены А. В. Колчака. Там же помещен очерк Николая Нефедова «Кто убил адмирала Колчака». Но, называя ряд истинных исполнителей расстрела в Иркутске, автор допустил неточность — вместо А. А. Ширямова, председателя Иркутского военревкома, назвал Я. Б. Шумяцкого, председателя отдела труда и промышленности Комитета советских органи-

заций Восточной Сибири. Возможно, что есть какая-то доля вины и Я. Шумяцкого, но, как свидетельствуют документы, он не играл видной роли в расстреле адмирала. Постановление о расстреле Колчака подписали: большевики А. Ширямов, А. Сноскарев, левый эсер М. Левенсон, управделами ревкома Н. Оборин. Пожалуй, немалую закулисную роль в этом самосуде сыграли председатель чрезвычайной следственной комиссии Самуил Чудновский и комендант города И. Бурсак. Они же и руководили расстрельной командой на берегу Ушаковки.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Сибирская деревня» (Новониколаевск, 1924, № 9, с. 4—6), Чудновский, на вопрос Колчака: «А разве суда не будет, почему без суда?» (после оглашения приказа ревкома о расстреле) так описывал свое состояние: «По правде сказать, я был несколько смущен (!) таким вопросом; удерживаясь от хохота, я сказал: «Давно ли вы стали сторонником расстрела только по суду?»

Здесь будет уместно напомнить читателю, что по личному приказу Колчака не был расстрелян ни один человек. Во всяком случае, историки на этот счет не приводят ни одного документа. А что касается смеха, то, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. В нашей советской действительности палачи, как правило, становились жертвами. Это подтверждает практика тридцатых годов, перемалывающая в лагерную пыль миллионы людей.

В марте 1937 года Самуил Гдальевич Чудновский, будучи уже председателем Ленинградского областного суда, был арестован органами НКВД, осужден 13 августа 1937 года по ст. 58-8 и 58-11 к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день в одной из московских тюрем.

Постановление Иркутского военревкома о расстреле Колчака, как это явствует из опубликованных воспоминаний Бурсака и Чудновского, они получили от Ширямова вечером 6 февраля в помещении ревкома. «Мы вышли и договорились с Чудновским,— писал Бурсак,— что я подготовлю специальную команду. Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский» (Бойцы революции. Иркутск, 1980.).

Очень жаль, что не осталось каких-либо письменных воспоминаний рядовых участников расстрела. Говорят, что один из них, проживающий в нашей области, умер лет 10 тому назад. Но в Иркутске живет 92-летний ветеран, участник партизанского движения в Приуралье и Восточной Сибири, Василий Григорьевич Рассанов. Он утверждает, что в то время состоял в команде, охраняющей губернскую тюрьму, видел «живого» Колчака, водил якобы его на допросы, но в расстрельный взвод его не включили. И этому поверить

можно, так как Бурсак в эту команду включил специально подобранных людей, видимо, из коммунистов, а Рассанов был беспартийным. Никакими особыми подробностями Рассанов нас не обогатил, но отметил одну деталь. Он вспоминает, что накануне расстрела, вечером, Колчака и Пепеляева им приказали перевести в камеру, предварительно залитую водой, которая находилась на первом этаже. Скамей там не было, и пленники были вынуждены стоять на ногах до прихода расстрельной команды, причем без обуви. По тюрьме уже тогда пронесся слух, что «их сегодня утопят в Ангаре». Об этом не рассказали ни Ширямов, ни Бурсак, ни Чудновский. И еще имеется документ, который свидетельствует о том, что расстрел Колчака и Пепеляева намечался на сутки раньше. В фонде ГАИО, в деле 173, хранится рапорт дежурного коменданта при управлении делами военревкома на имя коменданта управления. Датирован он 6 февраля. Приводим текст:

«Рапорт.

Приблизительно в 7 час. 30 мин. вечера с[его] м[есяца] тов. Чудновский затребовал у меня по телефону автомобиль для членов чрезвычайной следственной комиссии для весьма спешного и важного дела. Дежурные автомобили были в расходе, я вызвал заведующего гаражом ревкома тов. Соколова, и он отдал распоряжение разыскать шоферов и подал, ввиду крайней необходимости, почти еще не вполне отремонтированный автомобиль. В это время ко мне, в комендантскую часть, явился начальник контрразведки г. Иркутска с одним человеком и спросил: есть ли готовый автомобиль? Я сказал, что автомобиль заказан, сейчас придет, но для чрезвычайной следственной комиссии. Он заявил, что вот именно для него и заказан автомобиль. Зная его как начальника контрразведки, у меня не было основания не верить ему. В это время для справки два раза звонил Чудновскому, как он меня просил известить, когда выйдет автомобиль из гаража, но телефон был все занят. В результате он самозванно взял автомобиль, вызванный для членов чрезвычайной следственной комиссии. О чем я довожу до Вашего сведения для принятия против начальника контрразведки соответствующих мер за неправильное требование и использование автомобиля.

Дежурный комендант
ревкома Усов».

Комендант ревкома передал этот рапорт со своей визой Управделами ревкома Оборину «для доклада товарищу председателю». Оборин наложил резолюцию: «Сообщить копию тов. Чудновскому для его распоряжения».

Для какого же «важного и спешного дела» просил председатель Иркутской чрезвычайки автомобиль? Может быть, хотел отвезти Колчака подальше в тайгу, на случай вторжения обессиленных в походе каппелевцев в Иркутск, как это вроде бы предусматривалось ревкомом? Но это не подтверждается другими документами. А вот

слух о том, что Колчака и Пепеляева «сегодня ночью утопят в Ангаре», как об этом рассказывает Рассанов, подтвердился. Бурсак и Чудновский на другую ночь решили обойтись без автомобиля и расстреляли своих пленников «по закону революционной совести».

Сидевшая в той же тюрьме Анна Тимирева, узнала о расстреле адмирала не сразу. 14 февраля 1920 года на четвертинке плотной белой бумаги она карандашом написала прошение:

«Прошу чрезвычайную следственную комиссию сообщить, когда, где и в силу какого приговора был расстрелян адмирал Колчак и будет ли мне, как самому близкому ему человеку, выдано его тело для придания земле по обрядам православной церкви.

Анна Тимирева».

Прошение было направлено в военревком. Спрашивается, для чего? Наверное, для того, чтобы, соблюдая бюрократическую формальность, запутать следы преступления. Но надолго ли?

Член ревкома Флюков начертал на прошении: «Ответить, что тело Колчака погребено и никому не будет выдано». Ниже, чернилами, другая виза: «№ 1204. В Чрезвычайную следственную комиссию. 23.II. На ходатайство Анны Тимиревой о выдаче ей тела Колчака революционный комитет сообщает, что тело погребено и никому выдано не будет.

Упр. Дел. Оборин. Секретарь Могилевский». (ГАИО, ф. 42, д. 173, лл. 101, 102).

Таким же образом ответили и на прошение вдовы В. Н. Пепеляева.

Но вернемся к истокам этого самосуда. Тот же И. Бурсак писал:

«В эти дни мне неожиданно удалось связаться по телефону с 5-й армией. У аппарата был член Реввоенсовета армии председатель Сибревкома И. Н. Смирнов. Он передал для Иркутского большевистского губкома указание В. И. Ленина: золотой запас на восток не пропускать, а Колчака при первой же возможности направить в распоряжение Реввоенсовета 5-й Армии для отправки в Москву» (Бойцы революции. Иркутск, 1980).

Но вместо Москвы Колчака отправили под лед Ангары. Вождь революции, узнав о том, что враг большевистской власти находится в тюрьме и с ним можно без особых церемоний расправиться, как с царской семьей и другими, пишет заместителю предреввоенсовета республики Склянскому:

«Пришлите Смирнову (РВС 5) шифровку: (шифром) «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись под шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?» (Учительская газета, 1990, № 49.)

При расстреле Колчака и Пепеляева присутствовал представитель губревкома М. Н. Ербанов, буду-

щий председатель СНК Бурят-Монгольской АССР и 1-й секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), расстрелянный в 1937 году.

Мечта прославленного адмирала, замечательного ученого-полярника была одна: сделать Россию великой и могущественной державой. А те, кто его убили, желали другого — великих потрясений. И в этом они преуспели вполне.

В. Серебренников, П. Конкин

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 23 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА

В. Н. Алексеевский. В прошлый раз вы закончили тем, что получили в апреле неожиданное производство в вице-адмиралы и телеграмму о назначении вас Командующим флотом Черного моря.

Адм. Колчак. Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в Ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась Ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего. Верховный Главнокомандующий был бывший государь. По прибытии в Могилев я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно и детально инструктировал меня об общем военно-политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все те политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и Государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весною 1917 г. предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге. Это было в начале июля, а осенью, приблизительно в августе, должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предполагалось лишь продвижение наших армий вдоль западного берега Черного моря, через пролив на Турцию и

---

* Продолжение. Начало см.- «Сибирь», № 4, 1990 г.

на Босфор, или, в зависимости от положения, предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижениям, либо выбросить десант непосредственно на Босфор, и флот должен был постараться захватить Босфор. На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте, хотя я и занимался вопросом о проливах,— они меня интересовали чисто теоретически,— ген. Алексеев сказал, что общее мнение в Ставке было таково, что я лично по своим свойствам могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто-либо другой.

Затем, после выяснения всех этих вопросов, я явился к государю. Он меня принял в саду и очень долго, около часа, также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом, в связи с выступлением Румынии, которое его чрезвычайно заботило, ввиду того, что Румыния, по-видимому, не вполне готова, чтобы начать военные действия, и ее выступление может не дать благоприятных результатов,— оно заставит только удлинить наш и без того большой фронт левого фланга: нам придется своими войсками занять Румынию и удлинить фронт почти до Дуная. Это явится новой тяжестью, которая ляжет на нашу армию, и положительные результаты вряд ли даст. Я спросил относительно Босфорской операции. Он сказал, что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны подготовляться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий по западному берегу, и самостоятельная операция на Босфоре, перевозка десанта и выброска его на Босфоре. Тут еще было прибавлено государем: «Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает Французское союзное командование: оно требует, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила. Они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать давлению союзного командования».

Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Прибывши в Севастополь, я принял Черноморский флот от вице-адмирала Эбергарда, который меня уже подробно, в течение целого дня посвятил в действительное положение Черного моря.

Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы, которые тогда стояли, были, во-первых, обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодических набегов быстроходных крейсеров «Гебена» и «Бреслау», ставивших в очень опасное положение весь транспорт на Черном море. А транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для кавказской армии, потому что подходы к кавказской армии были чрезвычайно трудны, и нужно было базироваться на море. Первой задачей было как-нибудь обезопасить и направлять транспорт и обеспечить побережье и порты — главным образом, в восточной части Черного

моря, откуда шел транспорт для снабжения кавказской армии,— от этих угроз, которые над ними висели ввиду постоянных рейдов «Гебена» и «Бреслау». Все это осложнилось еще появлением подводных лодок, которые прошли Босфор. Несколько лодок вошли в Варну, болгарский порт, а другие выходили из Босфора и начали свою работу, выражавшуюся в потоплении транспортов. Меры, которые принимались для этого, были явно недостаточны, т. е. конвой транспортов при помощи миноносцев страшно задерживал движение, потому что миноносцев было мало и обеспечить конвоирование этих транспортов было нельзя.

Следующей задачей была подготовка к так называемой Босфорской операции, о которой я сказал раньше. Характерно следующее обстоятельство: в полночь я поднял свой флаг, Эбергард спустил, и я вступил в командование в Черном море. Через несколько минут после этого — теперь я могу говорить об этом совершенно открыто, а тогда никто этого не понимал и думали, что это было исполнено мною случайно, а между том все это проделывалось совершенно сознательно и определенно — было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в море, был указан точно час — кажется, в 11 час. вечера. Я сейчас же призвал соответствующих чинов своего штаба, разобрал на карте вероятное положение, откуда он может идти, где он может быть. Я приказал немедленно выходить своему флагманскому линейному кораблю, поднимать пары на «Императрице Марии» — другой дредноут, к сожалению, выйти не мог,— я взял еще крейсер «Кагул»: пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в море. Это было с 6 на 7 июля. Как раз при выходе — это было очевидно, он всегда это делал — «Бреслау» на Севастополь послал подводную лодку, но эта лодка была замечена с аэроплана, который меня сопровождал; мне удалось увернуться от нее и выйти в открытое море. Это мне подтвердило, что неприятельское судно действительно там находится. В три часа дня я действительно заметил на горизонте дым и встретился с «Бреслау». По его положению и курсу я заметил, что он идет на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание для нашей кавказской армии. Увидевши меня, он сейчас же повернул обратно на Босфор. Я гнался за ним до темноты, когда наступившая тьма и гроза нас разделили. Я имел возможность открыть по нему огонь с предельной дистанции, приблизительно 11—12 миль, насколько хватало орудие, но огонь этот действителен не был. Потом я узнал, что на нем было некоторое количество раненных осколками от рвущихся моих снарядов.

Я потому подробно останавливаюсь на этом неважном случае, что это был единственный выход крейсеров «Гебена» и «Бреслау» за все время командования мною в Черном море. Потом я принял некоторые меры, которые парали-

зовали их выход, они уже больше не появлялись в Черном море.

Затем я вернулся обратно в Севастополь и через несколько дней приступил к выполнению уже серьезного заграждения Босфора минами по известному выработанному плану, как от выхода надводных судов, так и подводных лодок. Эта операция непосредственно над босфорскими укреплениями была выполнена нашими минными судами непосредственно под моим руководством. Я выходил на корабле в это время сам, и Босфор мы заградили настолько прочно, что в конце концов, установивши еще необходимый контроль из постоянного дежурства и наблюдения миноносцев, чтобы эти мины не были уничтожены и вытралены и для того, чтобы укреплять снова эти заграждения,— мы в конце концов совершенно обеспечили свое море от появления неприятельских военных судов. Правда, туркам и немцам удавалось под берегом очищать море от мин, и они посылали транспорты очищать море от мин Загулдак. Они нуждались в угле, мы же эти транспорты ловили и уничтожали, и это всегда благополучно проходило.

Что касается подводных лодок, то с ними борьба была несколько труднее, но и те последние подводные лодки, которые осмеливались подходить к Севастополю, были замечены только в январе 1917 г. Весь транспорт на Черном море совершался* так, как и в мирное время. Минные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная и надлежащим образом развитая, радио-связь дали возможность обеспечить нам Черноморский бассейн совершенно спокойно от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для кавказской армии. Несколько было сложнее с теми лодками, которые пробирались в Варну, и то часть их удалось пробить при помощи заграждений. Затем, в декабре месяце, из Константинополя прорвались в Варну несколько больших миноносцев и две канонерские лодки. Эти канонерские лодки были обнаружены крейсером «Кагул» и были потоплены недалеко от Босфора, около мыса Карагалу.

Таким образом, в Черном море наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность уже употребить все силы на подготовку большой Босфорской операции. По плану этой Босфорской операции в мое непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, дивизия ударного типа, кадр которой мне был прислан с фронта, и командиром ее был назначен один из лучших офицеров Генерального штаба ген. Свечин; начальником штаба был назначен полковник Генерального штаба Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельские берега для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обес-

* Так в тексте.

печить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними. Так вся эта подготовка работ шла до наступления государственного переворота в конце февраля месяца.

В Черном море, как и для меня, этот переворот был совершенно неожиданный. Обстоятельства, которые застали меня, были следующие. Эта работа по подготовке Босфорской операции должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце, но рядом с этим планом шла подготовка и других работ. В августе было выступление Румынии, значит, тогда у меня явилась работа на Дунае: образование флотилий на Дунае, образование фронта на Дунае — все это заставило меня принять ряд других военных действий в 1916 г. Босфорская же операция предполагалась весной 1917 г. Ко времени начала 1917 г. выяснилось уже окончательно, что из двух планов может быть приведен в исполнение только один, потому что неудачи на Румынском фронте мешали возможности Босфорской операции и возможна была только десантная операция.

Н. А. Алексеевский. А дивизия Свечина была передана вам еще до выяснения невозможности первого плана?

Адм. Колчак. Да, она тогда начала серьезно формироваться, нами предполагалось перебросить туда и часть орудий с Севастопольской крепости, там шла подготовка всех материалов и т. д.

Н. А. Алексеевский. Мы подошли к той части вашей деятельности, которая носит не только профессиональный и технический характер, но и политический. В связи с этим комиссия считает необходимым поставить вам вопросы о ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах вашей семьи.

Адм. Колчак. Моя семья — была чисто военного характера и военного направления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца были моряками. Один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные. Какиминибудь политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступал в Корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания, т. е. математические и физические науки. Но науками социального и политического характера я занимался очень мало. Был один период у меня, о котором я могу сказать несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы,— это был период моего пребывания в Корпусе уже последних старших выпусков, когда я начал работать на Обуховском заводе. Я вырос на этом Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе давало мне массу технических знаний по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д. В Корпусе мне не нужно

было заниматься этими предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем это преподавалось в Корпусе, потому что самая обстановка и среда давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался заводским делом. Было даже такое время, когда ко мне на завод приезжал английский заводчик, известный по пушечному делу, Армстронг. Мой отец его знал хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел там школу на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником. Близость завода и возможность получить огромные знания меня, молодого человека, увлекали и у меня явилась тогда идея в свободное время пройти курс заводской техники. Я начал дело с самых первых шагов, т. е. начал изучать слесарное дело, и работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали. Они знали меня и благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка. Кое-что я читал по этому вопросу, долго занимался — не могу сказать изучением,— меня тогда интересовал вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопросы труда и т. д. Но я повторяю, что я не изучал этого дела; я с ним знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили, и меня это до известной степени интересовало. Изучением же этих вопросов я не занимался, потому что у меня не хватало времени. Когда я перешел в последние выпуски, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия, и я больше не занимался этими вопросами. О вопросах политического и социального порядка, сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось. В моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался. Мой отец, как я говорил, был военный, севастополец, вся среда была военная или техники специалисты Обуховского завода.

Н. А. Алексеевский. Скажите, адмирал, в 1904—1905 гг., когда вы участвовали в русско-японской войне, вы, как человек, хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определялись политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе этого дела стоял великий князь Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию,— вы тогда не пришли, как и большинство интеллигентного русского общества, к выводу о том, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путем борьбы?

Адм. Колчак. Я считал необходимым уничтожение должности генерал-адмирала, и это соверши-

лось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствием образования: флот не занимался своим делом — вот главная причина, и из первого объяснения вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно, и она могла бы действовать.

Председатель. Каково было ваше отношение, адмирал, к революции 1905 года?

Адм. Колчак. Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, я был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии наук, где до начала 1906 г. начал работать по созданию Генерального Штаба, так что я как раз в этот период не был в соприкосновении с событиями революции 1905 г. и в политической деятельности участия не принимал.

Председатель. Каково было ваше идейное отношение к этому делу?

Адм. Колчак. Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу для государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

Н. А. Алексеевский. Значит, вы считали, что техническая, профессиональная постановка военно-морского дела была причиной нашего поражения, что самая постановка была ошибочна, т. е. вы считали ее как бы добросовестной ошибкой и что она происходила не из условий политического строя, а из условий ошибок?

Адм. Колчак. Я приписывал именно этому, потому что я считаю, что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию, просто у нас настолько не обращалось внимание на живую подготовку во флоте, что это было главной причиной нашего поражения.

Н. А. Алексеевский. Далее, адмирал, позволителен еще вопрос. Ведь не обращалось внимание потому, что тот, кто должен был обращать внимание, не обращал, а кто должен был обращать? Главою всех военных сил России был император и императорская фамилия, и династия распределяла между собою все важнейшие роли, а над всеми, как глава военных сил, был император?

Адм. Колчак. Тут были общие причины. Я видел здесь, на Востоке, как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

Н. А. Алексеевский. У нас есть

поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли вы к убеждению, что именно сверху нет ничего, кроме слов, в отношении ответственности и руководства?

Адм. Колчак. Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, мы ничего не делали.

Председатель Чудновский. Скажите, пожалуйста, были ли вам указания и зависело ли от вас выполнять определенный план? Я имею в виду все командование флотом и потому и спрашиваю, имели ли вы какие-нибудь указания сверху, что необходимы некоторые перетасовки для того, чтобы восстановить боевую единицу?

Адм. Колчак. Я не помню, я был слишком молодой офицер, чтобы иметь эти указания в тот период.

Председатель Чудновский. Когда вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая командованием не выполнялась. Мне это непонятно, потому что, если верховное командование отдает определенные боевые задачи и эти задачи не выполняются, то командование принимает меры.

Адм. Колчак. Я вам на это скажу, что причины лежали, как мне они представлялись, в ином: возьмите постановку боевых стрельб, как они тогда были поставлены? Никаких научных оснований для этого не было разработано, стрельбы производились только для отбывания номера. Инструкции, которые давались свыше, требовали от нас выполнения боевой подготовки, но сами выполнители благодаря своему невежеству и своей неподготовленности не могли выполнить. Из этого ничего не получалось: наш флот стрелять не умел. Но, повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял, в этом никакого сомнения быть не может, потому что не могли же исходить сверху другие требования, выполнение же этих требований было никуда негодное благодаря нашему невежеству. Ведь программа, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично, и обоснованно, но выполнение их было ужасно, благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом, потому что к этому времени уже флот представлял из себя такую сложную боевую машину, что он требовал других людей, более воспитанных и подготовленных. Я вспоминаю тот период последней войны — ведь ничего похожего не было. Здесь, наконец, после этого страшного урока у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть, он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы давали самые лестные. Я прямо скажу, что постановка артиллерийского дела у нас в последнюю войну была великолепно разработана, и мы прекрасно стреляли. Минное дело у нас стояло, быть может, выше, чем где бы то ни было. К нам приезжали учиться. Меня американцы после по-

сещения Черноморского флота вызвали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела. Это меня больше всего заботило, и я думаю, что я был прав, потому что когда после японской войны группы офицеров взялись честно за свое дело, когда они прежде всего смотрели на то, на что им нужно было смотреть, т. е. на создание органа, который бы занялся подготовкой к войне,— когда у этого маленького кружка явился подъем знаний и известное добросовестное отношение к своим обязанностям, которое явилось как известный результат событий, тогда мы создали флот, независимо от того, какой был политический строй. Так что я повторяю, что вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные; наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, вы вооруженной силы не создадите.

Н. А. Алексеевский. А не было ли у вас мысли о том, что удаление Великого князя Алексея Александровича и устранение от руководства, от постановки боевого дела во флоте и адмиралтействе старых адмиралов было делом не столько группы молодых энергичных офицеров, которые образовали кружок и содействовали образованию Генерального штаба, сколько делом общего политического настроения и тех политических перемен, которые создались наличием хотя бы такого учреждения, как Государственная дума и наличием общественного контроля?

Адм. Колчак. Несомненно.

Н. А. Алексеевский. Считали ли вы, адмирал, что переменившиеся политические обстоятельства в значительной степени дали этому возможность?

Адм. Колчак. Конечно, да, хотя повторяю, оценивая роль генерал-адмирала, которая тогда была, она всегда представлялась для меня совершенной фикцией, которая не оказывала почти никакого влияния. Алексей Александрович решительно ни во что не входил, я его никогда не видел, и ни в какие дела он, в сущности говоря, не вмешивался. Он имел настолько малое влияние, что по-моему, эта была чистая синекура. Фактического влияния Алексея Александровича на флот я, находясь во флоте, не чувствовал.

Н. А. Алексеевский. Но, может быть, вы смешиваете влияние положительное и отрицательное? Положительного творческого влияния не было, отрицательное было все время, потому что через него проходили все назначения. Он представлял, рекомендовал, поддерживал, он создавал органы во флоте, он персонально подбирал лиц, которые благодаря участию некоторых специалистов могли составить инструкцию. Но о том, как вести практическую стрельбу и проверить, исполняется ли все, что необходимо, или нет,— они понятия не имели, и старые адмиралы не были способны даже это оценить.

Адм. Колчак. Несомненно, могли быть и эти влияния, то управ-

ление флотом, которое было тогда, несомненно, имело в этом смысле влияние.

Н. А. Алексеевский. В частности, могли ли бы быть отправлены эскадры Рождественского и Небогатова, если бы существовал Генеральный штаб или какое-нибудь руководство флотом?

Адм. Колчак. Трудно теперь сказать,— но, думаю, что они не были бы отправлены.

Н. А. Алексеевский. Таким образом, вы из неудач войны с Японией не делаете таких политических выводов?

Адм. Колчак. Нет. Вспышку 1905—1906 годов я приписываю исключительно народному негодованию, оскорбленному национальному чувству за проигранную войну. Но, повторяю, что я, например, приветствовал такое явление, как Государственная дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Государственной думой, работал там все время в комиссиях и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа.

Н. А. Алексеевский. Таким образом, в вас неудачи в Японской войне не вызвали никаких сомнений в отношении политического строя и вы остались по-прежнему монархистом?

Адмв. Колчак. Я остался — по-прежнему.

Н. А. Алексеевский. И, в частности, никаких сомнений в династии это не вызвало?

Адм. Колчак. Нет, я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности императора это у меня никаких вопросов не вызывало.

Н. А. Алексеевский. Я думаю, что для комиссии было бы очень интересно, что бы вы, раньше чем перейдете к рассказу о вашей деятельности, которая приняла оттенок политический, рассказали нам о ваших личных отношениях к некоторым наиболее видным деятелям прошлого режима: к императору Николаю, к тем великим князьям, с которыми вы имели отношения, к некоторым вдохновителям старого режима последнего царствования — Победоносцеву, Плеве, к некоторым министрам, например, к тому министру, который оставался все время при императоре,— барону Фредериксу.

Председатель. Иначе говоря, мирились ли вы с существованием монархии, являлись ли вы сторонником ее сохранения или Японская война и революция 1905—1906 гг. внесла изменение в ваши политические взгляды?

Адм. Колчак. Моя точка зрения была просто точкой зрения служащего офицера, который этими вопросами не занимался. Я считаю, что при нашей присяге моя обязанность заключается в несении службы так, как эта присяга этого требовала. Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим

исчерпывалось все мое отношение. И, сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

Н. А. Алексеевский. Среди военных, как среди всего русского общества, условия и политические события, связанные с династией, и в частности с семьей бывшего императора, события последних лет перед революцией повлияли в значительной степени на разрушение тех симпатий, которые существовали раньше. Военная среда в этом отношении не была чужда этой перемены. В частности, появление Распутина, его роль, насколько мне известно, повлияли на изменение отношений к династии и, в частности, к императору Николаю среди военных. Я имею сведения, что и в военно-морской среде существовали такие же настроения. Так вот, захватили ли вас эти настроения и в какой степени?

Адм. Колчак. Насколько мы получали эти сведения и, в частности, о распутинской истории, они глубоко возмущали ту среду и меня, и тех, которые об этом деле осведомлялись и получали какие-нибудь известия. Я, например, помню такой случай. В 1912 г., когда я плавал на «Уссурийце» — верно это или нет — прошел слух, что Распутин собирается из Петрограда прибыть на место стоянки императорской яхты — в шхеры и для этого будет дан миноносец. Я помню, со стороны офицеров было такое отношение: что бы там ни было, но я не повезу, пусть меня выгоняют, но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу. Это было общее мнение командиров. Но дело в том, что мы в это время плавали, получали такие известия, но на самом деле такого факта и не было, никого из нас не звали и никакого Распутина не возили. Эта история глубоко возмущала нас, но непосредственно с ней мы не соприкасались. Никто толком не знал — была масса слухов и разговоров.

В. П. Денике. Мы как будто остановились на том, как сложились ваши воззрения к концу 1906 г. Что же, в дальнейшем за этот период времени с 1906 по 1917 гг., ко времени революции, происходили ли изменения ваших политических воззрений и принимали ли вы какое прямое или косвенное участие в политической жизни страны?

Адм. Колчак. Нет, я не принимал участия, я в это время был занят чисто технической работой, у меня не было времени, я соприкасался с ними, поскольку бывали разговоры.

Н. А. Алексеевский. Здесь уместен один вопрос, который касается вот чего: вы сначала нам скажите, имели ли вы личные отношения с бывшим императором и с выдающимися членами и деятелями династии и, в частности, имели ли вы хоть одно свидание с Распутиным?

Председатель. Я прибавлю, не изменялись ли эти отношения до самой революции 1917 г.?

Адм. Колчак. Я никакого участия в политической работе не принимал. Я скажу прежде всего о государе. Нужно сказать, что до войны — меня выдвинула война —

я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими-нибудь высшими кругами, и потому я непосредственных сношений с ними не мог иметь по существу. Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможности бывать в этой среде, среде придворной, среде правительственной. Соприкасался я с отдельными высшими правительственными лицами только тогда, когда я работал в Генеральном штабе, когда я бывал в Думе, где мне приходилось встречаться с отдельными министрами, а кроме своего прямого начальства, я непосредственно не мог ни с кем сталкиваться. Государя я видел в Могилеве, в Ставке. Перед этим я видел его, когда он приезжал на смотры во флот.

При дворе я никогда не бывал. В 1912 г. я видел государя и царскую фамилию, когда царская фамилия стояла на рейде (на яхте) «Штандарт» в шхерах. Туда были вызваны отряды заградителей для постановки пробных заграждений и отряд миноносцев для конвоирования этих заградителей. Я тогда командовал «Пограничником». Туда прибыл Эссен. Мой миноносец состоял в распоряжении Эссена. Характер постановки мин был такой, что заградители шли из строя и сбрасывали мины. Но, для того, чтобы видеть характер этой постановки, мой миноносец назначен был идти рядом с ними и видеть эту постановку. Вот на мой миноносец прибыл государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей — «Амуром», который ставил мины. Это был случай, когда государь был у меня на миноносце. Но так как я был командиром, стоял на миноносце и управлял им, то не мог с ним разговаривать. Затем, после окончания постановки мин я прошел на «Штандарт».

Председатель. Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли вы монархистом или нет?

Адм. Колчак. Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь. Тогда этого вопроса: «Каковы у вас политические убеждения?» — никто не задавал. Я не могу сказать, что монархия — это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что, тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом. Итак, я был на завтраке на «Штандарте»; затем я второй раз видел императора в Ревеле*, когда государь прибыл на один смотр, на крейсер «Россия». Я тогда стоял во фронте, он пришел, обошел фронт, поздоровался с командой и уехал. Никаких других я по своему положению не мог иметь связей. Императрицу я видел единственный раз, когда был на «Штандарте» — во время завтрака. Из великих князей до 1917 г. я встречался в Морской академии с Кириллом Владимировичем, видел я также великих князей, когда были смотры.

---

* Ныне — г. Таллинн.

А. Н. Алексеевский. С Распутиным вы ни разу не виделись?

Адм. Колчак. Нет, ни разу не видал.

А. Н. Алексеевский. В числе вещей у вас есть икона, золотой складень. Там как будто есть надпись, что она вам дана от императрицы Александры Феодоровны, от Распутина и какого-то епископа.

Адм. Колчак. У меня есть благословение епископа Омского — Сильвестра, которое я от него получил. Это маленькая икона в голубом футляре. Эта икона принадлежит ему; он получил ее от каких-то почитателей с надписью, и так как у него другой не было, то он мне эту и подарил.

А. Н. Алексеевский. Мы бы хотели, чтобы вы нам сказали, не касаясь всех событий, какие произошли после Февральского переворота,— изменились ли ваши политические взгляды за это время, какими они представляются в настоящее время?

Председатель. Какова была ваша общая политическая позиция во время революции?

А. Н. Алексеевский. Если угодно, мы зафиксируем в протоколе, что с высшими представителями прошлого режима личных отношений вы не имели.

Председатель Чудновский*. Мы бы хотели знать в самых общих чертах ваши политические взгляды во время революции, о подробностях вашего участия, вы нам расскажете на следующих допросах.

Адм. Колчак. Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало в предшествующие месяцы,— Протопопов и т. д.— не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной думы, как высшей правительственной власти.

Лично у меня с Думой были связи, я знал много членов Государственной думы, знал, как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их выступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это был морской министр Григорович. Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал, и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему

---

* С этой страницы упоминается новый председатель.

Временному правительству. Присягу эту я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать, и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда: что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя во главе Российской власти.

Когда совершился переворот, я считал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти. Мое отношение к перевороту и к революции определялось следующим. Я видел — для меня было совершенно ясно уже ко времени этого переворота, что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенном в смысле ее исхода. Поэтому я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать на то, что революция внесет энтузиазм — как это было у меня в Черноморском флоте вначале — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего: и образа правления, и политических соображений.

Председатель. Как вы относились к самому существу вопроса свержения монархии и какова была ваша точка зрения на этот вопрос?

Адм. Колчак. Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну.

А. Н. Алексеевский. Не смотрели ли вы слишком профессионально на этот вопрос?

Адм. Колчак. Я не могу сказать, чтобы я винил монархию и самый строй, создавший такой порядок. Я откровенно не могу сказать, чтобы причиной была монархия, ибо я думаю, что и монархия могла вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я видел, что какая-нибудь перемена должна быть, и переворот этот я главным образом приветствовал как средство довести войну до счастливого конца.

А. Н. Алексеевский. Но перед вами должен был встать вопрос о дальнейшем: какая форма государственной власти должна существовать после того, как это будет доведено до конца?

Адм. Колчак. Да, я считал, что этот вопрос должен быть решен каким-то представительным учредительным органом, который должен установить форму правления и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления, которую этот орган установит.

Председатель. На какой орган, по вашему мнению, могла бы быть возложена эта задача?

Адм. Колчак. Я считаю, что это должна быть воля Учредительного собрания или Земского собора. Мне казалось, что это неизбежно должно быть, так как правительство должно было носить временный характер, как оно заявляло.

Председатель. Какой образ правления представлялся лично для вас наиболее желательным?

Адм. Колчак. Я затрудняюсь сказать, потому что я тогда об этом не мог еще думать. Я первый признал Временное правительство, считал, что как временная форма оно является при данных условиях желательным; его надо поддержать всеми силами, что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в Учредительном органе форму правления, и, какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия, вероятно, будет совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают. Я считал, что с этим вопросом уже покончено, и думал, что вероятно будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

А. Н. Алексеевский. Не возникала ли у вас лично и вообще в офицерской среде мысль, что отречение Николая II произошло не совсем в тех формах, которые бы позволили военным людям считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к монархии? Я предлагаю этот вопрос потому, что император Вильгельм, когда отрекался, специальным актом освободил военных от верности присяге, данной ему. Не возникала ли у вас мысль о том, что такого рода акт должен был сделать и император Николай?

Адм. Колчак. Нет, об этом никогда не поднимался вопрос. Я считаю, раз император отрекся, то этим самым он освобождает от всех обязательств, которые существовали по отношению к нему, и когда последовало отречение Михаила Александровича, то тогда было ясно, что с монархией дело совершенно покончено. Я считал необходимым поддерживать Временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и, как военный, я считал нужным поддерживать ее всеми силами.

Геннадий Михасенко

НА КУДЫКИНОЙ ГОРЕ

Гулял молодой папа с дочкой за городом. Благо для Братска тех лет «за городом» — это близко, рядом, перешагнул железобетонный бордюр шоссе — вот и «за городом», в лесу, на поляне. Правда, на сей раз папа с дочкой ушли подальше и попали в район какой-то окрестной деревушки, ибо дальнейшая сцена не могла произойти в непосредственной близости от Братска, этой вечной строительной площадки.

А произошло вот что: папа увидел вдали, на лугу, пасущуюся живность. Сам удивленный и обрадованный, отвыкший от таких видов, он подхватил дочку на руки, и состоялся примерно такой вот разговор:

— Доча, смотри, кто там пасется на лугу?

— Где?

— Во-он, подальше! Далеко-далеко!.. Ну, кто там пасется? Подсказать?.. Ко...

— Козы!

— Нет, не козы!.. Ко...

— Кони!

— Нет, не кони!.. Ко...

— Коровы!

— Правильно, коровы!

И молодой папа, а мы смеем уточнить — молодой поэт — понял, что не только наткнулся на тему для стихотворения, но и почти сочинил его. К вечеру нашлись и последние, заключительные, сразу не давшиеся строчки, потребовавшие уже не экспромтных способностей, а неизбежных в творчестве усилий поиска. И концовка «Пейте, дети, молоко — будьте здоровы» оказалась самой удачной, то-есть самой детской и сущностной.

В августе 1965 года стихотворение «Кто пасется на лу-

гу?» было опубликовано в многотиражке Братскгэсстроя «Огни Ангары». Номер этот попал в Москву и каким-то чудом оказался на столе у Александры Пахмутовой, которую стихотворение вмиг очаровало, и вскоре родилась песенка, ставшая лауреатом международного конкурса песни в Софии, широко звучавшая по радио и послужившая основой для мультфильма.

Так нежданно-негаданно родился детский поэт Юрий Черных. И с тех пор пошли, пошли стихи, словно прорвало незримую запруду. Сперва шли стихи для дочки и по поводу тех или иных происшествий, связанных с ней, что вполне естественно и объяснимо. С первых своих строк Черных оказался привязанным к миру первоначального детства, он подчинился этому призванию и стал разрабатывать свою жилу. Постепенно творчество стало раскрепощаться и пошли стихи не только для и по случаю, а стихи вообще, для всех детей, стихи всеобщего, так сказать, отцовства, ибо детский поэт — это всегда вселенский универсальный родитель-воспитатель.

С Юрием Черных произошла удивительная штука: у него не было периода ученичества, что так свойственно начинающим поэтам. Черных не ходил в чине начинающего, он сразу возник как уже сложившийся поэт. Объяснение тут может быть единственное: значит, исподволь, подспудно давно уже шла в душе интенсивная поэтическая работа, подпитываемая бог весть какими родниками. Не имея выхода вовне, эта поэтическая работа замыкалась, очевидно, на самое себя, снова и снова проигрываясь в вариантах и таким образом самосовершенствуясь. Ведь известно, что самые тонкие технологические операции совершеннее происходят в герметических сосудах. Эта истина относится, вероятно, не только к материальным, но и к идеальным процессам. По крайней мере, сам Черных признается, что не знает и не помнит того отрезка своей жизни, когда бы он не умел сочинять стихов. Цепко держится в памяти случай из военного первоначального детства: он и его старшая сестра сидят за столом под черным репродуктором и слушают последнюю фронтовую сводку. И вот губы мальца вдруг зашевелились и что-то зашептали.

— Юра, ты что там бормочешь? — спрашивает сестра.

— Стихи, кажется.

— Какие стихи?

— А которые сочиняются.

— Как это сочиняются?.. Ну-ка, ну-ка, что там у тебя сочиняется? — заинтересованно потребовала сестра. И шес-

тилетний братишка повторил то, что сочинилось, а сестра, умница, записала и, удивленная, зачитала вслух домочадцам. Это действительно оказались стихи, ритмически правильные и со смыслом: про ненавистных гитлеровцев и про Красную Армию, которая их победит. Поэт до сих пор помнит эти свои младенческие строчки и сам удивляется, откуда и как в нем зародилось это чудо стихотворчества:

По дороге быстро
Мчится паровоз,
Он немецких фрицев
В армию повез.

Это было летом,
В самый жаркий день.
Паровоз нечаянно
Налетел на пень.

Паровоз подпрыгнул,
А потом упал,
Вывалились немцы,
За ними — генерал.

Талант был, есть и вечно останется непостижимой тайной, ключом к которой владеет лишь сама природа, безрасчетно и щедро сея таланты направо и налево и даже не глядя, куда и к кому попадают эти сокровенные зерна. И вот одно из них попало в душу маленького Юры Черных. Попало и дремало до поры, до времени, чтобы однажды «излиться наконец свободным проявленьем».

Поэт врожденно безупречно владеет стихотворной формой, и, если уж наткнулся на удачную мысль, то — будьте уверены — стихи напишутся. Поэт безошибочно чувствует объем мысли и заключает ее в точно выверенную форму: то ли в маленький стишок уложиться, то ли подышать глубже и дольше. Ему одинаково удаются и короткие стихи, и подлиннее. Вот как он, например, обыгрывает русскую народную поговорку «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»:

Утка может без труда
Вынуть рыбку из пруда:
Шею в воду окунет —
Вот тебе и окунек!

Всего четыре строчки! А больше и не надо для этой крошечной мысли.

А вот целая поэмка, с героями, с характерами, насквозь сказочная и в то же время такая обыденно-реальная. «На Кудыкиной горе»:

Дело было в декабре
На Кудыкиной горе.
Из деревни в зимовье,
В свое зимнее жилье,
На Савраске дед Мороз
Бабу снежную привез.

— Будь хозяйкой! — молвил дед.—
Скуден, баба, мой обед:
Миска студня-холодца
Да огрызок леденца...
Напеки ты мне тортов
Всех названий и сортов!
Я печурку затоплю,
Ты пеки, а я посплю.

Через час проснулся дед —
Ни тортов, ни бабы нет!
Печка топится в углу,
Сохнет лужа на полу.

Дед Мороз туда, сюда:
— Где ты, баба? Вот беда!
Ты куда ушла, куда?
И откуда тут вода?
Дело было в декабре
На Кудыкиной горе.

Развернулась целая драма, во всех деталях понятная ребенку, понятная не только потому, что дед Мороз и снежная Баба своей сутью и психологией известны и близки ребячьей душе, но, главное, потому, что словесная организация материала до предела проста и удобоварима. Черных в своих стихах очень естественен, его строчки разговорны, легки. Поэт почти не пользуется ассонансами, приблизительными, неполными рифмами, его рифмы всегда богато-полнозвучны, что детям очень нравится. Своей четкостью и ритмом стихи Юрия Черных напоминают ребячьи считалки, под них можно прыгать и маршировать.

У Черных нет пустых описательных стихов, стихи его всегда конкретны, вещественны, и если порой отсутствует броская острая мысль, то есть живая сценка, сама по себе несущая чувство и мысль. Его стихи полны озорства, игры, забав, причем не всегда в виде физического действия. Это может быть игра ума, игра со словами родного языка, это может быть внезапное столкновение затертых понятий, нахождение новой сути в старых привычных формах. Вот, например, миниатюрка «Колючая встреча»:

Ежик ежится у елки —
Укололся об иголки.

Елка ежится, дрожа,—
Укололась об ежа.

Вроде бы ничего особенного, пустячок, подумаешь — встреча двух колючих существ, но для ребенка такие пустячки полны смысла и интереса, это расширяет их представление о мире, углубляет его. А вот игра с многозначностью слова «косой», целое стихотворение построено на одной рифме, но не кажется ни назойливым, ни скучным: «Встреча на косе»:

Шел по берегу Косой
Травянистою косой.
Видит: девица с косой
Машет острою косой.

— Слушай, серенький Косой,—
Молвит девица с косой,—
Я траву кошу косой,
Ты ходи другой косой!

— Слушай, девица с косой,—
Заупрямился Косой,—
Не пугай меня косой,
Не пойду другой косой!

Но попятился Косой
Перед острою косой,
Покосился на лесок
И помчал наискосок!

Сколько тут света, игры и веселья!

Но, играя, лукавя, поэт не уходит от острых вопросов жизни, он как истинный детский поэт делает это в веселой, почти шутливой форме: горькое лекарство он обволакивает сладкой оболочкой, и ребенок с удовольствием проглатывает пилюлю. Вот стихотворение «Волчьи пасти»:

Как под яблонькою — здрасте! —
Затаились Волчьи пасти:
Слева пасть и справа пасть —
Негде яблоку упасть!

Мимо сада по дорожке
Семенили Козьи ножки,
Их беспечно — прыг да скок! —
Погонял Бараний рог.

Облизнулись Волчьи пасти:
«Козьи ножки в нашей власти!
Ух, полакомимся всласть!»

Тут в разинутую пасть
Со всего размаха ветка
Спелый плод метнула метко,
А за ним неспелый — шасть! —
Во вторую Волчью пасть.

Поперхнулись Волчьи пасти,
Заскулили от напасти,
И сказал Бараний рог:
— Это, Волки, вам урок!

За барашком по дорожке
Убежали Козьи ножки,
И сказала пасти пасть:
— Ешь плоды, чтоб не пропасть!

Здесь не просто хи-хи да ха-ха, здесь сквозь непринужденность и удальство так и брызжут искры мировой схватки добрых и злых сил, выраженной в понятных ребенку обличьях. Это высокое искусство!

Может быть, одним из следствий того, что поэт предстал нам сразу уже сложившимся мастером, стало то обстоятельство, что у Черных нет явно неудачных стихов. Послабее — есть, но неудачных — нет! Видимо, очень силен в нем внутренний взыскательный редактор, который долго внутриутробно оттачивал свой вкус и набивал руку. Очевидно, и несовершенные стихи подступают к горлу, но поэт не пропускает их. Он, как кит, сцеживает воду, оставляя при себе только сущностное.

И еще одно, тоже относящееся, видимо, к мастерству поэта качество: его хочется без конца цитировать и цитировать. Это потому, что сами стихи о себе говорят больше, чем мы, читатели, можем о них сказать. Это свойство большой поэзии! Ну просто невозможно не привести целиком в общем-то короткое стихотворение «Хотите — проверьте!»:

Хотите — поверьте, хотите — проверьте,
Но белки, однако, умеют летать.
Обычные белки летать не умеют,
Но белки-летяги умеют летать!

Хотите — поверьте, хотите — проверьте,
Но рыбы, однако, умеют летать.
Обычные рыбы летать не умеют,—
Летучие рыбы умеют летать!

Хотите — поверьте, хотите — проверьте,
Но змеи, однако, умеют летать.
Обычные змеи летать не умеют —
Бумажные змеи умеют летать!

Хотите — поверьте, хотите — проверьте:
Я тоже, однако, умею летать.
Летать наяву я пока не умею,
Однако во сне я умею летать!

Как в привычных, знакомых понятиях расширяются представления ребенка о мире! Талант!

И наконец, еще одна миниатюра: «Встреча у катка»:

— Мужичок с ноготок,
Ты куда?
— На каток!
— А зачем?
— Покататься, вестимо!
— А на чём?
— На коньке,
На коньке-горбунке!

И степенно
Прошествовал мимо.

Очаровательная сценка, имеющая, кроме всего прочего, особый интерес: в ней поэт ненавязчиво подсказывает нам истоки своего творчества — русская классическая поэзия: Некрасов, Ершов — без прямого, разумеется, заимствования и подражания. Взят жизнеутверждающий дух нашей классики!

ЮРИЙ ЧЕРНЫХ

БАБУШКИН КАЛАМБУР

Не бегай, не прыгай,
Уймись, постреленок,—
Ведь ты же ребенок,
А не жеребенок!

ПЕВУН И ПЕВУНЬЯ

На этой неделе,
В канун новолунья,
Ко мне залетели
Певун и певунья.

И, сидя на ели,
Нежнее свирели
Мне пели пичуги
О солнечном юге.

Когда улетели
Певун и певунья,
За полем запели
Петух и петунья,

Что здесь в огороде
Растет бузина,
А в Киеве тетя
Живет у меня!

Поэтому наша
родная округа
Милее и краше
Цветущего юга.

КАК В ЦИРКЕ!

Мы сегодня всем детсадом
Веселились до упаду,
Потому что на тележке
Прикатили к нам потешки,
А за ними, словно утки,
Прилетели прибаутки!
А когда на парашютах
Опустилась пара шуток
И, как легкие снежинки,
Залетели в рот смешинки,
Ребятишки всем детсадом
Хохотали до упаду!

ДЕД МОРОЗ

Был дед
бел, сед,
Жил дед
сто лет.
Сто зим
дед мог
Без рук,
без ног
Рисовать узоры
В переплетах рам,
Чтоб горели зори
В окнах по утрам
И по вечерам!

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Ножки есть и спинка есть,
На меня ты можешь сесть,
Но на мне ты никогда
Не уедешь никуда!

Рядом добрый мой сосед:
Ножки есть, а спинки нет!
Если ты захочешь есть,
За него ты должен сесть.

Сбоку новый наш сосед:
Спинка есть, а ножек нет!
Он и мягкий, и тугой —
Догадайся, кто такой!

ВНУЧКА-ПОЧЕМУЧКА

Есть у деда внучка,
Внучка-почемучка,
И приходится ему
Отвечать на «почему».

— А сорока почему,
Белобока почему
То стрекочет на колу,
То летает по селу?

— А сорока потому
Суетится потому,
Что разносит на хвосте
Сто сорочьих новостей!

А собака почему,
Забияка почему
Громко лает на заре
У соседей во дворе?

— А собака потому
Громко лает потому,
Что назойливых сорок
Не пускает на порог!

— А Буренка почему,
Для теленка почему
Промычала это «му-у»?
Ничего я не пойму!

— Промычала потому,
Что ответила ему,
Почемучке своему,
На телячьем «почему»!

СТО ПОТОВ

Тесно летом на дворе
И зимою тесно —
Покататься детворе
Не хватает места.

Нам поведал дед Егор
Истину простую:
— Оттого и тесен двор,
Что пустырь пустует!

Тут Алешка-богатырь
Закричал:
— Даешь пустырь!
Всем явиться чуть заря
На расчистку пустыря!

Рано утром сто ребят
Разобрали сто лопат,
Снег белее молока
Полетел под облака!

К ночи срыли все бугры,
Заровняли ямы.
Пот катился с детворы
Градом и ручьями!

Мы пролили сто потов —
По ведру на брата,
Но зато каток готов —
Заливать не надо!

И сегодня на дворе
Никому не тесно,
И на бывшем пустыре
Всем хватает места!

Черных Юрий Егорович родился в 1936 году в г. Усть-Кут Иркутской области. После окончания института живет и работает в г. Братске.

Автор книг для детей: «На лугу пасутся ко...», «Веселый разговор», «На Кудыкиной горе» и «Хотите — проверьте!», «Внучка-почемучка», «Егоркины скороговорки».

Член Союза писателей СССР.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Перу прославленного классика английской литературы Гильберта Кийта Честертона (1874—1936) принадлежит свыше ста книг разных жанров: шесть романов, 11 сборников рассказов, биографии, пьесы, книги стихов, книги по вопросам литературы, истории, религии, эссе. За несколько лет до смерти он закончил «Автобиографию» — книгу о себе и своей жизни, в которой он предстает перед читателем как человек неуемной мысли, во всей полноте духовной жизни, в окружении современников, с которыми у него были разные, порой непростые отношения. У нас писатель известен, главным образом, детективными рассказами о необыкновенных приключениях скромного католического священника Брауна. В этих небольших по объему рассказах Честертон с присущим ему остроумием демонстрирует необыкновенные качества своего простоватого по внешности героя, который всегда стоит где-то на третьем плане персонажей, постепенно выдвигаясь на первое место и достигая апофеоза в постижении истины происходящего там, где другие заходят в тупик. Секрет его неизменных успехов в позиции подхода к человеку, его возможностям, противоречивости его духовной сущности, в знании писателем общественной психологии, учете социальных интересов преступника. Браун заявляет: «Я не пытаюсь изучать человека снаружи. Я пытаюсь проникнуть внутрь. Это гораздо больше, правда?.. Настоящая наука — одна из величайших в мире. Но какой смысл придают теперь в десяти случаях из десяти, когда говорят, что сыск — наука? Люди хотят сказать, что человека надо изучать снаружи, как исполинское насекомое. Они говорят, что это научно, беспристрастно, а это просто бесчеловечно». («Тайна патера Брауна»). Не правда ли, мысль, не потерявшая своей актуальности и для наших деятелей сыска? Вообще каждый рассказ Честертона — своеобразный урок и посрамление распространенных представлений о мире, людях и самом себе. Без заметной, а следовательно, и досадной назидательности читатель воспитывается на общечеловеческих принципах — на незыблемых началах добра и правды. Каким бы умным и изощренным в изобретательности и неразборчивым в средствах ни был преступник, он терпит поражение закономерное и справедливое. В этом Честертон сближается с И. А. Буниным, который всегда вспоминал благотворное влияние на него повести Н. В. Гоголя «Страшная месть», прочитанной в детстве, где заложена идея осуждения преступления и неминуемо наступающего возмездия, торжества справедливости и гуманности.

Мы предлагаем читателю рассказ Г. К. Честертона «Худшее преступление в мире» из сборника «Тайна патера Брауна» (1927).

Г. К. Честертон

ХУДШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МИРЕ

Патер Браун бродил по картинной галерее с выражением, наводившим на мысль о том, что он пришел сюда не любоваться картинами, хотя вообще-то любил живопись. И в этом не было ничего безнравственного или нетактичного в отношениях к художникам-модернистам. Иначе он выглядел бы чудаком, способным испытывать хоть какое-то чувство от выставленных здесь бесчисленных изображений спиралей, перевернутых конусов и деформированных цилиндров, которыми футуристы пытаются то ли вдохновить человечество, то ли угрожать ему. По правде сказать, он просто ждал здесь свою молодую приятельницу, которая назначила для свидания столь неподходящее место встречи, будучи сама антифутуристкой. Молодая приятельница доводилась ему также юной родственницей — одной из немногих родственников, какие у него имелись. Звали ее Элизабет Фэйи, коротко — Бетти; она была дочерью сестры, вышедшей замуж за дворянина старинного, но разорившегося рода. Когда этот дворянин умер, оставив семью в нищете, патер Браун взял над девушкой покровительство, как священник, и опекунство, как дядя. Теперь он, щурясь, искал в толпе посетителей музея каштановые волосы и свежее личико своей племянницы. Ее не было, зато он увидел множество знакомых, а также множество незнакомых людей, включая таких, с кем он не особенно желал бы завести знакомство.

Среди незнакомых все больше привлекал его внимание стройный и гибкий молодой человек, изысканно одетый и похожий на иностранца своей острой бородкой и коротко стриженными густыми вьющимися волосами, плотно облегавшими череп. Среди тех, с кем патер Браун не особенно желал бы знакомиться, была приметная дама в крикливом красном, облегающем фигуру платье, с гривой желтых волос, слишком длинных, чтобы называться стрижеными, и слишком распущенными, чтобы претендовать на другое название. У нее было сильное, несколько тяжелое лицо, слишком бледное и как бы нездоровое; когда она смотрела на кого-нибудь, она старалась придать своему пристальному взору чары василиска. За нею неотступно следовал маленький человек с большой бородой и очень широким лицом, с длинными щелями сонных глазок. Вы-

ражение его лица было открытое, доброе, но какое-то сонное, а бычья шея, особенно сзади, придавала впечатление неуклюжести.

Патер Браун пристально вглядывался в даму, предвкушая, какой приятный контраст с ней составит племянница. Тем не менее он почему-то не спускал с дамы глаз до тех пор, пока не почувствовал, что для него приятным контрастом будет появление любого человека. Поэтому он испытал некоторое облегчение, когда его окликнули и, оглянувшись на голос. он увидел знакомое лицо.

То было резко очерченное, но приветливое лицо адвоката Грэнби, чьи седые волосы казались напудренным париком, столь не соответствовали они его юношеской подвижности. Он был одним из тех служащих Сити, которые словно школьники то вбегают, то выбегают из конторы. Сейчас, конечно, он не мог бегать по фешенебельному залу музея, но, казалось, был готов куда-нибудь сорваться и озирался направо и налево, отыскивая кого-нибудь из знакомых.

— А я и не знал,— сказал патер Браун с улыбкой,— что вы ценитель современного искусства.

— Да я то же сказал бы и про вас,— отозвался другой.— Я ищу знакомого.

— Тогда желаю удачи. Я занят тем же.

— Он сказал, что уезжает на континент, и я назначил ему встречу в этом невообразимом месте,— фыркнул адвокат.

На какой-то момент он задумался, потом неожиданно закончил:— Послушайте, я знаю, что вы можете хранить секреты. Вы знаете сэра Джона Масгрейва?

— Нет,— ответил священник,— но, мне кажется, с ним не может быть связано никакой тайны, хотя про него и говорят, что он прячется в замке. Не тот ли это старик, про которого сказывают всякие диковины, будто он живет в башне с подъемным мостом, рвом и прочими атрибутами средневековья? Он что, ваш клиент?

— Нет,— отозвался Грэнби.— Ко мне обратился его сын, капитан Масгрейв. Но старик играет большую роль в этом деле, а я его совершенно не знаю. Видите ли, дело весьма конфиденциальное, как я уже говорил, но вам я доверяю.— Он понизил голос и увлек своего собеседника в боковую галерею, увешанную картинами с изображением реальных предметов, впрочем, относительно бессодержательными.

— Молодой Масгрейв,— продолжал он,— хочет взять у

нашей фирмы солидную сумму денег под наследство, которое он получит по смерти старого отца в Норсамберденде. Старику за семьдесят, и рано или поздно он умрет, но что будет потом, так сказать? Кому достанутся денежки, замки с мостами и прочее? А это прекрасное старинное поместье стоит больших денег, но, как ни странно, оно не заявлено как наследственное. Видите, как обстоит дело? Вопрос в том, как говорится у Диккенса, хороший ли человек старик.

— Если он хорошо относится к сыну, для вас этого вполне достаточно,— заметил патер Браун.— Нет, к сожалению, я ничем не могу помочь вам. Я никогда не встречался с сэром Джоном Масгрейвом, да и немногие, кажется, видели его в последнее время. Во всяком случае, вы вполне вправе выяснить этот вопрос прежде, чем доверить молодому человеку свои деньги. А что, он не заслуживает доверия?

— Не знаю. Я в нем сомневаюсь,— ответил другой.— Он известный молодой человек, блестящий и занимающий положение в обществе; но большею частью он живет за границей, и потом — он был когда-то журналистом.

— Ну,— сказал патер Браун,— журналистика — это еще не преступление. По крайней мере, не всегда.

— Ерунда! — отрезал Грэнби.— Вы знаете, что я имел в виду: он же перекати-поле — был и журналистом, и лектором, и актером, и черти чем еще. Хотел бы я знать, чем он кончит... А, да вот он и сам!

И адвокат, неторопливо шагавший по залу, внезапно повернулся и стремительно направился через главный зал. Он шел, расталкивая встречных, прямо к высокому, изысканно одетому молодому человеку с курчавой головой и экзотической бородкой.

Встретившись, они пошли по залу, оживленно беседуя, и патер Браун провожал их близоруким взглядом, пока не был отвлечен звонким голосом племянницы Бетти. К удивлению дяди, она увлекла его снова в боковой зал и усадила в кресло, возвышавшееся посреди комнаты, подобно острову.

— Я должна вам кое-что сказать,— сказала она.— Это слишком абсурдно для понимания, чтобы еще кто-нибудь кроме вас мог во всем разобраться.

— Погоди-ка, ты совсем затормошила меня,— сказал патер Браун, усаживаясь поудобнее в кресло.— Это то дело, о котором говорила твоя мама? Помолвка и все такое; то что военные историки именуют генеральным сражением?

— Вы знаете, что она хочет выдать меня замуж за капитана Масгрейва,— сказала Бетти.

— Нет, не знаю,— ответил Браун.— Кажется, капитан Масгрейв делается модной темой.

— Конечно, мы очень бедны,— продолжала она,— но нехорошо говорить, что бедность делает людей неразборчивыми.

— Ты хочешь выйти за него? — спросил патер Браун, глядя на нее из-под опущенных век.

Она нахмурилась, опустила глаза и ответила тише:

— Думала, хочу. То есть, мне кажется теперь, что я так думала. Потом все изменилось.

— Ну, расскажи.

— Я услышала его смех,— сказала она.

— Что ж, смех — лучшее украшение манер светского человека,— заметил он.

— Вы не поняли меня,— сказала девушка.— Его смех был совсем не светский. В том-то и вся суть, что не светский.

Она замолчала, затем продолжала тверже:

— Я пришла сюда совсем рано, когда еще никого не было, и увидела его; он сидел совсем один посреди зала, где висят картины новой школы; меня он совсем не заметил; он сидел совсем один, и он смеялся.

— И не удивительно,— сказал патер Браун.— Сам я не художественный критик, но взглянув на картины...

— Ах, да вы не хотите понять! — почти гневно перебила его девушка.— Картины тут ни при чем. Он даже не смотрел на них. Он смотрел на потолок, но взгляд его был обращен в себя, и он засмеялся так, что кровь у меня застыла в жилах.

Священник поднялся и принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину.

— В подобных случаях не следует спешить с выводами,— начал было он.— Есть два типа людей... Но едва ли нам удастся поговорить на эту тему теперь,— вот он сам.

Капитан Масгрейв быстро вошел в комнату и, улыбаясь, окинул ее взглядом. Грэнби появился следом за ним: на лице лежало выражение облегчения и удовлетворения.

— Я должен взять обратно все, что я наговорил вам про капитана! — сказал он священнику, когда они направлялись к выходу.— Он очень чуткий человек, и сразу понял, что меня волнует. Он спросил меня самого, почему я не еду повидаться с его престарелым отцом; там я, дескать, смогу услышать из уст самого старика, как обстоит

дело с наследством. Ну, можно ли быть честнее, чем он? И притом, он так хочет уладить это странное дело, что предоставил в мое распоряжение свой личный автомобиль для поездки в Масгрейв Мосс. Это название имения. Я намекнул ему, что если он окажет нам любезность, то мы отправляемся завтра утром.

Капитан Джеймс Масгрейв взглянул в главный зал, и его словно подменили — глаза, смеющиеся и торжествующие, в одно мгновение преобразили его с головы до ног. Священник оглянулся, словно тень какого-то предчувствия надвинулась на него сзади: он увидел мрачное, почти мертвенно-бледное лицо большой женщины в красном под ее львиной гривой. Она стояла, подавшись вперед, словно буйвол, готовый к нападению, ее бледное лицо выражало такую демоническую суровость, что подавленный этим зрелищем священник едва различил маленького бородатого человечка, стоявшего подле нее.

Масгрейв пошел навстречу в центр зала автоматической походкой искусно наряженной заводной куклы. Он наклонился и сказал ей несколько слов. Она не ответила ему, потом оба повернулись и пошли по длинной галерее, как бы споря о чем-то; коротенький бородатый человечек следовал за ними, и походил на карлика-пажа из детской сказки.

— Небо, помоги нам! — пробормотал патер Браун, глядя им вслед. — Что может означать эта женщина?

— Не моя подруга, счастлив так выразиться,— резко ответил Грэнби.— Кажется, самый невинный флирт с такой дамой должен кончиться трагически, не так ли?

— Не думаю, что он флиртует с ней,— сказал патер Браун.

Тем временем совещавшаяся группа, дойдя до конца галереи, распалась, и капитан Масгрейв спешно возвращался.

— Послушайте! — крикнул он еще издали самым естественным тоном, хотя все заметили, что он изменился в лице.— Я очень сожалею, мистер Грэнби, но я не смогу поехать завтра вместе с вами. Разумеется, вы поедете в моем автомобиле. Пожалуйста, пожалуйста, он мне не понадобится... мне нужно несколько дней оставаться в Лондоне. Возьмите с собой вашего друга, если хотите.

— Мой друг, патер Браун...— начал поверенный.

— Если капитан Масгрейв будет настолько любезен,— сказал патер Браун торжественно,— я могу объяснить, что

я имею некоторый статус в разбирательстве мистера Грэнби, и мое присутствие будет полезно.

Как было условлено, элегантный лимузин, управляемый не менее элегантным шофером, на следующий день мчался на север через йоркширские болота, в нем восседал священник, похожий на черный узел, и адвокат, имевший обыкновение передвигаться на своих. Свою приятную поездку они прервали в одной из больших долин Западного Ридингтона, пообедали и отдохнули в удобной гостинице и на следующее утро направились дальше, вдоль Норсамбрианского побережья, пока не достигли местности, затерявшейся среди приморских дюн и пышных лугов, где должен был находиться замок столь уникальный, что его называли живым памятником средневековья. И они нашли его, пробираясь по тропинке, тянувшейся вдоль узкого залива; залив этот сменился каналом, а канал, наконец, перешел в замкнутый ров. Замок был как подобает быть замку, квадратным в плане, с зубцами и бойницами — типично нормандский, подобный тем, что были понастроены от Галилеи до Грампиана. У него в самом деле были ворота с решеткой и подъемным мостом. Последний особенно запомнился им потому, что он явился в известной степени помехой их дальнейшему следованию.

Им еще предстояло пробираться сквозь высокую траву и прибрежные кустарники, пока они не достигли, наконец, рва, который длинной черной лентой тянулся, опоясывая замок; осенние листья плавали на поверхности воды, напоминая инкрустацию золотом по черному дереву. В одном-двух ярдах за черной лентой зеленел противоположный берег и чернели решетчатые ворота. Судя по всему, замок давно никем не посещался, и когда Грэнби окликнул людей, замеченных им в замке, те даже не смогли опустить подъемный мост. Он повис на полпути, подобно падающей башне, и не подавался ни взад, ни вперед. Нетерпеливый Грэнби переминался с ноги на ногу, теряя остатки терпения.

— О-о, не могу же я вот так торчать здесь, застряв в грязи! — крикнул он своему товарищу.— А почему бы не попробовать перепрыгнуть его?

И со свойственной ему импульсивностью он разбежался и легко перенесся на другой берег. Короткие ноги патера Брауна не были приспособлены к прыжкам. Зато характер, в отличие от многих других людей, позволил ему шумно плюхнуться в грязную воду канала. Как только он был вытащен на скользкий берег, он, как ни в чем не бывало,

принялся внимательно разглядывать заросший травой откос.

— Вы что там, занялись ботаникой? — раздраженно крикнул Грэнби.— У нас нет времени на ваши исследования редких растений, довольно с вас одного исследования морских пучин. Идите скорее, и не важно, в грязи или нет, мы должны представиться баронету.

Наскоро приведя себя в порядок, они вступили в замок и были встречены учтивым старым слугой. Когда они объяснили цель своего посещения, он привел их в большую комнату с дубовыми панелями и решетками редких старинных узоров в окнах. Темные стены были увешаны разнообразным оружием разных веков, а рядом с широким камином, как часовой, стоял рыцарь XIV века. В полуоткрытую дверь была видна смежная комната с портретами предков на стенах.

— У меня такое впечатление, словно я читаю роман,— сказал адвокат.— Вот уж не предполагал, чтобы в наше время кто-нибудь жил в стиле «Тайн Адольфо».

— Да, старый джентльмен, видно, всей душой живет в средневековье,— сказал священник,— и все эти вещи — не подделки, подлинные. Они сработаны не профаном, который думает, что все средневековые люди были одинаковы и жили в одно время. Время от времени они собирают из разных кусков доспехи; вот, это, совершенно очевидно, принадлежало одному человеку и покрывало его с головы до ног. Вы видите, это турнирные доспехи последней модели.

— А я так думаю, что последний сорт у их владельца,— пробурчал Грэнби,— он заставляет нас ждать. Мы торчим здесь чертовски долго!

— Вы должны учитывать, что в таком месте время идет медленно,— сказал патер Браун.— По-моему, с его стороны достаточно любезно, что он принял нас: посудите, два незнакомых человека явились к нему учинить настоящий допрос.

И, действительно, когда хозяин дома вышел к ним, они не нашли ни малейшего основания жаловаться на его прием. Они были искренне удивлены его манерами и достоинством держаться, которые давно могли без следа забыться в варварском одиночестве и хандре стольких лет деревенской жизни. Баронет, по-видимому, не был особенно удивлен или смущен их исключительным посещением, хотя они и понимали, что за последние двадцать лет они у него первые гости; он вел себя так, словно он только что

проводил из ворот посетившую его герцогиню. Он не высказывал ни смущения, ни нетерпения, когда они коснулись весьма личной темы их поручения; после некоторого раздумья он, казалось, согласился с тем, что при сложившихся обстоятельствах их любопытство вполне оправданно. Это был высокий, еще бодрый старый джентльмен с черными бровями и выступающим подбородком, и хотя был в тщательно завитом парике, у него хватило вкуса надеть не черный, а седой парик как более подобающий его возрасту.

— Я вижу, вы заинтересованы в немедленном ответе,— сказал он.— Ну что ж, ответ очень прост. Я намерен оставить моему сыну все мое состояние, как мой отец оставил его мне. И ничто, подчеркиваю,— ничто не заставит меня изменить курс.

— Я чрезвычайно признателен вам за это сообщение,— сказал поверенный.— Но ваша любезность дает мне право заметить, что вы выражаетесь чересчур категорично. Я вовсе не хочу сказать, что ваш сын может заставить вас каким-нибудь поступком усомниться в его моральном праве на наследство. Но он может...

— Совершенно верно,— сухо сказал Джон Масгрейв,— он может, пожалуй, это даже слишком мягко сказано, что он может. Не откажитесь пожаловать со мной на минуту в соседнюю комнату.

Он привел их в картинную галерею, которую они мельком видели в открытую дверь, и остановился перед одним из почерневших портретов.

— Это сэр Роджер Масгрейв,— сказал он, указывая на длиннолицую персону в черном парике, высокомерно взиравшую с портрета.— Он был одним из гнуснейших лицемеров и мерзавцев в подлые времена Вильгельма Оранского, он предал двух королей и убил, кажется, двух своих жен. А это его отец,— указал он на другое полотно,— сэр Роберт, чрезвычайно честный старый кавалер. А вот этот — его сын, сэр Джеймс, один из благородных якобинских мучеников и покровитель церкви и бедных. Что же следует из того, что дом Масгрейвов, мощь его и авторитет передается от одного хорошего человека к другому хорошему человеку через интервалы дурных людей? Эдуард I правил Англией хорошо. Эдуард III покрыл ее славой. А между ними годы бесчестия и слабоумия Эдуарда II, который пресмыкался перед Гавестоном и бежал от Брюса. Поверьте мне, мистер Грэнби, величие и историческое значение рода — это нечто большее, нежели отдельные личности, которые являются продолжателями его, если даже при этом

они отнюдь не украшают его. От отца к сыну наше наследство пришло, от отца к сыну и будет передаваться. Можете быть уверенными, господа, и можете уведомить моего сына, что я не намерен завещать свое имущество приюту для бездомных кошек. Масгрейв оставит все Мастгрейву.

— Так,— задумчиво сказал патер Браун.— Я вас понял.

— И нам будет чрезвычайно приятно передать ваше решение вашему сыну,— добавил поверенный.

— Вы можете передать мое заверение,— сказал хозяин важно,— он может быть спокоен: что бы ни случилось — он получит замок, титул и деньги. Я ставлю только одно незначительное и частное условие: пусть только он не появляется мне на глаза и не требует объясняться со мной, пока я жив.

Поверенный замер в почтительной позе, изумленно вытаращив глаза.

— Почему? Что он сделал?..

— Я просто джентльмен,— сказал Масгрейв,— кроме того, что я обладатель большого состояния. Мой сын представляет нечто столь ужасное, что в моих глазах он перестал быть не только джентльменом, но и вообще человеком. Он совершил худшее преступление в мире. Вы помните, что сказал Дуглас, когда король Мармион, его гость, предложил ему обменяться рукопожатием?

— Да, сказал патер Браун.

— Мои замки принадлежат королю от башни до фундамента, но рука Дугласа принадлежит только Дугласу.

Он повернулся к двери и жестом пригласил гостей вернуться в первую комнату.

— Надеюсь, вы не откажетесь подкрепиться,— сказал он прежним любезным тоном.— Если вы устали, я могу предложить вам ночлег в моем замке.

— Благодарю вас, сэр Джон,— сказал священник глухим голосом.— Но нам, кажется, лучше уехать.

— Тогда я прикажу опустить вам мост,— сказал хозяин, и через несколько минут по замку разнесся скрежет и грохот — это пришел в движение немыслимый антикварный аппарат замка — подъемный мост. Несмотря на покрывавшую его ржавчину, на этот раз он сработал, и вскоре Грэнби и патер Браун вновь очутились по ту сторону рва.

Грэнби внезапно передернуло.

— Что же он такого наделал? — воскликнул он.

Патер Браун не отозвался. Они сели в автомобиль и тронулись в путь. Когда они добрались до ближайшей де-

ревни, называвшейся Грейстонунз, и зашли в гостиницу «Семь звезд», поверенный, к величайшему своему изумлению, узнал, что священник не намерен ехать дальше; иными словами, он обнаружил явное намерение оставаться ближе к замку.

— Я не хочу остановиться на этом,— сказал он серьезно.— Вы, если хотите, поезжайте. Вы получили ответ на свой вопрос; ваша фирма может одолжить младшему Магрейву деньги под ожидаемое наследство. Но я еще не получил ответ на свой вопрос — я не знаю, подходящий ли он жених для Бетти. Я должен выяснить, действительно ли он совершил нечто ужасное или это просто бред старого лунатика.

— Но позвольте,— возразил адвокат,— если вы хотите выяснить это, то почему бы вам не встретиться с молодым Масгрейвом? Чего ради оставаться в этом захолустье, где он никогда не бывал?

— А какой смысл встречаться мне с ним? — сказал священник.— Это же нелепо будет пойти в Лондоне к светскому молодому человеку и сказать ему: «Простите, пожалуйста, но вы совершили ужасное преступление, недостойное человека». Если он мог совершить подобное, то у него, наверное, хватит наглости отпереться. Но есть один человек, который все знает и который, может быть, в порыве негодования скажет об этом.

И, действительно, патер Браун остался в деревне, в соседстве чудака-баронета. Они несколько раз встретились, всякий раз обмениваясь знаками величайшей почтительности. Баронет, несмотря на свой преклонный возраст, был большой любитель пеших прогулок, его часто видели шагающим по деревенской улице. Уже на другой день после своего посещения патер Браун, выйдя из гостиницы на базарную площадь, увидел стройную темную фигуру, выходившую из помещения местного почтамта. Баронет был весь в черном; его энергичное лицо в вечернем свете казалось еще выразительнее; серебряные волосы, темные брови и выступающий подбородок напоминали чем-то Генри Орвина и других знаменитых актеров. Несмотря на седину, вся его фигура дышала силой, и даже трость в руке казалась боевой дубиной, а не смиренным посохом. Он поздоровался со священником и тотчас же вступил в разговор, заговорив о том же, о чем говорил накануне.

— Если вы интересуетесь моим сыном,— сказал он, с ледяным безразличием произнеся слово «сын»,— то я вас должен огорчить: вы о нем не услышите, он уехал из Анг-

лии. Между нами, проще сказать, бежал из Англии.

— В самом деле? — спросил патер с изумлением.

— Какие-то люди, я о них не слышал, по фамилии Грюновы, запросили меня и других о его местонахождении,— сказал сэр Джон,— и я только что отправил им подробную телеграмму с его адресом. Мне адрес известен как «Рига, до востребования». Я уже вчера хотел дать телеграмму, но опоздал на пять минут, контора была уже закрыта. Вы надолго здесь остановились? Надеюсь, посетите меня еще раз.

Когда священник рассказал об этом разговоре адвокату, тот был одновременно удивлен, озадачен и заинтригован:

— Почему капитан удрал? — спрашивал он.— Какие люди ищут его? Что это за Грюновы?

— Я не знаю,— ответил патер Браун,— во-первых, может быть, его таинственный грех был раскрыт.— Во-вторых, я полагаю, что другие шантажируют его им. В-третьих, кажется, я знаю, кто они. Та ужасная таинственная дама с желтыми волосами и называется «мадам Грюнова», а маленький человечек выдает себя за ее мужа.

На следующий день патер Браун вернулся домой усталый и поставил в угол свой пухлый черный зонт жестом пилигрима, отставлявшего на покой свой посох. Он казался подавленным. Такое часто случалось с ним во время его расследований. Но это было не депрессией неудачи, а депрессией успеха.

— Результат довольно неожиданный,— сказал он глухим голосом,— но мне следовало бы понять это с самого начала, в тот момент, когда я увидел эту штуковину.

— Когда вы увидели что? — спросил недоверчиво Грэнби.

— Когда я увидел, что стоит только один рыцарь,— ответил патер Браун.

Наступило молчание, во время которого адвокат недоуменно глядел на своего друга, а затем тот подытожил:

— Только на днях я говорил своей племяннице, что есть два сорта людей, которые смеются в одиночестве. Это люди либо очень хорошие, либо очень дурные. Во всяком случае, у тех и других есть таинственная внутренняя жизнь. Они смеются потому, что вспоминают шутку, которую они выкинули... Один ее поверяет Богу, другой — дьяволу. Так или иначе, он жил внутренней жизнью. Ну, здесь такой случай человека, который поверил его шутку дьяволу. Ему безразлично, что никто не видит его шутки;

если даже никто не узнает о ней. Шутка достаточна сама по себе, если она достаточно отвратительна и зловредна.

— О чем вы говорите,— спросил Грэнби,— и о ком вы говорите? Кто эта личность, которая делится зловещими шутками с его величеством Сатаной?

— А! — сказал другой.— В чем шутка?

Наступило молчание, на этот раз тяжелое и гнетущее; оно, казалось, опустилось на них, как сгустившиеся за окном сумерки. Патер Браун вновь заговорил ровным голосом, выпрямясь и положив на стол руки.

— Я проследил за родом Масгрейвов,— начал он.— Все они люди крепкой и долговечной породы. Если бы даже все обстояло благополучно, вам все равно пришлось бы долго ждать ваших денег.

— Мы к этому подготовлены,— сказал адвокат,— но это же не будет длиться вечно. Старику около восьмидесяти, хоть он и любит ходить пешком, и местные жители говорят, что он никогда не умрет.

Патер Браун вскочил; он кулаками уперся в стол и крикнул в лицо поверенному:

— Вот именно!.. Вот именно,— проговорил он, сдерживая волнение.— Вот в чем вопрос. Вот в чем единственное затруднение. Как он умрет? Как он в земле умрет?

— Что значит — в земле? — спросил Грэнби.— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать,— раздался снова в темнеющей комнате голос священника,— что я знаю, какое преступление совершил Джеймс Масгрейв! — В голосе звучало такое волнение, что Грэнби с трудом поборол дрожь.— Его преступление действительно худшее в мире,— сказал патер Браун.— Таковым его считали во все времена, у всех народов. Еще на заре человечества оно казалось тяжелее всех прочих преступлений. Да, я знаю, какое преступление совершил молодой Масгрейв и почему он совершил его.

— Что он сделал? — спросил адвокат.

— Он убил отца своего! — ответил священник.

Адвокат тоже вскочил и, сдвинув брови, посмотрел на патера Брауна.— Но его отец в замке! — крикнул он.

— Его отец во рву замка,— ответил священник.— И я был глупцом, потому что не заметил этого в первую же минуту, как только мы оказались у рыцарских доспехов в комнате с камином. Помните, как выглядит эта комната? Как все в ней аккуратно прибрано, тщательно расставлено и развешано по местам? Две секиры висят — по одну и по другую сторону по одной. На одной стороне висит

круглый шотландский щит, и на другой стороне висит круглый шотландский щит. По одну сторону стоял средневековый рыцарь в полном вооружении, а по другую сторону... было пустое место. Вы не заставите меня поверить, что человек, так подчеркнуто симметрично убравший комнату, упустил бы из виду столь важную деталь. Там несколько раньше стоял рыцарь. Куда же он девался?

Он на мгновение замолчал, потом продолжал более деловым тоном.

— Если вы подумаете над этим, вы поймете, что это чрезвычайно удачный пан убийства, разрешающий вечное затруднение всех убийц: куда девать труп? Труп может стоять часами, даже днями внутри доспехов, покуда убийца не улучит момент и под покровом ночи не сбросил его в ров, даже не переходя через мост. Какая блестящая возможность! Когда труп разложится в темной воде рва, от него останется лишь скелет в вооружении чертырнадцатого века — вполне естественно оказавшийся во рву старинного замка. Если кто-нибудь когда-нибудь спустится в ров, и если он спустится,— он все найдет. И я сам в этом убедился. Это было, помните, когда вы спросили, не ботаникой ли я занимаюсь. А я увидел тогда следы ног, идущие по откосу канала, очень глубокие следы. И тогда же я понял, что человек, оставивший их, был либо очень тучен, либо тащил на спине очень тяжелый предмет. Кстати, я извлек из своего блестящего, по-кошачьему ловкого прыжка еще один урок.

— У меня в голове все идет кругом,— сказал Грэнби,— но я начинаю понимать эту кошмарную историю. Так в чем же заключался урок вашего кошачьего прыжка?

— Сегодня я был на почте,— сказал патер Браун.— Я случайно узнал, что сказанное баронетом вчера, подтвердилось. Он сказал, что еще позавчера был на почте, но огопоздал; это значит, что он был там в тот самый час, когда мы приехали. Понимаете? Это значит, что он отсутствовал, когда мы приехали, и вернулся, когда мы его ждали, и вот почему мы так долго ждали его. И когда я увидел это, я увидел картину, которая рассказала мне целую историю.

— Ну,— нетерпеливо сказал другой,— и что же в ней?

— Восьмидесятилетний старик может ходить пешком, но не может прыгать,— сказал патер Браун.— Он должен быть прыгуном более плачевным, чем я. А между тем, если баронет вернулся в замок, пока мы его ждали, то он мог вернуться в него тем же путем, что и мы,— то есть он пе-

репрыгнул через ров, потому что в то время мост не был опущен, и судя по тому, что мост быстро починили, я думаю, что он сам испортил его, чтобы воспрепятствовать проникновению в замок нежелательных посетителей. Но не это важно. Когда я представил себе этого человека в черном, с седой головой, перемахивающего одним прыжком через ров, я сразу понял, что это молодой человек, ряженый и загримированный под старика. Вот и вся история.

— Вы полагаете,— сказал Грэнби медленно,— что это этот милый юноша убил своего родителя, спрятал труп в панцире доспехов, потом сбросил в ров, изменил свою внешность и так далее?

— Они были как две капли воды похожими друг на друга! — сказал священник.— Вы можете убедиться в этом по портретам предков, настолько сильно у них в роду фамильное сходство. Вы говорите, он изменил внешность. В некотором смысле наша внешность — одежда. Старик преобразил себя париком, молодой — отпустив бороду. Когда он надел парик на свою коротко подстриженную голову — он стал в точности походить на старика. Ему потребовался лишь несущественный грим. Теперь вы, конечно, понимаете, почему он так легко предложил нам на следующий день ехать в своем автомобиле? Потому что в ту ночь он сам поехал туда поездом. Он прибыл в замок раньше нас, совершил преступление, изменил наружность и готов был принять нас и вступить с нами в деловые переговоры.

— Ах,— сказал Грэнби задумчиво,— деловые переговоры! Вы полагаете, конечно, что будь старик жив, он сказал бы совсем иное?

— Старик сказал бы напрямик, что его сын не получит ни гроша! — сказал патер Браун.— Убить старика — был единственный способ воспрепятствовать нашему разговору с ним. Но я хочу, чтобы вы оценили изумительно коварный ответ, который дал нам этот парень. Этим он нашел выход из целого ряда затруднений. Эти русские шантажировали его, как негодяя; я подозреваю, за государственную измену во время войны. Он ускользнул от них, скрывшись в замке и направив их по ложному следу в Ригу. Но самым значительным трюком его было то, что он признал своего сына наследником, но заявив, что тот — не человек. Вы видите, что он не только обеспечил себе настоящее, но и предусмотрел некоторые варианты решений на ближайшее будущее, когда возникнет наибольшее затруднение?

— По-моему, их должно быть много! — сказал Грэнби.— Какое вы имеете в виду?

— То, что если сын не лишен наследства, очень странным кажется, чтобы отец с сыном никогда не встречались. Легенда личного отвращения отвечает этому. Таким образом, осталось лишь одно затруднение, и я уверен, что он сейчас ломает над ним голову. Каким образом старик умрет?

— Я знаю, как он должен умереть! — сказал Грэнби.

Патер Браун на какое-то время задумался, потом продолжал в более абстрактной манере:

— Во всяком случае, если в этом деле есть еще кое-что,— сказал он,— задуманное и исполненное им преступление нравилось ему с одной стороны,— я бы сказал, теоретической. Он получал невыразимое интеллектуальное удовольствие, говоря с вами под одной личиной, он совершал преступление под другой, когда действительно совершал его. Это я называю инфернальной иронией. Сейчас я скажу вам нечто парадоксальное. Иногда человеку доставляет удовольствие сказать правду в том виде, чтобы ее нашли неприемлемою. Вот почему ему так нравилась его выдумка: прикидываясь другим человеком, выставлять себя таким подлецом, каким он и был в действительности. И вот почему моя племянница слышала, как он смеялся в музее в полном одиночестве.

Грэнби слабо вздрогнул, подобно человеку, внезапно очнувшемуся и вернувшемуся в реальность.

— Ваша племянница! — воскликнул он.— Ведь, кажется, ее матушка хотела выдать ее за Масгрейва? Вероятно, ради денег и положения в обществе?

— Да,— сухо сказал патер Браун,— ее мать мечтала о браке по расчету.

Перевод Бориса Леонтьева

Борис Павлович Леонтьев родился в 1935 году в с. Дульдурга Читинской области. В 1960 году закончил филологический факультет Иркутского университета.

В настоящее время преподает философию.

Занимается переводами с английского.

Публикуется как переводчик впервые.

Александр Дулов

ИРКУТСКАЯ ДУЭЛЬ

1859 год был для Иркутска необычным — первая дуэль в городе, широкое общественное возбуждение жителей Иркутска, растерянность властей...[1]

Иркутск 1859 года — это крупнейший город Сибири. Здесь находится центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, охвативший почти половину территории России — от Енисея до Тихого океана. В Иркутске, где почти все население жило на небольшом пространстве, образованном излучиной Ангары, Ушаковкой и линией улицы Первой Советской, хозяевами города были чиновники и богатые купцы. Генерал-губернатором здесь с 1848 г. стал Николай Николаевич Муравьев-Амурский — энергичный и талантливый администратор, инициативный человек, он помнил в лицо многих сибиряков и, случалось, помогал не только состоятельным, но и простым сибирским крестьянам. Он в 1858 г. сумел блистательно завершить Айгунским договором присоединение Приамурья к России (а в 1860 г. — и Приморья). Генерал-губернатор хорошо относился к ссыльным декабристам, помогал также и петрашевцам, высланным в Сибирь.

Впрочем, весной 1859 г. Муравьева в Иркутске не было — он уехал в Китай, где вел переговоры о присоединении к России Приморья.

В Иркутске в 1859 г. проживало немало политических ссыльных. Почти все декабристы к этому времени умерли или вернулись в Европейскую Россию, одним из немногих оставшихся в нашем крае был В. Ф. Раевский. Жил он в с. Олонках, лишь изредка появлялся в Иркутске. Хорошо знали в городе М. В. Петрашевского. Организатор первого в России социалистического кружка Михаил Васильевич Петрашевский отбыл

[1] О дуэли см. также: Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири.— Иркутск, 1958; Соболевский А. В. Иркутские события 1859 г. и их отражение в корреспонденции Вольной русской печати. // Материалы XVII Всесоюзн. научн. студ. конфер. «Студент и технич. прогресс». История. 2. Новосибирск, 1979, с. 58—70 и др.

каторгу в Нерчинских рудниках, оказался в Иркутске. Он и в ссылке сохранил характер политического борца, пропагандировал социалистические идеи, обличал беззакония местных и центральных властей. В 1858 г. в Иркутске открылась на улице Большой (ныне — К. Маркса) частная библиотека Протопопова (перешедшая вскоре в руки М. П. Шестунова). Петрашевский пользовался большим влиянием среди ее посетителей. Чиновники нередко называли библиотеку «якобинским клубом». Пользовался в городе известностью и его товарищ по процессу Ф. Н. Львов. В отличие от Петрашевского, Львов отошел от политической деятельности. Химик по профессии, он занимался изучением горной промышленности края, минеральных вод, опубликовал на эти темы ряд статей в «Иркутских губернских ведомостях».

Муравьев привез с собой молодых чиновников, которые пользовались в Иркутске большой властью и пренебрежительно относились к местным жителям.

Одним из наиболее ярких представителей этого типа чиновников был Ф. А. Беклемишев, молодой человек 26—27 лет, «глава и коновод юных аристократов», коллежский советник, начальник отделения Главного управления Восточной Сибири и член Совета. Беклемишев был два года исправником в Верхнеудинском округе, и его имя там «служит синонимом для определения всего бесчеловечного и жестокого»,— говорит современник. Слава об ужасном исправнике, видимо, разнеслась широко, и такую же оценку ему дают очень многие лица. В одном из писем 1860 г. о нем было сказано: «Этого варвара я не представляю иначе, как засекающего несчастных мужиков за то, что мало дают денег»[1].

М. С. Неклюдов, второй участник дуэли, также не был сибиряком — он приехал из России, имел звание коллежского асессора и выполнял обычно обязанности курьера, будучи чиновником особых поручений. Неклюдов жил уединенно, скромно, редко показывался на людях, имел небольшой круг знакомых.

По непонятным причинам, отношения между Неклюдовым и Беклемишевым натянулись до предела. Поводом было — по одной версии — любовное соперничество, по другой — неудачная шутка Неклюдова. Беклемишев вместе с «золотой молодежью» стал распускать о Неклюдове самые нелепые и лживые слухи, преследовать его.

Весной 1859 года в Иркутске состоялся обед по подписке в честь приезда Корсакова. Беклемишев, один из распорядителей на обеде, вычеркнул имя Неклюдова из списка подписавшихся. Неклюдов смолчал. Тогда через несколько дней на приеме у Муравьева Беклемишев назвал его вором. Сам Неклюдов не слышал этого, но ему передали. На следующий день Беклемишев встретился с Неклю-

---

[1] ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, ед. хр. 1305, л. 15.

довым у К. К. Венцеля и всячески демонстрировал свое презрение к нему. Неклюдов покинул дом Венцеля вслед за Беклемишевым и пришел на его квартиру, требуя объяснений, но тот ответил: «Да надобно знать, захочу ли я с вами объясняться»,— и позвал прислугу. Тогда выведенный из себя Неклюдов надавал ему оплеух. Прислуга связала Неклюдова, вызвала полицию и несколько часов Неклюдов провел на гауптвахте. Когда в городе узнали об избиении Беклемишева, был всеобщий восторг.

Беклемишев послал Неклюдову вызов на дуэль. Неклюдов не спешил соглашаться, опасаясь, что станет жертвой убийства под видом дуэли.

Между тем сторонники Беклемишева не дремали и старались всеми силами вынудить Неклюдова принять вызов. Было ли это желание расправиться с Неклюдовым только результатом озлобленности «золотой молодежи» или оно подогревалось еще и соображениями другого порядка? Интересное замечание по этому поводу мы находим в письме декабриста В. Ф. Раевского к Г. С. Батенькову от 6 октября 1860 года. Он пишет: «Неклюдов имел неосторожность говорить, что «он обнаружит все злодеяние, бесчеловечность, грабеж Беклемишева и других любимцев». Он имел в руках факты, следственно, выпустить его боялись»[1]. Если бы это высказывание Раевского оказалось справедливым, преследование Неклюдова можно было бы объяснить теперь уже не только безнадзорностью и произволом сибирской администрации, но и ее корпоративными интересами, страхом за свои привилегии. И к данному свидетельству Раевского следует подойти с большим доверием. Ведь Раевский был другом Ф. Н. Львова, который, живя у него в Олонках, не мог не рассказать ему о дуэли, о своем разговоре с Неклюдовым.

Беклемишев послал Неклюдову вызов через своего секунданта Анненкова уже 13 апреля, в день потасовки с Неклюдовым. Неклюдов не соглашался на дуэль и хотел уехать из города. Отказ его от поединка вполне оправдан: слишком опасно было связываться с человеком, которому все было позволено, которого безоговорочно поддерживала местная администрация. Тогда беклемишевцы стали оскорблять Неклюдова, угрожали избить его.

В эту же компанию активно включился политический ссыльный М. А. Бакунин, знаменитый впоследствии анархист, родственник Н. Н. Муравьева. Приехав в город незадолго до событий, он быстро сблизился с «золотой молодежью», хотя и прекрасно видел ее пороки. Бакунин стал распространять среди молодежи мнение, что Неклюдова надо заставить стреляться любым способом. Агитируя таким образом, он собрал человек пятнадцать, которые го-

[1] Бейсов П. С. Новое о Раевском. // Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та. Пушкинский юбил. сб. Ульяновск, 1949, с. 305.

товы были даже подписаться (в случае, если бы Неклюдов отказался драться), что они высекли его.

Беклемишевцы знали и о том, что Неклюдов собирается покинуть город. Чиновники Гурьев и Анненков 15 апреля несколько раз заходили к содержателю почтового двора и просили его немедленно прислать две тройки Гурьеву, как только Неклюдов пришлет подорожную за лошадьми. Почтмейстер должен был также сообщить, по какому тракту поехал Неклюдов. Ямщику же, который повезет его, он обязан дать указание везти Неклюдова тише и даже вынуть из задней оси чеку!

Беклемишевцы применяли и другие, более сильные меры, чтобы заставить Неклюдова стреляться. Ночь перед дуэлью Гурьев просидел в кабаке недалеко от дома Неклюдова вместе с полицейскими. Однако беклемишевцы не довольствовались этим, они во главе с Анненковым несколько раз врывались ночью в квартиру Неклюдова и одного из его близких знакомых — Панасевича. О том, что они там делали, дают ясное представление результаты осмотра тела Неклюдова. На нем были обнаружены синяки, царапины, небольшие раны; по заключению врача, они были нанесены до дуэли[1].

Все городские власти — председательствующий в Главном управлении Восточной Сибири К. К. Венцель, иркутский губернатор П. А. Извольский, начальник штаба войск, находившихся в Восточной Сибири, Б. К. Кукель, полицеймейстер Сухотин, прекрасно зная о предстоящей дуэли, ничего не сделали для ее предотвращения: они сами горячо поддерживали Беклемишева. Иркутский полицеймейстер Сухотин даже наблюдал за ходом дуэли с колокольни Успенской церкви, находившейся поблизости (там, где ныне площадь Декабристов).

Секундантами дуэлистов были: Анненков у Беклемишева и Молчанов — у Неклюдова. Причем Молчанов был близок беклемишевцам и сам вызвался быть секундантом Неклюдова. Поединок состоялся 16 апреля в 7 часов утра в окрестностях города (на Какуевой заимке — примерно в районе Детского парка и памятников-танка).

Неклюдов был смертельно ранен и вскоре умер.

Иркутяне считали эту дуэль убийством. В настоящее время трудно установить точный ход событий и определить характер этого поединка. Следствие по делу дуэли было проведено с целью выгородить виновных, поэтому многое не было достаточно хорошо расследовано. В материалах следствия нет даже малейших намеков на какую-либо попытку объяснить некоторые явно подозрительные детали дела. Но даже и на основании имеющихся материалов нельзя снять предположение в том, что дуэль была простым

---

[1] Любавский А. Русские уголовные процессы. Т. 2 — СПб., 1867, с. 66. — В этой книге находятся материалы следствия по делу.

убийством. Если же все-таки она проходила при соблюдении дуэльных правил, то Неклюдов явно был поставлен в неравные условия хотя бы уже потому, что незадолго до этого был избит.

Известие о смертельном исходе дуэли мгновенно облетело город. Весь Иркутск был в волнении, а поддержка администрацией беклемишевцев придала этому волнению совершенно определенное направление: всюду слышались слова «убийство». Негодование иркутян было усилено циничным поведением убийц Неклюдова: в день дуэли они кутили на балконе дома Беклемишева, выходившего на Большую улицу. Квартиру Неклюдова в этот день посещали толпы иркутян, хотя многие из них и не знали его лично.

Во главе этого движения оказался Петрашевский. Он явился к генералу К. К. Венцелю с просьбой разрешить напечатать в типографии пригласительные билеты на похороны Неклюдова. Он правильно предвидел, что Венцель, не блиставший проницательностью, едва ли поймет, для чего эти билеты понадобились Петрашевскому. И, действительно, Венцель, бывший к тому же очень растерян сильным волнением в городе, разрешил. Но другие беклемишевцы разгадали замысел Петрашевского. Один из них, Д. Н. Гурьев, писал 18 апреля М. С. Корсакову, начальнику Забайкальской области, в Читу: «Теперь, Михаил Семенович, история хуже прежнего — хотят топить виновных — за дуэль, для этого придумали раздавать в народе объявления печатные о дне и часе погребения тела Неклюдова».

Объявления были напечатаны большим тиражом — 1500 экземпляров. Причем, по свидетельству того же Гурьева, с целью собрать возможно большее количество народу, церемония была назначена на более позднее время, чем было написано в объявлении.

Сразу же после прихода известия о дуэли Петрашевский развил бурную деятельность. Вот что пишет в письме к А. И. Герцену Бакунин:

«Таким расположением умов Петрашевский воспользовался с великим искусством и показал при этом случае замечательный талант к агитаторству. Полчаса после дуэли... он уже кричал по домам и улицам об изменническом убийстве Неклюдова... День был праздничный, светловоскресный. Народ кишел на площади и по улицам, дело пошло удачно. Петрашевский, неутомимый, неумолимый, с яростно взволнованными чертами и глазами, бросающими искры, с афишами в руках бегал в продолжение целого дня из одной улицы в другую, везде волнуя народ, раздавая ему афиши и приглашая на похороны Неклюдова». В результате «...к концу первого дня по дуэли девяносто девять сотых голосов в Иркутске, слитых в один голос электризующей деятельностью Петрашевского, стали единодушно кричать против злодеяния Беклемишева и его товарищей»[1].

Разумеется, не следует слиш-

[1] Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 4. С. 353—354.

ком буквально воспринимать такую оценку действий Петрашевского в дни после дуэли — Бакунин, увлеченный полемикой против статей о дуэли в «Колоколе», несколько преувеличивает роль Петрашевского. Но сам факт агитаторской деятельности Петрашевского отмечен Бакуниным верно: он действительно обошел почти весь город в эти дни, раздавая объявления повсюду, даже на качелях на Тихвинской площади (ныне — сквер им. Кирова): была Пасха, и на площади проходили гулянья. Однако Петрашевский не мог, конечно, ограничиться только раздачей билетов — он обличал власти в попустительстве убийцам Неклюдова, называя дуэль изменническим убийством. Примерно так же действовали и его помощники. Листки с приглашением на похороны выбрасывались прямо из библиотеки Шестунова на Большой улице.

Все это позволило собрать на похороны Неклюдова, состоявшиеся 18 апреля, огромную массу народа; по свидетельствам современников, его провожало от 5 до 10 тысяч иркутян. Все же население города составляло тогда 20—25 тысяч человек. Похороны Неклюдова вылились в невиданную для Сибири того времени демонстрацию против высшей местной администрации. «Целый город шел за гробом,— пишет очевидец.— Власти было показались, но предпочли ретироваться. И над могилой раздалась речь того же Петрашевского». Петрашевский обвинил власти в содействии убийству Неклюдова.

Возбужденное настроение в городе не улеглось в течение нескольких месяцев. На могиле Неклюдова (на Иерусалимском кладбище — ныне территории ЦПКиО) был поставлен чьими-то руками крест, ежедневно менялись цветы.

О широком возмущении населения действиями дуэлистов говорят даже сами участники дуэли. Гурьев, например, писал Корсакову 23 апреля 1859 года: «Говорят, что нас было во время дуэли семеро против одного, что Молчанов нами подкуплен, что у Неклюдова две раны и что обе они получены не от Беклемишева, а со стороны... Все эти слухи Петрашевский усердно распространил между народом, который щедро награждает нас названием убийц»[1]. О том, что Петрашевский и после похорон Неклюдова долгое время продолжал вести обличение администрации, говорит и С. С. Шашков, утверждающий: «Более всех в Иркутске шумел в это время известный Петрашевский».

Как и в первом случае, довольно картинно изображает поведение Петрашевского М. А. Бакунин: «Петрашевский безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, целую осень, почти ползимы — до самого возвращения Муравьева... все это делал он не скрытно,— в этом его единственное достоинство,— он терроризировал целый город, все губернское и городское начальство — в

---

[1] Литературное наследство. Т. 63. С. 239.

этом их стыд — врывался в присутственные места, грозил советникам Главного управления, как некогда Петр Великий в сенате, палкою и перед самым зерцалом, стращал их то Муравьевым, то синим мундиром, то «Колоколом».

1 октября 1859 года Кукель писал из Иркутска Корсакову: «Петрашевский уже громогласно и при многих говорит, что он получил самые достоверные известия, что сюда почти ревизия и с нею лица, вновь назначенные на смену всего состава Главного управления и на ваше место, а Венцель предстанет суду». Долго продолжали «шуметь» и другие лица, связанные с Петрашевским. Так, 27 октября Б. К. Кукель говорил в следующем письме к Корсакову: «Ватага мерзавцев под предводительством Петрашевского кричит по-прежнему». В том же письме Кукель рассказывает о своем споре с Петрашевским, который резко отрицательно отзывался не только о действиях иркутских чиновников, но и «самого» Муравьева, что взбесило Кукеля.

В письме Гурьева к Корсакову от 14 мая 1859 года перечисляются «главные деятели» «партии», протестующей против властей: Выкресток, Рыкачев, Кочетов, Ольдекоп, Петрашевский, Львов, Пестерев, Белоголовый, Пиленко, Зубов[1]. Первые трое были чиновниками: Ольдекоп с 1841 года преподавал географию в Иркутской гимназии, а в 50-х годах стал членом губернского суда. Пестерев же был купцом, довольно радикально настроенным. Белоголовый и Пиленков были теми самыми людьми, которые дали средства на издание газеты «Амур» (1860).

Но, конечно, этим списком вовсе не исчерпывается перечень лиц, которые активно протестовали против местной администрации. В него следует также включить Шашкова и Никонова, о которых уже говорилось, и ряд других фамилий, многие из которых остаются для нас неизвестными. Вот, например, И. Е. Мехеда, один из передовых представителей офицерства, революционер. Это человек, который писал в 1860 году: «..мои понятия несовременны с царизмом, но вполне согласны с обстоятельствами». Находясь во время дуэли в Иркутске, Мехеда поддержал критику администрации, «смело стал в ряды оппозиции и, разумеется, попал в немилость к начальству[2]. Позднее Мехеда был членом «Земли и воли», а во время восстания 1861 года в Польше перешел на сторону поляков.

Таким образом, одна часть противников местных властей состояла из людей, настроенных иногда просто либерально (как, например, Белоголовый, Пиленков, вероятно, Ольдекоп и другие), либо же из людей, имевших более радикальные взгляды (Петрашевский, Пестерев, Мехеда). Другая часть «оппозиции» представляла

[1] ГИАМО, ф. 864, оп. 1, ед. хр. 22, лл. 408—408 об.
[2] ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, ед. хр. 1307, л. 12 об.

собой просто честных, гуманных и достаточно смелых чиновников, учителей и т. д., не боявшихся выступить против высших местных начальников.

К этой категории принадлежит, например, иркутский архиепископ Евсевий. Уже 31 мая 1857 года, вскоре после его назначения, жительница Иркутска А. И. Гамбурцева писала в Калугу декабристу Г. С. Батенькову: «Он человек совершенно противоположный, по видимому характеру своему предшественнику. Он много бывал в Петербургском институте, хорошо, кажется, судит о детях, очень ласков к ним, и все его манеры имеют мягкость, которой не было в характере преосвященного Афанасия». Узнав о гибели Неклюдова, Евсевий вначале отказался хоронить его по церковному обряду, но, получив более подробные сведения о его смерти, разрешил отпевание в церкви и похороны. На одном обеде он неодобрительно отозвался о виновниках гибели Неклюдова. Видимо, Евсевий составил также докладную записку об этих событиях, в которой порицал действия администрации. Во всяком случае, Ф. Н. Львов в непропущенной цензурой статье писал: «Преосвященный Иркутский все беспорядки, о которых он говорил в своем отношении, весьма справедливо, по мнению моему, приписывает деспотизму местного начальства»[1].

В ряде писем, отправленных из Иркутска и перлюстрированных в III отделении, высказывается недовольство беклемишевцами и Муравьевым. Так, Д. Портнов 21 марта 1860 года с иронией писал о распространяющихся слухах «...будто здешний набольший представлял самому большему о необходимости допустить в Сибири дуэль как единственное средство развить в чинах личное достоинство и долг чести, которые в стране здешней в огромном упадке». П. Новицкий в письме от 1 июля того же года резко критиковал окружение Муравьева-Амурского, а Беклемишева называл убийцей Неклюдова.

23 апреля 1859 года в первом же номере «Иркутских губернских ведомостей», вышедшем после похорон Неклюдова (№ 17) была напечатана статья Львова о дуэлях. Львов, верный своей объективности и сдержанности, писал, что не следует обвинять дуэлистов, пока их роль не установлена окончательно следствием. «Сейчас же,— говорит Львов,— мы можем только рассуждать о дуэли вообще. Дуэль была частично необходима в середине века, когда юстиция находилась в младенческом состоянии»,— отмечает он. Но, конечно, «такой способ решения в делах чести решительно не может назваться справедливым». «Неужели аргументом нам непременно должны быть кулак или пуля?» — восклицает он дальше. Осуждая дуэль вообще, Львов выражал надежду, что в Иркутске она больше не повторится.

Вскоре же после дуэли началось

[1] ОРГБЛ, ф. 69, к. 14, ед. хр. 44, л. 9 об.

следствие. Участники дуэли, предчувствуя его, постарались заранее заручиться поддержкой Муравьева, Корсакова и высших властей. Уже 16 апреля, в день дуэли, Гурьев писал Корсакову: «...вы, конечно, примете на себя (1 слово неразб.) быть перед Николаем Николаевичем (Муравьевым.— А. Д.) ходатаем за Беклемишева, Анненкова и Молчанова и, вероятно, убедите его похлопотать за них в Петербурге». В следующем письме от 18 апреля Гурьев, заботясь о том, чтобы участники дуэли понесли как можно меньшее наказание, предлагает Корсакову приехать в Иркутск для производства следствия, так как в глазах иркутян он человек «без кумовства между нами».

Но местные власти предпочли другой вариант, не менее благоприятный для беклемишевцев — они назначили следователем чиновника Успенского, трусливого и слабовольного. Еще декабрист Лунин говорил о нем: «Таких людей не убивают, а бьют. В 1841 г. Успенский сделал донос на Лунина, в результате чего декабрист был арестован, а затем переведен в Акатуй, где и погиб.

Естественно, что уже в следующем по порядку письме Гурьева к Корсакову (от 14 мая) он смог заявить, что Успенский провел следствие «чрезвычайно добросовестно». «Добросовестность» же заключалась в том, что по его указанию следователи стремились скрыть все опасные для убийц факты. Свидетелей, по возможности старались избегать, не вызывая их. Если же они являлись сами, их стращали и записывали показания лишь после настойчивых требований. Поэтому далеко не все свидетельства очевидцев были внесены в дело. Совершенно неудовлетворительно проводилась также медицинская экспертиза.

Вероятно, многие факты были скрыты следователем, а некоторые показания изменены или уничтожены. В частности, Молчанов, видимо, в какой-то степени последовал совету Петрашевского «открыть всю истину» и дал невыгодные для беклемишевцев показания. Не случайно Гурьев писал 14 мая Корсакову, что Молчанов «...оказался каким-то недоделанным молодым человеком и последнее время много нам мог испортить тем, что, подчинившись влиянию Петрашевского, он путал следствие, елико возможно». Но в напечатанном деле о дуэли в показаниях Молчанова нет ничего опасного для беклемишевцев: вероятно, они были предварительно «отредактированы». Ни Успенского, ни чиновников Сената, рассматривавших дело позднее, не заинтересовало, почему на теле Неклюдова были синяки и царапины, нанесенные, по признанию врача, до дуэли. Никто из них не попытался также выяснить, почему в ночь перед дуэлью трое беклемишевцев приходили на квартиру Неклюдова, хотя в деле и было упоминание об этом «визите».

Когда материалы следствия были переданы в окружной суд, его заседатели потребовали довести следствие до конца. По некоторым данным, активное участие в нем принимал Петрашевский, сформу-

лированные им выводы экспертизы вошли потом без изменения в приговор суда. Иркутско-Верхоленский окружной суд признал дуэлистов виновными в убийстве и приговорил Беклемишева, Анненкова, Гурьева и Молчанова к 20 годам каторжных работ каждого. Но губернский суд не утвердил этого решения и пришел к выводу, что дуэль была проведена по всем правилам. Из трех членов суда приговор окружного суда поддержал лишь Ольдекоп. Копия особого мнения Ольдекопа была послана А. И. Герцену, и он отозвался о нем, как о сделанном «мастерски».

Вскоре решение дела перешло в высшую инстанцию — Сенат, который и вынес свое заключение в июле 1860 года. Сначала Венцель, а потом и Муравьев обратились к царю с просьбой о помиловании беклемишевцев. Царь приказал их судить, а решение Сената обещал рассмотреть потом. Сенат подошел к решению дела весьма либерально и приговорил Беклемишева к 3 годам, а секундантов — к 6—9 месяцам заключения. Но 26 августа царь сократил и эти незначительные сроки в три раза каждому. Вскоре беклемишевцы были освобождены — да и в тюрьме-то они сидели в исключительных условиях, с полным комфортом, пользуясь всеми удобствами и даже вином. Но за всеми четырьмя — Беклемишевым, Анненковым, Молчановым и Гурьевым — оставалось еще одно последнее ограничение — они не могли некоторое время представляться к наградам. Муравьев новой серией ходатайств к царю добивается отмены и этой меры наказания.

1 января 1860 года в Иркутск приехал Муравьев-Амурский. Через неделю после приезда он выступил на приеме в честь купечества и произнес грозную речь, обрушившись на иркутское общество за то, «что его могли смутить двое мерзавцев, которым из милости он позволил жить в Иркутске»[1]. В ответ на все эти упреки, которые были высказаны Муравьевым в чрезвычайно энергичных выражениях, перепуганный «градской голова только кланялся и обещал исправиться». Петрашевский назвал эту речь «образцом речей беснующегося сумасшедшего, сознающего свое бессилие». Герцен, которому был послан текст речи Муравьева, также по достоинству оценил этот образец красноречия, заявив в «Колоколе»: «Мы получили две мастерски сказанные речи Муравьева, в петровском роде, где слово граничит с зуботычиной. Пусть он будет бояться общественного мнения и узнает, что можно быть государственным человеком, не употребляя крепких слов, особенно в тех случаях, когда тот, к кому они относятся, не может дать сдачи» (1861, л. 109).

Сразу же после приезда генерал-губернатора начались гонения на участников протестов против дуэли.

Ф. Н. Львов был вскоре уволен

[1] Голос минувшего, 1915, № 5. С. 33.

со службы и выехал затем в Олонки, где его приютил декабрист В. Ф. Раевский, одобрявший действия петрашевцев в деле о дуэли и опубликовавший в «Губернских ведомостях» резкую статью «Сельские сцены» (№ 18 от 30 апреля), направленную против бесчеловечного обращения беклемишевцев с крестьянами. Библиотека Шестунова была закрыта, а ее владелец выслан из Иркутска; многие лица, протестовавшие против властей, лишились мест: губернский казначей Рыкачев, известный иркутянам своей безукоризненной честностью, советник казенной палаты Кочетов. Архиепископ Евсевий был переведен в другую епархию, подвергся неприятностям от начальства также Мехеда и многие другие.

Власти Восточной Сибири решили выслать из Иркутска Петрашевского и ждали только повода для удаления его из города. Повод, естественно, вскоре нашелся. В феврале 1860 года на имя Петрашевского были получены 125 рублей, посланных его зятем Демором из Петербурга. Эти деньги были переданы без согласования с Петрашевским на погашение числящегося за ним долга. 17 или 18 февраля Михаил Васильевич явился в общее городское правление и заявил протест против распоряжения его деньгами. Такое поведение поселенца было сочтено властями чересчур дерзким, и Петрашевский был вызван 27 февраля к М. С. Корсакову, оставшемуся, за отсутствием Муравьева-Амурского, начальником края. Но Петрашевский и здесь стал доказывать свою правоту. Тогда Корсаков арестовал его и отправил в городское полицейское управление. Там Петрашевский находился до 11 часов вечера.

В 10 часов вечера того же дня на квартиру Львова приехал полицеймейстер, предложил ему собрать вещи Петрашевского и отвезти их на квартиру полицеймейстера (недалеко от полицейского управления). В 11 часов на эту же квартиру был доставлен и сам Петрашевский. Львову разрешили проститься с ним, не выходя из квартиры. Оба они пытались узнать, куда отправляют Михаила Васильевича, но им этого не сказали. Петрашевцам дали лишь час для прощания, а затем Петрашевский был вывезен из города. Иркутский полицмейстер Сухотин сопровождал его до Московских ворот (место тогдашней переправы через Ангару, ныне — начало улицы Декабрьских Событий). На прощанье Сухотин рекомендовал Петрашевскому закутаться получше. «При этом я посоветовал ему лучше думать о тех последствиях, которые ждут его за содействие и соучастие его в убийстве Неклюдова, и что моя высылка никого не спасет, за злодеяние и злоупотребление власти от законной ответетвенности»,— писал впоследствии Петрашевский.

Вся «операция» по удалению Петрашевского из Иркутска была проведена властями быстро и весьма.. конспиративно. Во время переезда Петрашевскому было запрещено разговаривать с кем бы то ни было. До границы Иркутского

уезда Петрашевского сопровождал исправник Гурьев. Арест его провели внезапно: Петрашевский, направляясь к Корсакову, едва ли мог предполагать, чем окончится разговор с ним. День он просидел в полиции; все, что нужно было сделать для его высылки — перевод в дом полицмейстера и увоз из города, приезд к Львову,— все это было выполнено вечером, под покровом темноты. Видимо, иркутская администрация опасалась волнений в городе, которые могли вызвать проводы Петрашевского.

Одновременно был начат «суд над судьями». Членов Иркутско-Верхоленского окружного суда (Доротеева, Образцова, Петрова, Скоснягина) и Ольдекопа признали виновными в неправосудии, арестовали и начали над ними следствие. Муравьеву хотелось привлечь к суду Петрашевского и Львова. Сообщая о начале рассмотрения дела о судьях, он говорил: «Возможно, что Петрашевский будет в числе виновных и, вероятно, Львов, ибо они играли немалую роль в пристрастных приговорах окружного суда и Ольдекопа». Специально для производства дела над судьями председателем губернского суда был назначен Б. А. Милютин.

Примерно в это же время началось следствие по делу о демонстрациях против начальства, которое проводил тот же Милютин. Участники демонстраций попали под надзор полиции. Подверглись преследованиям и простые жители Иркутска, вместе с образованной молодежью осуждавшие беклемишевцев. Видимо, их судьба решалась очень быстро и без «лишних» формальностей: они осуждались на то или иное наказание определением властей, сведения об этом почти не выходили из круга городской администрации. Ф. Н. Львов в письме в «Колокол» рассказывает об одном таком случае. Подгулявший солдат или казак, проходя мимо квартиры Беклемишева, затеял шум. Беклемишев приказал вести его в полицию, но тот стал говорить, что его не за что туда вести, что он никого не убил, как Беклемишев. «Его прогнали сквозь строй и сослали на десять лет в каторжную работу,— продолжает Львов.— Все это сделалось домашним образом — судьба таких людей находится совершенно в руках генерал-губернатора и никем не контролируется»[1]. Разгромив таким образом передовую общественность Иркутска, довольный собой Муравьев писал 2 декабря 1860 года Корсакову: «Иркутск стал гораздо лучше: все звери присмирели».

События, развернувшиеся после дуэли, имели большое значение. Это была первая в Сибири демонстрация против высшей местной администрации, проведенная в больших размерах, демонстрация, подавить которую местные власти долгое время были бессильны. Для Львова, Ольдекопа и большинства других противников администрации это противодействие властям имело целью только борь-

[1] Литературное наследство. Т. 63. С. 238.

бу с беззаконием. Для Петрашевского же, Меxеды, Пестерева и некоторых других участников событий эта борьба преследовала и цель подрыва позиций самодержания.

Объективно эти волнения также имели более глубокий характер, чем борьба за законность и в какой-то степени имели революционизирующее влияние на население Восточной Сибири. Противодействие высшим местным властям, несомненно, наносило удар и тем, кто стоял над ними. Многотысячные демонстрации против приближенных генерал-губернатора, массовое и открыто выражаемое недовольство властями, охватившие крупнейший город Сибири, были, конечно, явлением невиданным для сибиряков, оказавших немалое воздействие на психологию жителей края. Не случайно, даже спустя несколько лет, в Иркутске и других городах Восточной Сибири с мельчайшими подробностями рассказывали о событиях 1859 года. События эти получили широкий общественный резонанс, взволновав не только передовые круги Европейской России, но проникнув и за границу. Не случайно возросла популярность «Колокола» и «Искры» в Сибири после помещенных в них корреспонденций об иркутской дуэли[1]. Не случайно Герцен использовал события в Иркутске для нанесения в своих печатных органах новых ударов по самодержавию. Вести о дуэли достигли даже К. Маркса и Ф. Энгельса, которые признали широкий размах волнений и в косвенной форме одобрили деятельность Петрашевского.

---

[1] В сатирическом журнале «Искра» от 22 апреля 1860 г. была помещена карикатура, изображавшая начальника, стоящего на вышке с подзорной трубой в руках. Карикатура имела заголовок «Провинциальные типы» и текст: «По обязанности заботится, чтобы не было происшествий в городе, а если случится какое, то наблюдать за ним в подзорную трубу с каланчи или колокольни».

ИРКУТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
ЛЕТОПИСИ П. И. ПЕЖЕМСКОГО И В. А. КРОТОВА

1838 г. 2 июля в Иркутск прибыл обратно генерал-губернатор Вильгельм Яковлевич Руперт из-за Байкала.

21 июля, в 5 часу утра, генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт из Иркутска выехал по Московскому тракту для обозрения губернии.

22 июля, в 10 часов утра, в Иркутск прибыл преосвященный Нил, епископ Иркутский. Прибытие его состоялось нижеследующим порядком: июля 21 числа утром преосвященный Нил прибыл в Вознесенский монастырь, где встречен был настоятелем монастыря архимандритом Никодимом и всеми членами духовной консистории, градским главой Шигаевым с почетными гражданами; преосвященный изволил из дорожной кареты пройти прямо в церковь, служил почивающему тут Святителю Иннокентию молебствие и прикладывался к его святым мощам; архимандрит Никодим говорил речь, преосвященный Нил тоже произнес краткое приветствие, потом пошел к архимандриту в келии и тут принял членов консистории, градского главу с гражданами и расположился остаться в монастыре до следующего дня. 22 июля, в 9 часов утра, в Иркутске, в кафедральном Богоявленском соборе к обедне его преосвященство Нил изволил выехать из монастыря в карете. Почти с половины дороги начался в городе по всем церквам колокольный звон. Подъехав к перевозу реки Ангары, преосвященный сел на приготовленный для переправы через реку карбас. В городе на берегу реки ожидали встретить его у соборного крыльца, на лестницах, что спускаются на реку Ангару, но карбас пристал выше приготовленного места, где его ожидали, почти против середины публичного сада, где его преосвященство изволил выйти на берег; встречен был архимандритом Никодимом, кафедральным протоиереем Петуховым, ключарем Шастиным с соборным и град-

* Продолжение. Начало см.: «Сибирь», № 4—6, 1989 г.; № 1—6, 1990 г.; № 1—4, 1991 г.

ским духовенством, управляющим губерниею Андреем Васильевичем Пятницким с чиновниками и градским главою Шигаевым и множеством народа всех сословий. Шел преосвященный до собора пешком; дошел до ограды архиерейской, облачился в мантию, вошел в собор со славою (главное крыльцо в соборе по случаю переправок в полутеплой церкви было заперто), и по входе в собор преосвященный произнес краткую приветственную речь, совершил первую литургию в Иркутске и шел из собора в мантии по ограде в архиерейский дом в сопровождении духовенства. Подходило на благословение множество народа; шествие было очень медленное; у крыльца архиерейского дома преосвященный принят был градским главою Шигаевым с гражданами; от общества был приготовлен в келиях его преосвященства обеденный стол, приглашены были губернатор с почетными чиновниками и духовенство. Во время стола его преосвященство был очень весел, разговаривал; остался встречей очень доволен. По окончании обеда преосвященный поблагодарил граждан за угощение и ушел в свои покои. Отдохнув несколько после обеда, изволил идти взглянуть расположение своего архиерейского дома и даже всех служб, потом зашел в консисторию, духовную семинарию в соборной ограде. Во всех сих местах был просто, без всяких приготовлений и неожиданно, в сопровождении кафедрального протоиерея Фортуната Пегухова и с ним приехавшего его домового секретаря. На другой день прибытия своего изволил быть в Знаменском девичьем монастыре во время служения поздней обедни, для обзора церквей, и посетил игуменью в кельях и еще заехал обозреть на пути из монастыря стоящие церкви: Борисоглебскую, Преображенскую и Владимирскую. На третий день, 24 июля, в воскресенье, в кафедральном Богоявленском соборе совершал Божественную литургию, после обедни изволил принимать градское духовенство со старостами церковными; от духовенства благочинные поднесли его преосвященству хлеб-соль; принимал всех очень благосклонно и приветствовал краткой назидательной речью.

2 сентября, в 6 часов пополудни, в Иркутск прибыл обратно генерал-губернатор Руперт.

4 сентября в Иркутске предписано, чтобы во все воскресные и табельные дни в гостином и во всех прочих рядах торговые лавки, кроме бакалейных, не были открываемы во весь день и не производилась бы торговля, а имели бы во всяком ряду по одной открытой очередной лавке. После предписания в гостином и во всех других рядах учреждены были между собою очереди.

16 сентября, в 1 часу пополудни, в Иркутске вновь выстроенный галиот «Иртыш» спущен на воду.

14 октября в Иркутске, в Богоявленском соборе, в теплом Петропавловском храме, по случаю переправок полов (вместо деревянных — каменные) было полное освящение храма во имя святых апостолов Петра и Павла преос-

вященным Нилом, епископом Иркутским.

30 октября в Иркутске первая частная управа известила торгующих, что во всех торгующих рядах позволяется производить торговлю и открывать лавки во все воскресные и праздничные дни после окончания поздней обедни, и после сего разрешения начали открывать лавки во всех рядах.

17 ноября в Иркутске поступил в Троицкую церковь вторым священником вновь поставленный из окончивших курсы в Иркутской духовной семинарии студент из первого разряда (вторым учеником) Литвинцев Петр Степанович, сын Архангельской церкви священника, отца Стефана; 8 ноября поставлен в дьяконы, а 13 рукоположен в священника преосвященным Нилом, епископом Иркутским.

На 28 декабря ночью в Иркутске р. Ангара против города покрылась льдом при 20 градусах холода и при посредственном возвышении воды.

22 декабря в Иркутске в Троицкой церкви был выбор церковного старосты на три года; избран Иркутский купец Яков Степанович Малков вместо Иркутского купца Сидора Андреевича Шелихова, прослужившего в этой должности уже десять лет.

1839 г. С 1 января в Иркутске почтовую гоньбу на городской станции начал гонять Жилкинской волости крестьянин Василий Анкудинович Яковлев. Прежде эта станция уже несколько лет содержалась Иркутским градским обществом; последнее трехлетие содержала дума за 28 тысяч рублей асс.; вследствие низкой цены град-

ская дума отказалась.

8 января в Иркутске, в Богоявленском соборе, преосвященный Нил, епископ Иркутский, отправлял молебствие по случаю обручения Великой Княжны Марии Николаевны с герцогом Максимильяном Лихтенбергским; во весь день в городе продолжался колокольный звон. Обряд обручения совершен в С.-Пб 4 декабря 1838 г.

26 января председателю Иркутской казенной палаты, стат. совет. Андрею Васильевичу Пятницкому повелено быть в должности Иркутского гражданского губернатора.

22 февраля в Иркутске после вечерни благочинным протоиереем Шастиным Троицкой церкви священнику Иоанну Шергину на поданное им прошение Нилу, епископу Иркутскому, об увольнении его от церкви на покой объявлена его преосвященства резолюция, что отец Иоанн Шергин уволен на покой и считать его заштатным чиновником.

17 марта, в 6 часов утра, в Иркутске, в Знаменском монастыре, в адмиралтействе у матросов сгорела кузница.

8 апреля р. Ангара против города раскрылась ото льда, быв покрытою оным 100 дней.

20 мая из Иркутска выехал генерал-губернатор Руперт по Якутскому тракту в г. Якутск, 14 июля обратно прибыл в Иркутск.

25 мая, в 6-м часу утра, в Иркутске, в городовой больнице, сгорело до 50 сажен дров, поблизости оных сломали баню у мещанина Посылина и раскрыли на дому его крышу. При большом низовом ветре пожарная команда с помощью солдат едва могла спасти другие поблизости стоящие строения.

8 июня, в 11-м часу утра, в Иркутске из Богоявленского собора носили икону «Казанская Божия Матери» с колокольным звоном на предназначенное место вновь созидаемой церкви Медведниковым при постройке новой семинарии. При совершении на месте молебствия ректором семинарии Вознесенского монастыря архимандритом Никодимом и по окроплении места святою водою, приступили к расколотке для копания рвов для фундамента.

11 июня в Иркутске, в Вознесенском монастыре, было освящение храма Тихвинской Божией Матери в прежней деревянной церкви, где был погребен Святитель Иннокентий. Ныне храм вновь возобновлен и освящен преосвященным Нилом, епископом Иркутским.

13 июня, в 1-м часу пополудни, из Иркутска по заморскому тракту выехал преосвященный Нил для обозрения своей епархии в Кяхту до Нерчинска; провожден из города был колокольным звоном.

21 июня в Иркутске, в церкви Владимирской Божией Матери спускали с колокольни большой колокол (по церковной описи значится весом 485 пудов, лит в 1800 г., в царствование Императора Павла Петровича, при епархиальном архиерее Вениамине, мастером Иркутским мещанином Алексеем Унжаковым; впоследствии колокол раскололся и прорвались уши) — для перелития в

новый колокол для той же церкви, по усердию прихожанина той церкви, почетного гражданина Прокопия Медведникова. Спустили колокол с колокольни и отдали на подряд флотскому офицеру Широковскому за 600 рублей. По устройстве по обеим сторонам колокольни двух воротов, начали спускать в вышеозначенное число с 7 часов утра, сначала спустили вниз внутри колокольни, прямо до первых снизу окон, которые над сводом паперти холодной церкви, а оттуда вытащили на полуденную сторону в окно, которое для сего было шире разломано, а из окна поставлены были на землю два толстых бревна, т. е. слеги, по коим колокол ровно в 4 часа пополудни спустился благополучно на землю.

25 июня в Иркутске после поздней обедни из кафедрального собора носили св. икону Казанской Божией Матери на место постройки новой семинарии, по выкопании рвов на закладку фундамента.

2 июня, в 5-м часу дня, в Иркутск прибыли из Кяхты по кругоморскому тракту китайские курьеры от китайского правительства с бумагами к Иркутскому гражданскому губернатору; по исполнении своих обязанностей, выехали из Иркутска обратно в Кяхту по той же дороге 9 июля, в 4-м часу пополудни.

6 августа, в половине 8 часа утра, в Иркутске было чувствуемо землетрясение, сначала легкое колебание, а потом через несколько секунд большой удар; во многих каменных зданиях сделало повреждение, в кафедральном Богоявленском соборе в осмерике сделало щели, в Троицкой холодной церкви, в алтаре, дало большую трещину, и упала на крыше печная труба, у Архангельской церкви у креста сорвало цепи, и в церкви упало паникадило, на Тихвинской церкви у креста тоже порвало цепи, у прочих церквей оставило знаки; в казенных зданиях, в тюремном замке сделало повреждения; во многих частных каменных и деревянных домах упали трубы, а иные повреждены.

6 августа, в 3 часа пополудни, прибыл в Иркутск преосвященный Нил, епископ Иркутский, из поездки своей за Байкал до Кяхты и Нерчинска.

8 августа в Иркутске было отправляемо молебствие с коленопреклонением по случаю бракосочетания Великой Княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лихтенбергским; продолжался трехдневный колокольный звон, а по вечерам иллюминация, бракосочетание совершено в С.-Петербурге 2 июля.

19 августа из Иркутска выехал ген.-губ. Вильгельм Яковлевич Руперт по Московскому тракту для встречи своей супруги, ехавшей из Полтавы с семейством.

26 августа, во 2-м часу пополудни, в Иркутск прибыла генерал-губернатора Руперта супруга с семейством, с ними же прибыл встретивший их и сам ген.-губ. Руперт.

26 сентября Троицкая Петропавловская церковь, по случаю переправки каменного пола и переправки и позолоты иконостаса

Градъ
Иркутской

в холодной церкви, освящена преосвященным Нилом, епископом Иркутским.

28 сентября в Иркутске — землетрясение.

13 декабря р. Ангара против города покрылась льдом при 22° холода, при посредственном возвышении воды; назавтра покрытие воды, холод доходил до 3°, и возвышение воды было так мало, что по всему берегу нигде на дорогу воды не залилось.

1840 г. В последних числах февраля через Иркутск проезжала духовная миссия в Пекин — архимандрит Поликарп с братиею,— на перемену прежней, в Иркутске проживали недолго и отправились в Кяхту.

На 4 апреля ночью в Иркутске против города р. Ангара начала разламывать лед полыньями и в течение дня раскрылась, быв покрытою 112 дней.

В половине апреля в Иркутск прибыл генерал-майор Черкасов, председатель комиссии для приготовления к открытию палаты государственных имуществ; остановился в доме Солдатова Василья Петровича; с ним прибыли надворный советник Николай Семенович Щукин, камеръюнкер Двора Его Величества Львов.

2 мая, после поздней обедни, из Богоявленского собора — крестный ход с колокольным звоном на место постройки духовной семинарии, а сам преосвященный Нил, епископ Иркутский, изволил прибыть в карете на место постройки, отправлял молебствие с водосвятием и, по окроплении святою водою конченного в прошлом году фундамента, начали работу.

7 мая из Якутска выехал по Якутскому тракту Троицкой церкви священник Петр Литвинов, по желанию его назначенный в Америку на остров Кадьяк.

20 мая в Иркутске, в кафедральном Богоявленском соборе преосвященный Нил, епископ Иркутский, отправлял благодарственное молебствие с соборным духовенством по случаю возведения его в сан архиепископа 13 апреля текущего, 1840 года, и с сего 30 мая начали именовать его архиепископом.

9 июня в Иркутске против церкви Преображения Господня с северной стороны заложенное в 1837 году 12 июня (?) каменное здание для сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой совсем постройкой окончено, и вышеупомянутого числа, по отслушании питомцами поздней обедни в своем приходе, они переведены в новое здание членами заведения; на новоселье был приготовлен завтрак и удостоен посещением генерал-губернатора Восточной Сибири Вильгельма Яковлевича Руперта, гражданского губернатора Пятницкого и других генералов, чиновников, почетных граждан и купечества.

11 июня из Иркутска выехал по Московскому тракту генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт для обозрения своей губернии до Красноярска; прибыл обратно в Иркутск 8 июля.

21 июня в Иркутске у Владимирской церкви разбивали большой колокол, спущенный с колокольни для перелития в новый;

сначала накалили углями, потом били по нем борцом и отламывали большие штуки.

21 июня, в 12 часу, из Иркутска выехал по Якутскому тракту вниз по Ангаре береговой дорогой преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, для обозрения своей епархии, а потом поворотил на Ильканий винокуренный завод, а сттуда обратно в Иркутск, прибыл на 3-е число июля, ночью.

1 июля в Иркутске после поздней обедни из собора был крестный ход с иконами на место постройки новой семинарии, по случаю окончания работы цоколя и начала кладки кирпича.

На 25 июля в Иркутске к церкви Владимирской переливали большой колокол в 500 пудов тюменские мастера, иждивением купца Прокопия Медведникова, но колокол не вылился, а вышел почти только до половины.

28 июля, в 3-м часу пополудни, из Иркутска выехал в Тунку преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, и 6 августа прибыл обратно в Иркутск.

14 августа, в 8 часу утра, в Иркутске скончался Иркутский 3-й гильдии купец Сидор Андреевич Шелихов после четырехдневной болезни, от апоплексического удара, на 75 году жизни, погребен на общем кладбище; он был уроженец города Рыльска, родственник известного основателя Российско-Американской компании Григория Ивановича Шелихова и с молодых лет находился при нем в Америке, впоследствии несколько лет управлял его делами в Охотске; после смерти его выехал в Иркутск, остался постоянным жителем, открыл свои торговые дела и построил в Иркутске два деревянных дома.

8 октября, в 9-м часу утра, по 1 части города, в Архангельском приходе, в каменном доме, бывшем прежде купцов Патюкова и Кузнецова (ныне военный лазарет), загорела крыша и сгорела до основания, но потолки остались целы и внутренность дома не горела и ничего не изломано.

6 декабря из Иркутска выехал в С.-Петербург генерал-губернатор Руперт, а семейство его осталось дома.

21 декабря р. Ангара против города покрылась льдом при 18° мороза; возвышение воды было более прошлогоднего, и в иных местах по берегу вода доходила до домов.

13 октября свиной базар от речки Ушаковки у 2 части переведен на Преображенскую площадь, на место бывших кузниц, а кузницы переведены на берег речки Ушаковки, к мосту.

2 декабря прибыл в Вознесенский монастырь новый настоятель архимандрит Варлаам, переведенный из Вятки на место архимандрита Никодима.

(Продолжение следует).

Составитель В. В. Козлов
Художественный редактор
О. В. Беседин
Технический редактор
Т. Н. Тихомирова
Корректор В. М. Ермакова

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Адрес редакции: 664000, Иркутск, ул. Степана Разина, 40, Союз писателей. Тел. 24-56-76.

ИБ № 1758
Сдано в набор 10.09.81.
Подписано в печать 17.12.91.
Формат 84×108 1/32.
Бумага газетная. Усл.-печ. л. 12,6
Усл. кр.-отт. 12,81 л. Уч.-изд. л. 14,38.
Тираж 12000 экз. Заказ 1748
Изд. № 6476. Цена 1 р. 40 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и массовой информации РСФСР.
664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992, ОСЕНЬ
ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС
«БЛИЗЪ ЕСТЬ, ПРИ ДВЕРЕХЪ»

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ в 1992 году созывается ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС. Для обсуждения на Конгресс выносится единственная проблема — «Протоколы собраний сионских мудрецов»: миф или реальность?».

Заявки на участие в Конгрессе направлять по адресу: 198302, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, а/я 367, Антонову Юрию Федоровичу.

Телефоны: 157-99-49 (вечером), 296-14-22 (днем).

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Новые условия жизни поставили и наш журнал в крайне трудное положение. Мы не смогли принять условий «Союзпечати» на российскую подписку, потому что они нам попросту не по карману. Но это не значит, что журнал не будет выходить.

Мы получаем множество писем постоянных и верных наших подписчиков с предложением помощи, со словами братской поддержки и выражаем им искреннюю нашу признательность. Получаем мы и денежную поддержку.

Начиная с 1992 года мы будем самостоятельно заниматься подпиской и рассылкой журнала за пределы Иркутской области. В Иркутске и области подписка будет проводиться через агентство «Союзпечать».

Стоимость годовой подписки 8 руб. 40 коп. для жителей Иркутской области. Для читателей России стоимость подписки — 12 руб.

Для того чтобы получить наш журнал, достаточно также сообщить свой домашний адрес, фамилию, имя, отчество — и вы получите наш журнал наложенным платежом.

Наш расчетный счет в коммерческом банке «Азиатский» 000161701/000700532 МФО 125004.

664000, Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Журнал «Сибирь».

1р. 40к.

СИБИРЬ

5 91

В следующем номере читайте:

Жития народные.
ОТЕЦ АРСЕНИЙ

колая СИРОТЕНКО
Явки не будет

Индекс 73380